

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (97)

Гуманитарные науки

2016

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Ph D, Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2016, № 4 (97) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бабков А.М. Эвакуация учреждений Минской губернии (1915–1916 гг.).....	5
Барташэвіч А.Ю. Узвышэнне грамадскага статусу каталіцкай канфесіі у беларускіх гарадах у другой палове XVII ст.	11
Бригадин Д.П. Девиантное поведение представителей дворянского сословия белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв.	18
Гавриловец Л.В. Польско-германские отношения в 1970–1990 гг. Новые перспективы развития польско-германского диалога	24
Даніловіч В.В. Моладзь у прамысловасці Савецкай Беларусі ў гады ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі	30
Зеленкова А.И. Становление Гомельского государственного университета (по материалам газеты «Гомельскі ўніверсітэт»)	36
Косов А.П. Российская историография латиноамериканской политики США в постбиполярный период	42
Макушников О.А. Древнерусские становища в археологических памятниках Гомельского Поднепровья	49
Моторова Н.С. Управления по делам земского хозяйства на территории белорусских губерний: функции, структура, состав (1903–1911 гг.)	55
Старовойтов М.И. Социальная динамика сельского населения БССР в 1920–1930-е годы .	61
Чаропка С.А. Тэрор як форма барацьбы ў казацка-сялянскай вайне 1648–1651 гадоў на Беларусі	67

ФИЛОЛОГИЯ

Богдан Н.А. Рэпрэзентацыя маўленчай дзейнасці чалавека ў фразеалогіі Якуба Коласа .	73
Гончаров В.В. Писатели-фронтовики в современном информационном пространстве..	79
Иванчикова Ю.С. Модальные семантические реализации корня *vel-/*vol- (на материале русского языка)	85
Казимирский Г.Л. Отношение к поэзии как индикатор духовной зрелости.....	91
Кирюшкина А.А. О некоторых национально-специфических характеристиках концепта «любовь» в русском и французском языках	96
Лапицкая Н.И. Особенности морфемного и словообразовательного анализов в школьном курсе словообразования.....	101

Ляшчынская В.А. Сімвальнае значэнне фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам сцяна/сценка	105
Навасельцава Г.В. Абнаўленне прыёмаў паэтыкі рамана ў беларускай прозе XXI стагоддзя (на прыкладзе твораў Віктара Казько «Бунт незапатрабаванага праху» і Юрыя Станкевіча «Ліст у галактыку “Млечны шлях”»)	110
Северина О.Л. Роман Германа Садулаева «Шалинский рейд»: образы измененных состояний сознания в исповеди комбатанта	115
Стрижак А.Л. Функционально-стилистические и семантические особенности употребления белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси	120
Тимошенко Е.И. Формирование оценочной семантики у слов с приставкой раз- (рас-) в русском языке	127
Шпенюк И.Е. Научно-академический дискурс как институциональный тип дискурса	132
ФИЛОСОФИЯ	
Одиноченко В.А. Религия в системе культуры: к постановке проблемы	138
Павочка С.Г. Философско-культурологическая концепция классического евразийства: дилемма универсализма и плюрализма	143
Степанюк В.К. Конвергентные технологии как инструмент формирования новой техносферы	150
Шкиль Л.Л. Загадочность человеческого «Я»: проблема интерсубъективности в философии Поля Рикера и Жоржа Батая	154

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2016, № 4 (97) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.M. Babkov. <i>Evacuation of the institutions of Minsk province (1915–1916)</i>	5
A.Y. Bartashevich. <i>The rise of the social status of the Catholic confession in Belarusian cities in the second half of the XVII century</i>	11
D.P. Brigadin. <i>Deviant behavior of the nobility of the Belarusian provinces in the second half of XIX – early XX centuries</i>	18
L.V. Gavrilovets. <i>Polish-German relations in 1970–1990 years. New prospects of the development of the Polish-German dialogue</i>	24
V.V. Danilovich. <i>Youth in the Soviet Belarusian industry in the years of the New Economic Policy</i>	30
A.I. Zelenkova. <i>Formation of Gomel State University (according to the newspaper «Gomel University»)</i>	36
A.P. Kosov. <i>Russian historiography of the U.S. policy toward Latin America in the post-bipolar period</i>	42
O.A. Makushnikov. <i>Old Russian encampments in the archaeological sites of Gomel Dnieper Region</i>	49
N.S. Motorova. <i>Administration for the local economy on the territory of Belarusian provinces: function, structure, composition (1903–1911)</i>	55
M.I. Starovoitov. <i>Social dynamics of rural population in BSSR in 1920–1930</i>	61
S.A. Charopka. <i>Terror as a form of struggle in the Cossack and Peasant war of 1648–1651 in Belarus</i>	67

PHILOLOGY

N.A. Bogdan. <i>Representation of human speech activity in the phraseology of Yakub Kolas</i>	73
V.V. Goncharov. <i>Writers-veterans in the context of modern information space</i>	79
Y.S. Ivanchikova. <i>Modal semantic realization of the root * vel - // * vol- (on Russian material)</i>	85
G.L. Kazimirsky. <i>Attitude to the poetry as an indicator of spiritual maturity</i>	91
A.A. Kiryushkina. <i>On some national-specific characteristics of the «love» concept in Russian and French</i>	96
N.I. Lapitskaya. <i>Features of morphemic and word-formation analysis in a school course of word formation</i>	101
V.A. Lyashchynskaya. <i>The symbolic value of phraseology of the Belarusian language with a component сцяна/сценка</i>	105

G.V. Navaseltsava. <i>Update of poetic methods of the novel in the Belarusian prose of the XXI century (on the example of works of Victor Kazko "Riot of unclaimed ashes" and Jury Stankevich's «Letter to the galaxy "Milky Way"»)</i>	110
O.L. Severinova. <i>Novel of Hermann Sadulaev «Shali raid»: images of altered states of consciousness in the confession of combatant</i>	115
A.L. Strizhak. <i>Functional-stylistic and semantic features of the use of belorusizms in Russian newspapers in Belarus</i>	120
E.I. Tymoshenko. <i>Formation of estimated semantics in words with the prefix raz- (ras-) in the Russian language</i>	127
I.E. Shpenyuk. <i>Scientific and academic discourse as an institutional type of discourse</i>	132

PHILOSOPHY

V.A. Odinochenko. <i>Religion in Culture System: Statement of the Problem</i>	138
S.G. Pavochka. <i>The philosophical-cultural concept of classical Eurasianism: the dilemma of universalism and pluralism</i>	143
V.K. Stepanyuk. <i>Convergent technologies as a tool for shaping a new technosphere</i>	150
L.L. Shkil. <i>The mystery of the human «I»: the problem of intersubjectivity in the philosophy of Paul Ricoeur and Georges Bataille</i>	154

ИСТОРИЯ

УДК 94(476.1)«1915/1916»:351.862.223

Эвакуация учреждений Минской губернии (1915–1916 гг.)

А.М. БАБКОВ

Анализируется эвакуация учреждений Минской губернии во внутренние губернии России в начале Первой мировой войны. Рассмотрены основные мероприятия военных и гражданских властей по вывозу земских, налогово-финансовых учреждений и банков. Сделан вывод о неподготовленности губернских и военных властей к эвакуации, которая была проведена частично.

Ключевые слова: эвакуация, Минская губерния, земские, сословные, финансовые учреждения, военный округ, Западный фронт.

Evacuation of the Minsk province institutions in Russia's internal provinces at the beginning of the First World War is analyzed. The main activities of military and civilian authorities on export of Zemsky, tax and financial institutions and banks are considered. The conclusion of the unpreparedness of the provincial and military authorities in the evacuation, which was carried out partially has been done.

Keywords: Evacuation, Minsk province, Zemsky, estate, financial institutions, military district, Western front.

В сентябре 1915 г. немецкие войска прорвали линию фронта под Свенцянами и вышли в глубокий тыл российской армии на территории Беларуси. Захватив Вилейку, Сморгонь, они приблизились к Молодечно и создали угрозу для Минска. Российско-германский фронт протянулся с севера на юг почти по прямой линии Поставы–Барановичи–Пинск и находился на расстоянии около 100 километров от Минска.

По мере приближения немецких войск к Минску город превратился в своеобразную столицу Западного фронта, здесь разместились штабы фронта и армий, управление Минского военного округа, военные госпитали, губернские отделения Всероссийского земского и городского союзов и других общественных организаций. В связи с массовым притоком военных и беженцев численность населения Минска увеличилась со 100 тыс. до 250 тыс. человек. 22 августа 1915 г. старший фабричный инспектор губернии А.А. Алексеев в своем донесении в министерство торговли и промышленности обращал внимание властей на возникший в Минске дефицит продуктов питания, нарастание тревожных настроений среди жителей, ожидание эвакуации среди промышленно-торговых кругов и земско-городских властей [1, с. 790].

24 августа Совет Министров Российской империи на своем заседании обратил внимание на бездеятельность гражданских и военных властей в деле подготовки к эвакуации беженцев, учреждений и материальных ценностей, что «привело к панике в ряде прифронтовых городов – Киеве, Чернигове, Минске, Смоленске» [2, с. 239]. Уездные власти также сообщали об обеспокоенности жителей прифронтовых районов приближением боевых действий. Предводитель дворянства Борисовского уезда доносил минскому губернатору «о панике в гор. Борисове, имевшей место с 3 по 14 сентября, ввиду нахождения в северной части уезда и вблизи Борисова неприятельских войск, занявших заштатный город Докшицы... Немецкие разъезды доходили до полотна Александровской железной дороги. От г. Борисова разъезды были замечены на расстоянии 8 верст» [3, л. 277]. Уже в сентябре 1915 г. жители Минска столкнулись с первыми воздушными бомбардировками немецкой авиации. Аэропланы сбрасывали бомбы не только на такие стратегические объекты, как Александровский и Виленский железнодорожные вокзалы, а также на жилые кварталы. Налеты авиации вели к гибели мирных жителей, разрушениям и пожарам. 18 сентября 1915 г. пристав 4-й части Минска И.Д. Семенович в рапорте на имя минского полицмейстера полковника А.А. Скалона докла-

дывал о налете немецкого аэроплана на Александровский железнодорожный вокзал и бомбардировке Дементьевской и Грушевской улиц, что угнетающе действовало на настроения людей [4, с. 87]. Позже начались налеты немецкой авиации на ст. Столбцы, Несвиж и другие пункты.

В связи с занятием немцами крупного Барановичского железнодорожного узла было нарушено транспортное сообщение с южными уездами губернии. Из Минска в Пинский уезд можно было добраться окружным путем по железной дороге через Гомель. В Минской губернии было мало шоссе и замощенных дорог, их протяженность составляла около 800 верст. Преобладающими путями сообщения в губернии являлись грунтовые дороги. Однако вследствие болотистого характера местности на юге губернии в дождливую погоду они становились трудно проходимыми.

С приближением военных действий к границам Минской губернии главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт обратился к губернским властям с указанием по подготовке к эвакуации государственных учреждений. 20 августа 1915 г. начальник снабжения армий фронта генерал Н. А. Данилов направил главному начальнику Минского военного округа генералу Е.А. Раушу фон Траубенбергу телеграмму с требованием «приступить к эвакуации Минска», для чего поручил ему образовать «комиссию из представителей эвакуируемых учреждений, железной дороги и коменданта станции» [4, с. 70]. Председателем комиссии по эвакуации учреждений г. Минска был назначен генерал-лейтенант А.Н. Войцеховский.

Выполняя указания военных властей, 21 августа губернатор А.Ф. Гирс представил на утверждение главному начальнику Минского военного округа составленное совместно с председателем губернской земской управы положение об эвакуации земских учреждений Минской губернии и получил его одобрение. В соответствии с положением, «земские учреждения подлежали эвакуации одновременно с правительственными» [5, л. 160]. Основанием для вывоза земских учреждений являлось распоряжение высших военных властей, в частности главного начальника военного округа, главнокомандующего Западным фронтом или командующих армиями. На основании «Временного положения» от 24 августа 1914 г. эвакуирующимся служащим и их семьям выдавалось пособие в размере двухмесячного оклада и право на бесплатный проезд. Обязательно рекомендовалось вывезти «денежную наличность, процентные бумаги, гербовые марки, журналы губернского земского комитета по делам земского хозяйства и земских собраний, книжки сберегательных касс, секретную переписку, дела в судебных инстанциях». Для обслуживания потребностей населения «на местах оставались отдельные учреждения здравоохранения, в частности соматическое отделение губернской земской больницы, лечебница для хронических больных, уездные земские больницы». С объявлением эвакуации «арестные дома» и содержащиеся в них заключенные, отбывавшие краткосрочное заключение, должны были выпуститься на свободу, а подследственные передавались полиции [5, л. 160].

Однако главный начальник Минского военного округа предварительно не определил внутренние районы размещения земских учреждений в случае их эвакуации, фактически оставив данный вопрос на усмотрение губернских властей. Первоначально местные власти наметали передвижение земских учреждений из западных в восточные уезды губернии, чтобы после отступления немецких войск они могли быстро вернуться в места прежнего размещения.

В связи с угрозой прорыва немецких войск 26 августа 1915 г. в секретном предписании минского губернатора А.Ф. Гирса уездным предводителям дворянства и начальникам полиции сообщалось, что в случае дальнейшего наступления немецких войск и объявления эвакуации «Речицкий и Минский уезды направляются в г. Суздаль Владимирской губернии, Пинский и Новогрудский уезды – в г. Муром, Слуцкий и Гомельский уезды – в г. Ковров, Бобруйский, Мозырский и Борисовский уезды – в г. Шуя» [5, л. 367].

8 сентября канцелярия главного начальника Минского военного округа направила телефограмму председателю комиссии по эвакуации Минска генералу А.Н. Войцеховскому с сообщением о том, что минский губернатор получил от главного начальника округа указание об эвакуации учреждений Пинского и Минского уездов. Аналогичное распоряжение поступило из штаба 4-й армии относительно эвакуации учреждений г. Новогрудка, но не касавшееся уезда. На другие уезды Минской губернии эвакуация временно не распространялась [5, л. 320].

9 сентября 1915 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт издал приказ «в целях заблаговременного освобождения армейского района фронта от всех излишних и ценных грузов... общественным и правительственным учреждениям немедленно эвакуировать в тыл все излишнее имущество» [6, л. 300]. В тот же день минские военно-окружные управления были переведены в Смоленск, за исключением интендантского склада и тыловой эвакуационной команды.

Согласно распоряжения штаба военного округа Минское губернское правление направило начальнику полиции города указание срочно приступить к вывозу наиболее важной документации и имущества, при этом не прекращая текущей работы. В сентябре часть материалов делопроизводства и обмундирование минской полиции было эвакуировано во Владимир, для охраны которых были командированы пять городских [7, л. 225]. Почти одновременно в Москву был вывезен Минский окружной суд и нотариальный архив. Суд возобновил свою работу по Гранатному переулку д. 24, а архив разместился в здании судебных московских установлений [8, с. 104]. В Москву также было эвакуировано имущество минской губернской тюрьмы, которое состояло из арестантской одежды, 54 ящиков с оборудованием сапожной мастерской, 9 швейных машин, 150 медных бочек и 2 медных котлов, 3 кипятильников, 5 ящиков с церковной утварью. Служебный персонал тюрьмы остался в Минске. Однако из-за «крайней нужды для потребности коммунальных служб города» в сантехническом оборудовании по ходатайству судебного инспектора Минской губернии тюремное имущество вскоре было частично возвращено в Минск. Спустя несколько месяцев Минское губернское правление затребовало от военного командования возвращения имущества городской полиции. В декабре 1915 г. оно ходатайствовало перед начальником Военных сообщений армий Западного фронта «о предоставлении на ст. Владимир Московско-Нижегородской железной дороги товарного вагона для перевозки в Минск эвакуированных во Владимир материалов делопроизводства городского полицейского управления, сыскного отделения и участковых приставов, а также части городских и обмундирования, и просило минского губернатора о его скорейшей отправке» [7, л. 69, 134–136]. Для перевозки полицейского имущества по железной дороге Минским губернским правлением были выданы «бесплатные проездные свидетельства», а сопровождение груза возлагалось на помощника пристава минской городской полиции И. Бранчирика [4, с. 80–81].

Первостепенное значение губернскими властями придавалось вывозу учреждений земского, городского и сословного самоуправления, большинство которых разместились во Владимирской губернии. В конце сентября 1915 г. по распоряжению военных властей из Минска были вывезены во Владимир губернское присутствие, а также документация Минского уездного съезда земских начальников. Канцелярия Новогрудского уездного съезда земских начальников с шестью служащими разместились в Муроме Владимирской губернии [7, л. 230]. Во Владимир также переехала канцелярия минского губернского предводителя дворянства и дворянского депутатского собрания вместе со служащими и имуществом. Предводитель дворянства обращал внимание минского губернатора на нарушение после эвакуации канцелярии работы его ведомства в губернии. Он отмечал, что «без канцелярии нельзя устраивать собраний предводителей дворянства, которые все находятся в Минской губернии, т. к. для разрешения дел требуются справки из вывезенных бумаг» [7, л. 230].

Во Владимир была эвакуирована минская губернская типография со служащими и оборудованием. Это поставило в очень сложное положение губернские власти и общественные учреждения, которые типография обеспечивала бланками, служебными книгами, другой печатной продукцией. Несмотря на обращения минского губернатора к владимирским губернским властям оказать содействие по возобновлению работы типографии, во Владимире не нашлось свободных помещений для ее размещения. Уже 2 ноября 1915 г. минским губернатором было направлено представление главнокомандующему Западным фронтом о «разрешении возвратить в Минск эвакуированную губернскую типографию» [7, л. 55].

Хозяйственно-экономические учреждения Минской губернии вывозились преимущественно в Нижний Новгород. Среди них Управление земледелия и государственных имуществ в составе 14 служащих и его гидротехнический отдел, а также губернская и Минская уездная

землеустроительные комиссии с частью служащих. Другие штатные чиновники этих учреждений остались в Минске и продолжали выполнять свои служебные обязанности. В связи с увеличением потока обращений «от населения о разрешении оставшихся незаконченных землеустроительных дел» губернское Управление земледелия и госимуществ 13 января 1916 г. обратилось через минского губернатора к главному начальнику снабжения армий Западного фронта с просьбой «сообщить, не встречается ли препятствий возвращению в Минск губернской и уездной землеустроительных комиссий», отмечая при этом, что прежние помещения обеих комиссий «не заняты для военных надобностей» [7, л. 58].

После эвакуации в Нижний Новгород канцелярии минского лесоохранительного комитета и возникшими с приближением зимы трудностями в снабжении города топливом губернское Управление земледелия и государственных имуществ ходатайствовало перед губернатором и военными властями о возвращении лесоохранительного комитета в Минск [7, л. 45].

С вторжением в начале сентября немецких войск на территорию Борисовского уезда главноуправляющий Старо-Борисовским частновладельческим лесным имением великих князей Н.Н. и П.Н. Романовых Д.П. Мещеринов издал распоряжение управляющим лесничествами о подготовке к вывозу наиболее ценной документации и имущества канцелярии лесничеств, денежной наличности и передачи помещений в распоряжение военных властей. Согласно его распоряжения, охрана лесных дач, усадеб и других помещений во всех четырех лесничествах имения возлагались на лесничих. В соответствии с дальнейшими указаниями управления имением в случае военной необходимости вывозу подлежали наиболее ценная документация управления, имущество канцелярий лесничеств, денежная наличность, текущая переписка [4, с. 72–74].

Во внутренние губернии России были эвакуированы налоговые и финансовые учреждения Минской губернии. В сентябре 1915 г. во Владимир были вывезены канцелярия и часть сотрудников губернского и двух окружных акцизных управлений, где они продолжали функционировать. Эвакуация губернского акцизного управления затрудняла работу по сбору акцизов в Минской губернии, т. к. после стабилизации положения на фронте началось оживление хозяйственной жизни. 18 июля 1916 г. управляющий акцизными сборами Минской губернии обратился к начальнику снабжения армий Западного фронта Н.А. Данилову с ходатайством о возвращении из Владимира Минского губернского акцизного управления. Он обосновал свою просьбу тем, что «весь надзор Минского акцизного управления остался на местах в Минской губернии, за исключением оккупированной части Новогрудского и Пинского уездов, и акцизное дело в губернии идет усиленным темпом в виду того, что дрожжевые заводы, табачные и спичечные фабрики, гильзовые заведения работают усиленно, снабжая армию. Виноделие в губернии не производится, т. к. оно воспрещено, но взамен него в широких масштабах развивается тайное виноделие». Возврату подлежало 33 чиновника с багажом весом в 150 пудов и 300 пудов казенного имущества губернского акцизного управления, а также служащие двух окружных акцизных управлений с багажом весом 24 пуда. Семьи чиновников временно оставались во Владимире. 4 августа 1916 г. начальник снабжения армий Западного фронта перенаправил эту просьбу на имя главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта [7, л. 106].

24 сентября в Рязань была эвакуирована часть имущества Минской казенной палаты со штатом численностью 30 чиновников и 18 низших служащих. Тогда же по приказу военных властей из Новогрудка в Рязань было вывезено уездное казначейство в сопровождении 8 чиновников и 12 низших служащих. Министерством финансов для этих двух учреждений было нанято отдельное помещение, где они продолжали выполнять свои служебные обязанности. Однако осуществление казенной палатой в эвакуации делопроизводства по Минской губернии, при недостаточном штате сотрудников и возросшем объеме работы «неблагоприятно сказывалось на ходе налоговых и финансовых операций» [7, л. 106]. Поэтому летом 1916 г. минские губернские власти поддержали ходатайство управления казенной палаты о ее возвращении в Минск и с выделением помещения для размещения. Со стороны военных властей прошение минского губернатора о реэвакуации этих учреждений не вызвало возражений. 27 июля 1916 г. главный начальник снабжения армий Западного фронта

Н.А. Данилов сообщил на имя главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта, что «возвращению подлежит 21 чиновник минской казенной палаты с багажом весом в 1 тыс. пудов и 7 чиновников Новоградского казначейства с грузом казенного имущества весом 400 пудов» [7, л. 108]. Минская контрольная палата была вывезена в Москву, где разместилась по ул. Большая Грузинская, дом 48.

Отделения государственных банков Минской губернии и их активы были вывезены в Поволжье. 30 сентября 1915 г. Государственным банком был издан циркуляр «Об эвакуации Минского, Ковенского и Ровенского отделений», в соответствии с которым минское отделение Государственного банка было эвакуировано в Казань, что привело к сокращению кредитования промышленных предприятий Минской губернии. В связи со сложившейся ситуацией, управляющий минским отделением Государственного банка высказал «крайнюю желательность возвращения эвакуированного отделения в Минскую губернию для обслуживания коммерческим кредитом промышленников губернии, работающих на нужды фронта, а также в целях ... размещения государственных займов в крае» и других банковских операций, в т. ч. расчетных операций сберегательных касс. 15 ноября 1916 г. он обратился с просьбой на имя главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта признает ли он «возможным и своевременным возвращение отделения в Минск, или один из ближайших городов, например, Бобруйск». В связи с тем, что в здании отделения Государственного банка в Минске размещался штаб главного начальника снабжения армий Западного фронта, данный вопрос не сразу получил положительное решение. Впоследствии согласие на размещение минского отделения Государственного банка было получено от городских властей Бобруйска [7, л. 280–281].

В Симбирск было вывезено губернское отделение Крестьянского поземельного банка в составе 35 служащих. В условиях эвакуации банк испытывал большие трудности при обслуживании своих клиентов, численность которых составляла около 13 тыс. человек и многочисленных товариществ, оставшихся в Минской губернии. Управляющий банком докладывал минскому губернатору, что «присутствие в Минской губернии значительного количества служащих банка необходимо для производства подготовительных работ при покупке имеющих быть проданными недвижимых имуществ подданных неприятельских государств». По ходатайству губернатора 31 августа 1916 г. главный начальник снабжения армий вышел с представлением к главнокомандующему Западным фронтом о разрешении минскому отделению Крестьянского поземельного банка возвратиться в Минск и получил его согласие при условии, что управление Красного Креста освободит занимаемое им помещение Крестьянского поземельного банка [7, л. 142, 144].

Из Минска во внутренние губернии России также перебазировались губернские отделения коммерческих банков. В частности, минское отделение Азовско-Донского коммерческого банка разместилось в Харькове, Русско-Азиатского коммерческого банка – в Орле, Петроградского международного коммерческого банка – в Самаре, Пинское отделение Азовско-Донского коммерческого банка – в Екатеринославле [8, с. 106].

Поспешная эвакуация части губернских и уездных учреждений негативно сказывалась на деятельности оставшихся на Минщине административных учреждений, функционировании городского хозяйства, которые с началом войны и без того испытывали большие трудности.

Весной 1916 г. командование российской армией планировало проведение наступательных операций в Беларуси, которые хотя и не достигли цели, но вызвали надежду у губернских властей на возвращение эвакуированных учреждений на прежние места деятельности. В связи с увеличением обращений представителей эвакуированных учреждений к властям Минской губернии по распоряжению главнокомандующего Западным фронтом начальник снабжения армий фронта с учетом предложений Минского и Виленского губернаторов представил 20 апреля 1916 г. правила о порядке возвращения эвакуированных учреждений. Согласно установленного порядка, в освобожденные российскими войсками местности в первую очередь намечалось возвращать «полицию, земских начальников, медицинский персонал и духовенство». В дальнейшем реэвакуации подлежали судебные и финансовые учреждения [6, л. 127, 129].

В условиях поспешной эвакуации местная администрация и чиновники зачастую действовали несогласованно, покидали свои уезды еще до отступления российских войск, оставив местное население в тяжелом положении. Нередко вывозилось малоценное имущество казенных учреждений. Как признавал Главноуполномоченный по устройству беженцев Западного фронта С.И. Зубчанинов в своей докладной записке от 20 августа 1915 г., он наблюдал как «проходили целые поезда, груженные всякой рухлядью, от казенных поломанных повозок, с которыми только в одном поезде прошло из Белостока через Слоним 22 платформы, до цветочных горшков, принадлежащих эвакуированным железнодорожным служащим [9, л. 425].

В целом из Минской губернии была вывезена небольшая группа земских, налогово-финансовых, хозяйственных учреждений и банков, большинство которых разместилось во Владимирской губернии и Поволжье. Несмотря на многочисленные обращения представителей вывезенных учреждений к военным и гражданским властям с просьбами об их реэвакуации, многие из них так и не вернулись в Минскую губернию.

После 1917 г. дореволюционные учреждения упразднились. Участие в поиске эвакуированных из Беларуси в Россию учреждений с целью их реэвакуации предпринял Белорусский национальный комиссариат. В июне 1917 г. при нем был создан ликвидационный отдел, в задачу которого входило «выяснение местонахождения ... эвакуированных из Беларуси правительственных и общественных учреждений». Белнацком обратился ко всем учреждениям с просьбой представить сведения о своем местопребывании, на основе которых установил 46 учреждений и организаций, эвакуированных из Минской губернии [10, л. 169]. Однако из-за нерешенности вопроса о государственной принадлежности белорусских губерний, Белнацком не добился передачи в его ведение эвакуированных учреждений.

Литература

1. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / Под ред. В.Н. Перцева [и др.]. – Мн. : Изд-во АН БССР, 1953. – Т. III. – 1018 с.
2. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). – СПб., 1999. – 560 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИ). – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 427.
4. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. док. / сост.: В.В. Врублевский [и др.]; ред. кол. В.И. Адамушко (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларусь, 2014. – 355 с.
5. РГВИ. – Ф. 1914. – Оп. 1. – Д. 2.
6. РГВИ. – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 476.
7. РГВИ. – Ф. 2049. – Оп. 1. – Д. 487.
8. Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Издание особого отдела Комитета Е.И.В. Великой Княжны Татьяны Николаевны. – Пг. : Гостипография, 1916. – 132 с.
9. РГВИ. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 42.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. 9509. – Оп. 1. – Д. 81.

Узвышэнне грамадскага статусу каталіцкай канфесіі ў беларускіх гарадах у другой палове XVII ст.

А.Ю. БАРТАШЭВІЧ

Разглядаецца праблема ўзвышэння грамадскага статусу каталіцкай канфесіі ў беларускіх гарадах Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVII ст. і фактараў, якія гэта абумовілі. Аўтар звяртае ўвагу на ідэалагічную «перамогу» каталіцтва пасля ваенных падзеяў 1648–1667 гг., на актыўны ўдзел каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці, адкрыцці ўстаноў адукацыі і г. д. Асабліва ўвага ў артыкуле надаецца праблемам імклівага распаўсюджвання польскай культуры і мовы на землях Вялікага Княства Літоўскага, атаясамленні каталіцтва і «польскасці» ў грамадскай свядомасці, фарміраванні ўяўленняў аб іх «элітарнаму» статусе.

Ключавыя словы: каталіцтва, мяшчанства, шляхта, грамадскі статус, канфесія, традыцыя, сацыяльныя стэрэатыпы

The problem of the enhancement of the public profile of the Catholic confession in Belarusian towns of Grand Duchy of Lithuania in the second part of 17th century and the problem of factors that had induced it are considered. The ideological «victory» of the Catholicism after the war events of 1648–1667, the participation of the Catholic Church in a social-political life and the foundation of educational establishments are emphasized. Great attention is focused on the issue of rapid proliferation of the Polish language and culture through the territory of Grand Duchy of Lithuania, the identification of notions of Catholicism and «polishism» in public awareness and forming ideas of their «elitist» status.

Keywords: Catholicism, merchants, nobility, public profile, confession, tradition, social stereotypes.

Уводзіны. Вывучэнне праблемаў канфесійнага развіцця грамадства Вялікага Княства Літоўскага ў XVII ст. мае даўнюю гістарыяграфічную традыцыю. У XIX ст. імі займаліся расійскія навукоўцы-«заходнерусісты» – І. Чыстовіч, Г. Кіпрыяновіч, М. Каяловіч, якія разглядалі рэлігійную гісторыю Беларусі праз прызму барацьбы «заходняй» і «візантыйскай» цывілізацыяў, негатыўна ацэньваючы каталіцкую і ўніяцкую царкву [1]. Працы савецкіх гісторыкаў-медывістаў (Л. Абэцэдарскі, Я. Мараш, А. Ігнаценкі і іншыя) разглядалі рэлігію як сродак эксплуатацыі працоўных мас, аднак асобна выдзялялі «негатыўны» патэнцыял каталіцкай і ўніяцкай канфесій [2]. Гісторыкі «нацыянальнай школы» (М.В. Доўнар-Запольскі, І. Касяк, А. Станкевіч) былі схільны бачыць ва ўніяцкай царкве фактар захавання нацыянальных традыцый і мовы [3]. На сучасным этапе рэлігійнай гісторыі Беларусі XVI–XVIII стст. займаюцца С. Марозава, Л. Іванова, І. Марзалюк [4]. Праблемы рэлігійнай гісторыі Беларусі адлюстраваны ў працах расійскага гісторыка Л. Забароўскага, польскіх даследчыкаў – Б. Тапольска, Ю. Бардаха, М. Лідке [5].

У папярэдніх даследаваннях і працах 1660–1690-я гг. разглядаліся як час культурнага і эканамічнага каллапсу земляў Вялікага Княства Літоўскага, перыяд хуткай паланізацыі і акаталічвання. Распаўсюджванне каталіцкай канфесіі і рост папулярнасці ўніяцтва ў гэты перыяд гісторыкі звязвалі, пераважна, з мэтанакіраванай палітыкай эліт Рэчы Паспалітай, актывізацыяй асветніцкай дзейнасці каталіцкіх ордэнаў, аслабленнем праваслаўнай царквы ў выніку войнаў 1648–1667 гг. і г. д. На думку аўтара, недастаткова ўвагі надавалася такому фактару – як узросшы грамадскі статус каталіцтва, яго сацыяльная атракцыйнасць (прыцягальнасць) у тагачасным грамадстве Вялікага Княства Літоўскага, і абставінаў, якія гэта абумовілі.

Каталіцтва і фарміраванне грамадскіх ідэалаў. У другой палове XVII ст. канфесійнае пытанне набыло асаблівую вастрэнню і актуальнасць у грамадстве Рэчы Паспалітай. Беларускія землі, дзе жыло шматканфесійнае насельніцтва апынулася пад уздзеяннем новых культурных і рэлігійных тэндэнцый, у тым ліку новай мадэлі канфесійных узаемаадносін, прапанаванай уладай. Гэта было звязана з тым, што ваенныя падзеі 1648–1667 гг. падарвалі матэрыяльную базу праваслаўя, аслабілі яго ўплыў на грамадства, на гэтым фоне адбываецца рост папулярнасці ўніяцтва якое «ўвабрала» частку праваслаўнай паствы. Пры падтрымцы

дзяржаўнай улады адбылася новая хваля контррэформацыі, якая выпіснула пратэстантызм і праваслаўе на перэферыю палітычнага і культурнага жыцця [6, с. 68].

У гэты перыяд каталіцкая канфесія («рымская вера») і яе носьбіты набылі новыя правы і прывілеі, якія выдзялялі іх з масы іншых хрысціянскіх вернікаў і надавалі больш высокі сацыяльны статус. Каталіцкая вера была пэўным чынам сакралізавана і з'яўлялася, па сутнасці, «культурным маркерам» (разам з польскай мовай), што сведчыла аб прыналежнасці да шляхты – эліты тагачаснага грамадства Рэчы Паспалітай. Першапачаткова каталіцтва распаўсюджвалася сярод уплывовых і заможных саноўнікаў, вярхушкі найбольш знакамітых шляхецкіх родаў – магнатэрыі. У сваю чаргу, сярэдняя і дробная шляхта ішла за магнатэрыяй у справе канфесійных пытанняў, арыентавалася на яе [5, с. 198]. Веравызнанне магло дапамагчы ў атрыманні пратэкцыі з боку ўплывовага магната, забяспечыць шляхцічу лепшыя ўмовы для ўласнай кар'еры.

Эпоха барока і ідэалогія сарматызму знайшла адлюстраванне ў разбудове пышных каталіцкіх архітэктурных комплексаў у беларускіх гарадах, мецэнацтве магнатаў і шляхты, ідэяна – ў дамінацыі каталіцкай канфесіі ў грамадскім і культурным жыцці Рэчы Паспалітай [7, с. 97].

Пасля ваенных падзей 1648–1667 гг. каталіцкая вера і прыналежнасць да яе сталі прыкметай палітычнай лаяльнасці каралю, патрыятызму, адданасці дзяржаве. Праваслаўная Маскоўская дзяржава, якую падтрымала праваслаўнае ўкраінскае казачтва і частка беларускіх праваслаўных мяшчан і шляхты вяла вайну з шматканфесійнай Рэччу Паспалітай. Пратэстанцкая Швецыя ўступіла ў вайну супраць Рэчы Паспалітай у 1655 г., знайшла сваіх прыхільнікаў сярод пратэстантаў Вялікага Княства Літоўскага (у тым ліку, сярод прадстаўнікоў знакамітых магнацкіх і шляхецкіх родаў – Радзівілы, Мірскія, Камароўскія, Гружэўскія, Дунін-Раецкія і інш.), якія спрабавалі аслабіць палітычную залежнасць Княства ад Польшчы, пашырыць рэлігійную талерантнасць [8, с. 133]. Ваенныя поспехі Рэчы Паспалітай (як падчас «патопу» і казацка-сялянскай вайны, так і падчас паходаў супраць крымскіх татараў і Атаманскай порты) спрыялі кансалідацыі ваенна-служылага саслоўя – рознаэтнічнай шляхты дзяржавы вакол каталіцкай веры. Менавіта ў гэты перыяд сярод эліты Рэчы Паспалітай пашыраецца меркаванне, што першапачатковыя ваенныя няўдачы, якія паставілі дзяржаву на мяжу згубы, былі «Божым пакараннем» за талерантнасць і «спрыянне» праваслаўным і дысідэнтам у Рэчы Паспалітай – нібыта ворагаў «сапраўднай» веры – каталіцтва [8, с. 274]. Характэрна, што падчас вайны 1648–1667 гг. шляхцічы (асабліва каталіцкага веравызнання), што прысягнулі на вернасць маскоўскаму цару і прынялі праваслаўе – разглядалася каралём і астатняй каталіцкай шляхтай не толькі як адступнікі, што выступілі супраць караля і дзяржавы, але і як «зраднікі веры святой каталіцкай». У скарзе на ашмянскага шляхціча Андрэя Рагінскага адзначалася, што апошні нягледзячы, на шляхецкі стан, «прадаўся Маскве», калі яна захапіла Вільню. У скарзе ён быў ахарактарызаваны як «адшчапенец касцёла святога і рымскай кафедры», бо, прысягнуўшы цару, ён перахрысціўся ў праваслаўе [9, с. 308].

У кантэксце вышэйсказанага цікавымі з'яўляюцца абставіны інтрадукцыі (ўнясення) іконы Маці Божай у гродзенскі езуіцкі касцёл 3 жніўня 1664 г. Гродна на працягу 1655–1661 гг. быў двойчы акупаваны царскім войскам, разбураны храмы розных канфесій [10, с. 98]. Галоўнай мэтай мерапрыемства, як указваюць крыніцы, было «ўмацаванне сэрцаў» жыхароў горада і ваколіц – вызваць пачуццё еднасці, надзею на аднаўленне мірнага жыцця, аптымізма [10, с. 97]. Згодна з сведчаннямі відавочцы і удзельнікі тых падзей, у працэсі інтрадукцыі прынялі ўдзел каля 5 тыс. чалавек – цэхавыя рамеснікі з харугвамі, гарадскі патрыцыят («радныя»), мясцовая і запрошаная шляхта, манахі каталіцкіх ордэнаў, студэнты езуіцкай школы, просты люд [10, с. 104]. Сцэнар працэсі быў распрацаваны па старажытнарымскі ўзоры, і можа быць інтэрпрэтаваны як трыумфальнае шэсце на чале з іконай, якая абараніла жыхароў горада і даравала перамогу над іншаверцамі і чужынцамі [10, с. 106].

Пасля «патопу» ўладная эліта запрашала і матэрыяльна стымулявала новыя каталіцкія асяродкі, пашырала старыя фундацыі каталіцкіх ордэнаў на землях Вялікага Княства Літоўскага [11, с. 54]. На сейме 1683 г. было пацверджана заснаванне езуіцкага калегіума ў Мінску – «зважаючы на неабходнасць памнажэння хвалы Божай сярод розных дысідэнтаў»

[12, с. 339]. Сейм 1678 г. ўхваліў заснаванне езуіцкай місіі пры фарным касцёле ў Магілёве – «для абарачэння душ, схізмай апантаных» [12, с. 310].

Дакументы эпохі адлюстроўваюць адносіны эліты да асноўных хрысціянскіх канфесій: у каралеўскіх дэкрэтах, соймавых пастановах каталіцтва ўсё часцей называецца «свётай каталіцкай верай»; праваслаўе і праваслаўныя фігуруюць як «дызунія», «дызуніты», часта ўжываюцца абазначэнні «схізма, схізматыкі» [12, с. 280]. Пратэстанты ў афіцыйных актах выступаюць як «дысідэнты», «евангелісты», прадстаўнікі радыкальных плыняў пратэстантызму (арыяне і іншыя) – «ерэтыкі» [13, с. 83].

Паказальнай з’яўляецца пратэстацыя базыльянскага пракуратара Алешэўскага (ад імя ўніяцкага мітрапаліта Л. Залескага) супраць віленскага магістрата. У дакуменце мітрапаліт называў Рэч Паспалітую «каталіцкай дзяржавай», дзе ўсё робіцца для «рымскай» рэлігіі і дзе яна з’яўляецца галоўнай. На думку пракуратара, астатнія цэрквы і «секты» павінны «памяншацца ў правах». Трэба заўважыць, пад «людзьмі каталіцкімі» Алешэўскі разумеў як асобаў каталіцкага веравызнання, так і ўніятаў [14, с. 143].

Удзел каталіцкай царквы ў грамадскім жыцці Рэчы Паспалітай. Каталіцкія ордэны выступалі арганізатарамі і прымалі ўдзел у наступных свецкіх святах: каранацыя караля (яе гадавіны), пачаткі соймаў, трыбуналаў, соймаў, уступленне ураднікаў на пасады, імяніны і дзень народзінаў караля, попісы войскаў, пачатак навучальнага года і інш. [15, с. 102]. У Гродна, у касцёле езуітаў і ў касцёле Успення Маці Божай (Фара Вітаўта) праводзіліся ўрачыстыя набажэнствы з нагоды засядання ў горадзе соймаў Рэчы Паспалітай, сесій Галоўнага трыбунала Вялікага Княства Літоўскага.

Манахі каталіцкіх ордэнаў удзельнічалі ў прывітальных урачыстасцях пры ўездзе ў горад важных асобаў (караля, епіскапаў, ураднікаў, ваеначальнікаў). У 1688 г. віленскія езуіты арганізвалі ўрачыстую сустрэчу каралю Яну Сабескаму, які прыбыў у Вільню разам са сваім сынам і світай. Кароль уехаў у горад праз асобую браму, спецыяльна для гэтай мэты пабудаваную, наведваў касцёлы і кляштары, навіціят. Езуіты віталі караля панегерыкам у касцёле, навучэнцы калегіума прыўрочылі да гэтай сустрэчы публічны дыспут [16, с. 87]. Езуіты ў Мінску прынялі актыўны ўдзел у трыумфальным шэсці з нагоды наведвання горада канцлерам Вялікага Княства Літоўскага Марцыянам Агінскім у 1689 г. [17, с. 60]. У лістападзе 1697 г. у Віцебску праходзілі ўрачыстыя мерапрыемствы з нагоды каранацыі караля Аўгуста III. У трыумфальным шэсці разам з іншымі гараджанамі актыўны ўдзел прымала каталіцкае і ўніяцкае духавенства. Святочнае шэсце завяршылася ўрачыстым багаслужэннем у касцёле езуітаў і ўніяцкай царкве Уваскрасення Хрыстова [17, с. 61].

Каталіцкія манахі (асабліва місіянерскіх ордэнаў) падтрымлівалі кантакты з ураднікамі, дэлегавалі сваіх прадстаўнікоў на сойм у якасці назіральнікаў, былі арганізатарамі і ініцыятарамі малітваў і набажэнстваў за поспех палітычных спраў, нарэшце, актыўна выкарыстоўвалі пропаведзь для фарміравання настрояў сваёй паствы [15, с. 71–72]. Кляштарныя памяшканні служылі месцам пасяджэння розных органаў свецкай улады: сесій павятовых соймаў, каптуровых судаў, скарбовых камісій [15, с. 87]. Верагодна, што ў другой палове XVII ст. гарадзенская шляхта праводзіла свае форумy ў каталіцкіх кляштарах, пра адзін з якіх – бернардзінскі – можна казаць упэўнена [18, с. 226]. На думку беларускай даследчыцы Г. Паўлоўскай, гродзенскі езуіцкі касцёл адразу ўзводзіўся з улікам яго прадстаўнічай і грамадскай функцыі [18, с. 230].

Каталіцкая царква імкнулася да свайго роду «духоўнай манаполіі», кіруючай ролі ў асвечэнні важнейшых дзяржаўных падзей. Каталіцкія набажэнствы, святочныя рэлігійныя цырымоніі з барочнай пышнасцю і відовішчнасцю, якія былі прымеркаваныя як да рэлігійных святаў, так і да важных грамадскіх і дзяржаўных падзей – прыцягвалі ўвагу гараджан, скіроўвалі іх сімпатыі і цікавасць на карысць «рымскай веры». Гэтаму спрыяў таксама шырокі ўдзел у каталіцкіх святочных цырымоніях гараджанаў усіх канфесій, у тым ліку праваслаўных. Напрыклад, цэхавыя статуты абавязвалі ўсіх рамеснікаў цэху рыхтавацца і прымаць удзел ва ўрачыстасцях у гонар «рымскіх святаў» – Божага цела і інш. [13, с. 77].

Спецыфіка мяшчанскага асяроддзя. Каталіцтва – як частка «высокай» культурна-моўнай традыцыі. Некаторая частка шляхты заўсёды жыла ў горадзе, адпаведна – уплывала на звычкі і густы мяшчанства. Пасля «патопу» спустошаныя і малалюдныя беларускія гарады актыўна запаўняла збяднелая (і часткова сярэдняя) шляхта, актыўней прыбывалі шляхецкія імігранты з Заходняй Еўропы. Дакументы 70–90-х гг. XVII ст. канстатуюць значнае павелічэнне прыватных шляхецкіх юрыдык у гарадах [19, с. 225]. Пасля ваенных падзей 1654–1667 гг. гродзенскі магістрат для папаўнення гарадскога скарба і аднаўлення гаспадаркі быў вымушаны займацца продажам гарадскіх пляцаў у лібертацыю (прыватная ўласнасць, вызваленая ад гарадскіх падаткаў) магнатам і сярэдняй шляхце. Цікавасць магнатаў і шляхты да набыцця гродзенскіх пляцаў была выклікана таксама Канстытуцыяй 1673 г., па якой Гродна становіўся сеймавым горадам [19, с. 225]. Заможная і ўплывовая частка гараджан (з ліку цэхавых майстроў, ураднікаў, купцоў) па прыкладу шляхты пераходзіць у каталіцтва.

Аб значнай распаўсюджанасці каталіцкай канфесіі сярод беларускіх мяшчан сведчыць падзел рамесніцкіх цэхаў ва ўсіх беларускіх гарадах на каталіцкую («рымскую») і праваслаўную («рускую») часткі [13, с. 79]. Зразумела, што католікамі ў такім цэху былі і звычайныя рамеснікі, і заможныя майстры. У XVII ст. стала назірацца тэндэнцыя паступовага згортвання правоў рамеснікаў-некатолікаў – пад пагрозай штрафу іх абавязвалі наведваць каталіцкія багаслужэнні. Згодна з статутам цэха віленскіх шкляншчыкаў, браты цэха павінны былі наведваць бернардынскі касцёл, дзе цэх меў алтар. Статут абавязваў братоў цэха наведваць касцёльную імшу, удзельнічаць у цырымоніях з нагоды каталіцкага свята Божага Цела. Цэхавыя рамеснікі «іншай рэлігіі» пазбаўляліся ад «касцёльных абавязкаў» на год пры ўмове выплаты грашовай сумы [13, с. 36]. Цэхі, якія дзяліліся на «рускую» і «рымскую» часткі, звычайна мелі свой алтар у каталіцкім касцёле, ці, радзей – ва ўніяцкай царкве [13, с. 73].

Другая палова XVII ст. – час узмацнення ўплыву польскай культуры на Вялікае Княства Літоўскае. Гэта было звязана як з ваеннымі спусташэннямі, гібеллю і вывадам у палон людзей – носьбітаў праваслаўнай і ўніяцкай традыцый, падрывам матэрыяльнай асновы ўсходняй царквы ў ВКЛ, так і з новай хваляй контррэформацыі – разбудовай вялікай колькасці новых каталіцкіх місій, пашырэннем іх асветніцкай дзейнасці. Менавіта ў гэты перыяд у Рэчы Паспалітай завяршаецца працэс «нацыяналізацыі» («паланізацыі») каталіцызму, ствараецца мадэль культуры, у якой адбываецца атаясамленне «польскай» веры і польскай нацыянальнасці [20, с. 81]. Польская культурная і моўная традыцыя пачынае выступаць як «узорная», ці «высокая», ў параўнанні з мясцовымі звычаямі і мовай. Гэта знайшло адлюстраванне, напрыклад, у пастаноўках гарадскіх школьных тэатраў, дзе творы «высокіх» жанраў (драма, трагедыя) ставіліся на «шляхетных» мовах – польскай ці лацінскай, а больш простыя творы забаўляльнага жанру (камедыя, інтэрмедыя) часта гучалі на «простай» мове – па-беларуску [17, с. 70]. У інтэрмедыі сярэдзіны XVII ст. «Іван і царкоўны стораж» атаясамляецца каталіцызм і польскасць, якому супрацьстаяць уніяцтва і праваслаўная вера. Пры гэтым праваслаўе выступае як «мужыцкая» вера, а каталіцтва і ўніяцтва вызнаюць паны [20, с. 84]. Падобная культурная сітуацыя надавала асобы «элітны» статус каталіцтву, гэта і зразумела, паколькі напісаннем, арганізацыяй і пастаноўкай тэатральных твораў займаліся прадстаўнікі інтэлектуальнай эліты – выкладчыкі і студэнты каталіцкіх навучальных устаноў [17, с. 65].

Можна ўпэўнена меркаваць, што на той час існавала даволі выразная залежнасць паміж сацыяльным статусам прадстаўнікоў розных саслоўяў і характарам выкарыстанай мовы. Магнаты, шляхта і патрыцыят хутчэй засвойвалі польскую мову – больш высокі статус якой мог забяспечыць іх рост у грамадскай іерархіі. У меншай ступені гэты ўплыў спазнала дробная, засяцкавая шляхта, гарадскія нізы, сялянства [21, с. 15]. Польская мова, дзякуючы набытаму больш высокаму сацыяльнаму статусу яе носьбітаў, становіцца адным са шляхоў распаўсюджвання (рэтрансляцыі) рыма-каталіцтва ў гарадскім асяроддзі. Сеймавая пастанова 1696 г., якая пакінула адзінай мовай справаводства польскую – з аднаго боку, замацавала фактычнае становішча спраў: на той час канцэлярыі Вялікага Княства Літоўскага амаль не выкарыстоўвалі беларускую мову ў сваёй дзейнасці, з другога боку – польская моўна-культурная дамінацыя атрымала юрыдычны статус на «ўсходніх абшарах» Рэчы Паспалітай.

Юрыдычнае афармленне высокага грамадскага статусу каталіцкай веры і католікаў. Сацыяльная і асветніцкая актыўнасць каталіцкай царквы. У другой палове XVII ст. канфесійная прыналежнасць месціча стала мацней уплываць на яго грамадскую кар’еру і сацыяльны статус. Пасля «патопу» нарасталая тэндэнцыя абмежавання правоў некатолікаў – недапушчэння іх на выбарныя пасады ў магістрат, да старшынства ў цэхах [13, с. 301]. Ужо ў пастанове Гадзяцкай камісіі 1658 г. (пра ўмовы аб’яднання часткі ўкраінскіх земляў – Вялікага Княства Рускага гетмана І. Выгоўскага з Рэччу Паспалітай) адзначалася, што «ў каралеўскіх гарадах і Вялікім Княстве Літоўскім, дзе праваслаўная царква ёсць, нароўні мяшчане як Рымцы, так і рэлігіі грэцкай агульныя вольнасці, свабоды ўжываць могуць, і не аднаму праваслаўнаму перашкод у магістрат быць не можа». Гэта палажэнне сведчыла аб ужо існуючай практыцы абмежавання правоў праваслаўных гараджан [22, с. 297]. Некатолік фактычна пазбаўляўся магчымасці атрымаць шляхецтва і, адпаведна, дзяржаўную пасаду, уладу, буйныя матэрыяльныя сродкі. У 1667 г. памёр апошні праваслаўны сенатар-русін Аляксандр Агінскі. У 1669 г. яго сын, апошні праваслаўны магнат Марцыян Агінскі, перайшоў у каталіцтва, каб атрымаць сенатарскую годнасць [8, с. 276]. «Грэцкую веру» вызнавала значная частка сярэдняй і дробнай «рускай» шляхты, але яны не ўяўлялі значнай палітычнай сілы ў алігархічнай Рэчы Паспалітай [23, с. 217].

Кароль Ян Казімір спецыяльным загадам 1667 г. паставіў выбары ў магілёўскі магістрат у залежнасць ад патрыцыяў-католікаў, і каб магілёўскі каталіцкі «плябан» быў «першым ураднікам» у магілёўскім магістраце. За невыкананне гэтага загаду быў нават вызначаны штраф у 5 тыс. злотых, палова з якога мусіла ісці на карысць магілёўскага фарнага касцёла [24, с. 282].

Сойм 1669 г. прыняў новы закон «*Rex catholicus esto*», згодна з якім, каралём Рэчы Паспалітай мог стаць толькі католік: «пан рэлігіі іншай не будзе абраны, толькі той, які быў і павінен заставацца рэлігіі рымскай, таксама рымскай каталіцкай рэлігіі павінна быць і каралева» [12, с. 11]. Фактычна, закон юрыдычна замацаваў і аформіў вышэйшы грамадскі статус (аўтарытэт) каталіцкай рэлігіі ў дзяржаве.

Далучанасць да «рымскай веры» азначала далучанасць да заходнееўрапейскай культуры і адукаванасці – гэта адпавядала патрабаванням і інтарэсам шляхты і заможнага мяшчанства. Каталіцкай канфесіі належыла большасць устаноў адукацыі і культуры (калегіумы, бursy, друкарні, бібліятэкі), якія размяшчаліся пры кляштарах каталіцкіх ордэнаў (піяраў, езуітаў, баніфратаў і інш.). У 1670–1680-я гг. віленскі езуіцкі калегіум паўнаўладна аднавіў сваю дзейнасць: пачала працаваць школа рыторыкі, бібліятэка, быў сабраны калектыў прафесараў-выкладчыкаў. У 1664 г. езуіцкая школа ў Гродна пачынае сваю дзейнасць у якасці калегіума. У 1670-я гг. полацкія езуіты аднавілі дзейнасць калегіума – працавала школа гуманітарных дысцыплін для свецкіх вучняў, школа рыторыкі для клерыкаў, пашырыліся зборы бібліятэкі. У Наваградку езуіты адчынілі школу «*humaniora*» (па гуманітарных ведах) ўжо ў 1665 г., а ў 1679 г. пачала працаваць школа рыторыкі. Да 1675 г. быў адрэстаўраваны касцёл і калегіум езуітаў у Пінску. У 1682 г. пачаў працу віцебскі езуіцкі калегіум, да канца стагоддзя віцебская місія атрымала будынкі бursy і аптэкі. Езуіты пашырылі сваю дзейнасць у Нясвіжы: быў пабудаваны новы калегіум пры касцёле св. Міхаіла (1689 г.) [11, с. 56]. У другой палове XVII ст. езуіцкія школьныя тэатры дзейнічалі ў 14 беларускіх гарадах, сярод іх Полацк, Нясвіж, Орша, Пінск, Брэст, Бабруйск, Навагрудак, Мсціслаўль, Гродна, Драгічын, Мінск, Мышы, Магілёў, Слуцк [17, с. 68]. Польская даследчыца М. Лідке слушна заўважае, што езуіцкія школы адыгралі важную ролю ў канверсіі на карысць каталіцкай канфесіі [5, с. 198]. Істотную ролю ў гэтым працэсе адыгралі і заходнееўрапейскія каталіцкія ўніверсітэты, дзе вучыліся як маладыя шляхцічы, так і дзеці заможных мяшчан.

Каталіцкія ордэны займаліся дабрачыннай дзейнасцю, якая была звязана са штодзённымі гарадскімі патрэбамі. Узросшыя фінансавыя магчымасці каталіцкай царквы дазвалялі ёй пры кляштарах адчыняць шпіталі, апекавацца «лёзнымі» людзьмі і нямоглымі, вязнямі ў турмах, клапаціцца аб хворых падчас эпідэміі і інш., што таксама ўмацоўвала аўтарытэт заходняга хрысціянства на беларускіх землях [25, с. 506].

Прыхільнасць шляхты, а таксама найбольш заможнага і адукаванага мяшчанства беларускіх гарадоў да каталіцтва (і ў пэўнай ступені ўніяцтва), у той час як сацыяльныя нізы горада і дробная шляхта, а таксама сялянства вызнавалі праваслаўе, зноў жа спрыяла справе

«сацыяльнага прэстыжу» каталіцкай веры. У тагачасным грамадстве ўмацоўвалася меркаванне, што носьбітамі каталіцкай веры з'яўляюцца заможныя, уплывовыя, адукаваныя людзі, а носьбітамі «схізмы» – просты люд. Такім чынам, канфесійны фактар стаў напаўняцца сацыяльным зместам, сацыяльнымі стэрэатыпамі.

Заклучэнне. Узвышэнне грамадскага статусу і сацыяльнай атракцыйнасці каталіцтва стала вынікам наступных абставінаў і фактараў:

– Дыскрэдытацыя праваслаўных і пратэстантаў у ходзе ваенных падзей 1648–1667 гг. – удзел у падтрымцы варажых Рэчы Паспалітай бакоў: Маскоўскага царства, Швецыі, украінскага казацтва. Каталіцкая царква, каталіцкія шляхта і мяшчанства ў сваёй большасці падтрымалі каралеўскую ўладу і адзінства дзяржавы.

– Ангажаванасць каталіцкай царквы ў грамадска-палітычнае жыццё: арганізацыя урачыстых багаслужэнняў у гонар палітычных падзей, святочныя сустрэчы дзяржаўных дзеячоў, прадстаўленне кляштарных памяшканняў для пасяджэння шляхецкіх соймаў і інш.

– Завяршэнне працэсу «паланізацыі» каталіцтва, узвышэнне статусу польскай культуры і мовы на землях Вялікага Княства Літоўскага. Фарміраванне ўяўленняў пра тоеснасць каталіцтва і «польскасці», а таксама каталіцтва і шляхецтва.

– Фарміраванне ўяўленняў пра шляхецкую культуру – як узорную для астатняга грамадства. Распаўсюджванне шляхецкіх каштоўнасцей і звычак у мяшчанскім асяроддзі.

– Абмежаванне рэлігійных, маёмасных і грамадскіх правоў некатолікаў.

– Актыўны ўдзел каталіцкай царквы ў сацыяльнай і адукацыйнай сферы. Фарміраванне станоўчага іміджу каталіцкай царквы – як папулярызатара ведаў, асветы, грамадскіх ідэалаў.

Літаратура

1. Киприянович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г.Я. Киприянович. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 352 с.
2. Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795 гг.) / Я.Н. Мараш. – Минск : Выш. Школа, 1971. – 270 с.
3. Станкевіч, А. Хрысціянства і беларускі народ. Спроба сынтэзы / А. Станкевіч. – Вільня, 1940. – 131 с.
4. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С.В. Марозава. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 353 с.
5. Liedke, M. Od prawosławia do katolicyzmu. Rusey można i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznaw reformacyjnych / M. Liedke. – Białystok, 2004. – 317 s.
6. Барташэвіч, А.Ю. Канфесійная палітыка дзяржаўнай улады Рэчы Паспалітай на беларускіх землях у апошняй трэці XVII ст. (1667–1701 гг.) / А.Ю. Барташэвіч // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2012. – № 9. – С. 67–73.
7. Клімуць, Л. Мецэнацтва і шляхецкі патранаж у Рэчы Паспалітай XVI–XVIII стст. і іх сацыяльнае значэнне / Л. Клімуць // Роднае слова. – 2003. – № 11. – С. 97–98.
8. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – Мінск : АРЧЕ, 2008, 2009. – 306 с.
9. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильно : Тип. А.Г. Сыркина, 1893. – Том 20: Акты касающиеся города Вильны. – 673 с.
10. Левшук, В.Е. Процессия студентов гродненского иезуитского коллегіума в 1664 г. как ритуал обозначения центра сакрального пространства города. / В.Е. Левшук // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я.Купалы ; рэдкал. : І.В. Соркіна (гал. рэд) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2011. – С. 95–110.
11. Барташэвіч, А.Ю. Гісторыя каталіцкіх ордэнаў на беларускіх землях у другой палове XVII ст.: місіянерства і культурна-асветніцкая дзейнасць / А.Ю. Барташэвіч // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2013. – № 9. – С. 54–58.
12. Volumina Legum. T. V. Prava, konstytucje i przywileje królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego u wszystkich prowincyi należących na walnych sejmiech koronnych. Ab anne 1669 ad annum 1697. – Petersburg : nakładem i drukiem Józefa Ohryzki, 1860. – 480 s.
13. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильно : Тип. А.Г. Сыркина, 1879. – Том 10 : Акты Виленского магистрата и магдебургии. – 686 с.
14. Акты Виленской археографической комиссии. – Вильно : Тип. А.Г. Сыркина, 1875. – Т. 8 : Акты Виленского гродского суда. – 765 с.

15. Паўлоўская, Г.Г. Гродзенскія кляштарныя хронікі як крыніца па гісторыі Гродна другой паловы XVII–XVIII ст. : дыс. ...канд. гіст. навук : 07.00.09 / Г.Г. Паўлоўская. – Мінск, 2011. – 152 с.
16. Zaleski, S. Jesuici w Polsce.: w 5 t. / S. Zaleski. – Krakow : drukiem i nakladem drukarni W.L. Anczyca i SP, 1905. – Tom IV. Cz. I : Dzieje 153 kolegiow i domow jezuitow w Polsce. – 478 s.
17. Котлярчук, А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А.С. Котлярчук. – СПб : РАН, 2001. – 238 с.
18. Паўлоўская, Г. Апісанне гарадзенскіх соймаў у хроніках бернардзінскага кляштара / Г. Паўлоўская // Гарадзенскі палімпсест. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XV–XX стст.: зб. навук. арт. / Гарадзенская бібліятэка; пад рэд. А.Ф. Смаленчука. – Гродна, 2009. – С. 220–238.
19. Трусцов, И.Г. Некоторые источники, как зеркала социальных, культурных и национальных перемен в Гродно XVI–XVIII вв. / И.Г. Трусцов // Наш радавод: материалы междунар. науч. конф. по региональной истории Восточной Европы / Гродзенскі дзярж. унів. – Гродна, 1991. – Кн. 3. Ч. 1. – С. 224–226.
20. Марзалюк, І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада, XVI–XVIII стст. / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ, 2007. – 162 с.
21. Гардзееў, Ю. Да праблемы этнаканфесійнай структуры старажытнага Гродна / Ю. Гардзееў // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, лістапад 1999 г. / ГрДУ ; рэдкал. : А.М. Пяткевіч [і інш.]. – Гродна, 2003. – С. 8–20.
22. Volumina Legum. Tom IV. Prava, konstytucje i przywileje królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych sejmiech koronnych. Ab anne 1641 ad annum 1668. – Petersburg : nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859. – 519 s.
23. Mironovich, A. Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej / A. Mironowich. – Białystok : Wyd-wo univ. w Białymstoku, 2001. – 352 s.
24. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. – Вильно : Тип. Губернского Правления, 1867. – Том 2. – 406 с.
25. Карев, Д.В. Иезуиты и культура народов Великого княжества Литовского (II-я пол. XVI–XVIII вв.) / Д.В. Карев // Наш радавод: материалы Междунар. науч. конф. по региональной истории Восточной Европы / Гродзенскі дзярж. унів. – Гродна, 1993. – Кн. 4., ч. 2. – С. 504–510.

Девиантное поведение представителей дворянского сословия белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв.

Д.П. БРИГАДИН

Анализируется криминогенность белорусского дворянства во второй половине XIX – начале XX вв. Автор рассматривает трансформацию социально-экономического положения представителей дворянского сословия в белорусских губерниях в пореформенный период как предпосылку изменений в девиантном поведении дворян. Подчеркивается репрессивный характер политики властей по отношению к белорусскому дворянству на протяжении всего рассматриваемого периода. Опираясь на данные судебной статистики, автор приходит к выводу о значительном участии представителей высшего сословия в совершении преступлений против порядка государственного управления. Автор делает заключение, что, в то же время уровень криминогенности дворянства в сфере имущественных, личностных правоотношений оставался невысоким.

Ключевые слова: белорусское дворянство, криминогенность, преступления против государственного управления, судебная статистика, девиантное поведение

The analysis of criminality of the Belarusian nobility in the second half of XIX – early XX centuries is presented. The transformation of the socio-economic situation of the nobility in the Belarusian provinces in the post-reform period as a prerequisite for changes in deviant behavior of the nobility is considered. The emphasis is made on the repressive policy of the authorities against the Belarusian nobility during the reviewed period. Based on the data of judicial statistics, the author finds significant participation of representatives of the upper class in crimes against the order of government. The conclusion is drawn that, at the same time, the level of criminality of the nobility in the area of property and personal relations remained low.

Keywords: Belarusian nobility, criminality, crimes against the order of government, judicial statistics, deviant behavior.

Дворянство Беларуси являлось значительной социальной группой населения с особым правовым, экономическим положением, укладом жизни, психологическим складом, своей системой ценностей. Основную часть дворян белорусских губерний составляла шляхта, которая сформировалась во времена Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Консолидация белорусской шляхты в привилегированное сословие произошла еще в XVI в.

Дворянство делилось на потомственное, когда титул передавался по наследству, и личное, когда звание даровалось за заслуги и не наследовалось. Высшее сословие состояло преимущественно из потомственного дворянства. Так, в 1863 г. численность потомственных дворян в Беларуси составляла 229495 человек, а личных дворян и чиновников – 22634 человека [1, с. 321]. В структуре населения она составила соответственно 5,1 % и 0,5 %. В российских губерниях доля дворян была равной 0,76 % населения.

Особенностью белорусского дворянства был высокий удельный вес той его части, которая вела свою родословную на протяжении более ста лет до принятия в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству. История шляхетских родов в белорусских губерниях прослеживается по дворянским родословным книгам, которые были введены в Российской империи Екатериной II. «В дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии имением недвижимым владеющего, и дворянство свое доказательствами утвердить могущего», – говорилось в грамоте [2, с. 344–358]. В Беларуси количество шляхты, имеющей более чем столетнюю историю, составляло около 40 %.

Потомственное белорусское дворянство было многоконфессиональной, имела вековые традиции участия в государственном и местном управлении и, несмотря на различия в уровне материального благополучия, сохраняла свою особость.

Российские власти в белорусских губерниях проводили ограничительную политику в отношении католической шляхты, подавляющее большинство которой они относили к лицам польского происхождения. Эта политика была направлена на уменьшение экономического и политического влияния шляхетского сословия. Массовый характер носили репрессии против шляхты после восстания 1830–1831 гг. Анализ алфавитных списков участников восстания свидетельствует, что шляхта составляла более половины повстанцев.

Десятилетиями тянулась процедура подтверждения шляхтой своего статуса. «Разбор шляхты» завершился только в 60-е гг. XIX в. Указом Александра II от 23 сентября 1864 г. были определены меры по завершению рассмотрения дел о причислении к дворянству. Лица, не получившие подтверждения и не находившиеся на государственной службе, должны были до 1 января 1865 г. приписаться к мещанству или сельскому обществу [3, с. 907–909].

Проводилась целенаправленная политика властей по сокращению численности дворян через усложнение процедуры подтверждения ею своего статуса. Так, в Виленской губернии с 1863 г. по 15 февраля 1865 г. было отказано в утверждении в дворянском звании 33034 человека [4, с. 561]. В Минской губернии в 1868–1869 гг. из всех подавших документы в дворянстве были утверждены только 53,4 % (10850 человек) от числа просителей [5, с. 38].

В 60-е гг. XIX в. сокращение численности белорусских дворян произошло также в связи с их активным участием в восстании 1863 г. Этому способствовали как людские потери в ходе боевых действий, так и последовавшие затем репрессии.

Генерал-губернатор М. Муравьев сообщал в Министерство государственных имуществ, что «в Западных губерниях находится класс населения вредный для спокойствия края и всегда враждебный нашему правительству. Это малоземельная, так называемая чиншовая шляхта, поселенная на казенных, помещичьих и на своих собственных землях, а также однодворцы, которые, происходя из той же шляхты и не доказав своего дворянского происхождения, вынуждены были приписаться к податному сословию» [4, с. 535–536].

Репрессии затронули десятки тысяч участников восстания, но в первую очередь они коснулись высшего сословия. Министр внутренних дел П. Валуев сообщал о принудительном выселении целых поселений однодворцев и мелкой шляхты во внутренние губернии России. «Настоящий мятеж снова доказал, что шляхта и однодворцы, сохраняя в памяти своей традицию о прежней буйной и самовольной жизни и еще так недавно утраченных правах, по первому призыву революционной партии присоединились к мятежу» [4, с. 535]. В то же время, рассматривая существующую практику выселений дворян целыми семьями, М. Муравьев указывал на опасность распространения оппозиционных настроений во внутренних губерниях России. Он предлагал «устроить в некоторых частях Сибири или северных губерниях, где много лесу особые здания для жительства высылаемых лиц под строгий надзор. Это не было бы сопряжено с большими издержками и для будущности России было бы лучше, нежели расселение поляков по всей Империи» [4, с. 548]. Однако идея концентрированного размещения «неблагонадежного элемента» в малопригодных для жизни районах получила массовое практическое применение только в XX в.

Репрессивный механизм российских властей включал в себя как меры административного, религиозного, политического, так и меры экономического воздействия. Законом от 10 декабря 1865 г. была запрещена покупка земли лицами польского происхождения, к которым относили всех католиков, а также тех, кто использовал польский язык в быту. Единственным способом приобретения помещичьих имений в собственность оставалось наследование. Закон также обязывал владельцев секвестрированных имений в двухгодичный срок продать недвижимость лицам русской национальности, православного или протестантского вероисповедания или обменять ее на имение в другой части империи. Для ускорения этой процедуры закон даже освобождал договаривающиеся стороны от уплаты причитающихся пошлин.

Смысл подобной правовой дискриминации коренных дворян заключался, как подчеркивалось в преамбуле, в «водворении русского элемента в Западном крае» и «усилении в оном числа русских землевладельцев». Отмечалось, что «ничтожное по численности население польского происхождения дает всему краю характер польский и мешает остальному, несколько не польскому населению, правильно развиваться». В документе указывалось, что сила бывшего шляхетского сословия заключалась в его корпоративной замкнутости владения недвижимостью, не допускающей к себе другие национальности, особенно русскую [6, с. 326–327].

На уменьшение влияния местного дворянства были направлены ограничения на передвижение, различные штрафы и поборы. Они вводились губернаторами по законам военного времени. За использование польского языка в общественных местах, официальной переписи-

ке, за негативные высказывания в адрес властей штрафы могли достигать от 1 до 100 рублей. Кроме обычных налогов на дворян-католиков был наложен 10 % контрибуционный сбор с дохода от их имений, который был отменен только в 1897 г.

В качестве примера проявления дискриминации по религиозному принципу следует указать введенный в 1866 г. Виленским генерал-губернатором А. Потаповым налог для дворян католического вероисповедания на содержание православного духовенства, действовавший вплоть до 1918 г. Как отмечает А.П. Житко, в 1911–1913 гг. дворяне-католики Виленской и Гродненской губерний должны были внести на поддержку православного духовенства 54469 руб. и 49160 руб. соответственно. В то же время сословные взносы дворян всех конфессий на содержание канцелярии предводителей дворянства, депутатских собраний, дворянских аптек и другие нужды составили всего 38834 руб. в Виленской и 41353 руб. в Гродненской губерниях [5, с. 112–114].

Режим препятствования правам католического дворянства на владение землей усилился с принятием 27 декабря 1884 г. «Правил относительно приобретения в собственность, залога и арендовании в девяти западных губерниях земельных имуществ, вне городов и местечек расположенных». Отныне дворянам «польского» происхождения запрещалось становиться держателями залога на земельные угодия. Акционерным компаниям запрещалось арендовать земельные участки размеров более 200 десятин. При нарушении правил земля подлежала конфискации [7, с. 602–604].

В 1886 г. в белорусских губерниях было введено очередное ограничение – были признаны недействительными все ранее выданные свидетельства о праве на приобретение имений. Вопросы о выдаче новых свидетельств передавались на разрешение местных губернаторов, решение которых не подлежали обжалованию [8, с. 470].

В 1891 г. постановлением Комитета министров лица «польского» происхождения лишились права на получение земельной собственности в пожизненное владение [9, с. 41]. Эти ограничительные меры, а также проведенные во второй половине XIX в. реформы внесли серьезные изменения в экономическое положение и социальный статус дворянства. Такие привилегии, как право владения имением, свобода от рекрутской повинности, освобождение от земских повинностей, от телесных наказаний потеряли свое значение.

Происходил процесс сокращения дворянского землевладения. С 1877 г. по 1905 г. в белорусских уездах дворянские землевладения сократились на 10,8 %. Однако этот показатель был значительно меньше, чем в целом по Европейской части Российской империи, где сокращение составило 27,2 % [1, с. 195].

Белорусские дворяне «держались» за землю, стремились сохранить свои традиции несмотря ни на что. Поэтому происходившие процессы социальной дифференциации дворянского сословия как многочисленной социальной группы не приводили к ее автоматической ликвидации. Социальное разложение высшего сословия в Беларуси в отличие от других регионов Российской империи носило более ограниченный характер. Белорусское дворянство в подавляющем большинстве оставалась на селе. В белорусских губерниях в городах в 1897 г. проживало только 23,3 % дворянства, в то время как в Европейской части Российской империи этот показатель составил 47,2 %.

В конце XIX в. потомственное дворянство продолжало составлять в Беларуси основную часть этого сословия. В результате подавления восстания 1863–1864 г. и последовавших репрессий численность потомственных дворян сократилась к 1867 г. наполовину – до 122 тысяч [5, с. 57]. Затем в результате естественного прироста населения их численность возросла до 205023 человек в 1897 г., в то время как число личных дворян и чиновников – до 36006 человек [10, с. 16]. Такая пропорция было нехарактерна для европейской части Российской империи, где соотношение потомственного и личного дворянства было приблизительно 2 к 1. В структуре населения белорусских губерний в конце XIX в. дворянство составило 2,8 %.

Во второй половине XIX в. наблюдается процесс социального расслоения высшего сословия Беларуси. Часть из них владели значительными земельными угодиями, имениями, денежными капиталами. Представители этой группы держались обособленно, проводя большую

часть времени за границей. К концу XIX в. крупные дворянские землевладельцы вовлекались в предпринимательскую деятельность. Вторая группа – это дворяне, которые владели небольшими имениями, выступали арендатором деревень, отдельных ферм. Представители этой группы служили в государственных учреждениях, работали управляющими и экономами у крупных помещиков, занимались творческой работой. И, наконец, наиболее многочисленная третья группа – это беднейшая шляхта, которая трудилась на земле, наравне с крестьянами.

При всем различии экономического положения дворянство сохраняло свою сословную общность, солидарность, традиции, культуру. Честь и достоинство оставались главными характеристиками в поведении представителей высшего сословия. Поэтому не случайно структура девиантного поведения дворян имела свои особенности. В Российской империи основным видом преступлений этой сословной группы были так называемые преступления против государственного управления, к которым можно отнести преступления против порядка управления, оскорбление власти, государственные преступления (смута, бунт), а также служебные преступления, включая мздоимство, растрату казенных средств, служебные подлоги. Так, в 1887 г. за служебные преступления было осуждено 244 дворянина или 25,3 % от числа привлеченных к суду представителей этого сословия, за преступления против государственного управления – 229 человек (23,8 %), за кражи – 164 человека (17 %). В 1891 г. статистика имеет схожий характер – за преступления против государственного управления было осуждено 21,9 % дворян, за служебные преступления – 19,4 %, за кражи – 17,9 %. В 1897 г. больше всего дворян было осуждено за кражи – 19,4 %, за преступления государственного характера – 19,4 %, за служебные преступления – только 10,3 %.

Участие дворянства в политических событиях в годы первой российской революции обусловили увеличение числа осужденных за преступления против государственного управления до 43,3%. В последующие годы наиболее характерными для дворянства становятся служебные преступления. В 1910 г., например, за служебные преступления было осуждено 23,1 % дворян от общего числа приговоренных к наказанию представителей этого сословия, за преступления государственного характера – 21,6 %, за кражи – 16,1 %. В 1912 г. судебной статистикой зафиксирован дальнейший рост числа служебных преступлений – 27 % осужденных, при 19 % осужденных за преступления против государственного управления и 12,5 % осужденных за кражи.¹ Важные отличия структуры преступности дворянства от других социальных групп заключаются в относительно небольшой доле краж (среди крестьянства и мещанства кражи составляли около трети всех преступлений) и незначительной доле насильственных преступлений – убийств, грабежей, разбоев, причинения телесных повреждений.

Показательным является тот факт, что дворяне практически никогда не осуждались мировыми судами за мелкие кражи, хотя именно такие преступления составляли более 70 % всех деликтов, рассматриваемых в мировых судах. Самым распространенным так называемым «бытовым» правонарушением среди дворян Российской империи было прошение милостыни. За него в 1887 г. осудили 22 из 23 осужденных мировыми судами дворян, в 1891 г. – 29 из 29, в 1897 г. – 20 из 23, в 1907 г. – 8 из 13, в 1912 г. – 21 из 36. Таким образом, мелкое воровство, совершенное даже в состоянии крайней нужды, считалось недопустимым в дворянской среде, оно шло вразрез с понятием фамильной чести и чувством собственного достоинства. Прошение милостыни, в свою очередь, в обыденном сознании большинства населения воспринималось как занятие, достойное сострадания, а не осуждения.

Осужденные шляхтичи исключались из дворянского сословия. Отбыв наказание, они должны были приписаться в податное сословие, к мещанскому или крестьянскому обществу. Потеря дворянских сословных привилегий рассматривалась шляхтой как социальная катастрофа, крушение устоявшихся норм и ценностей.

Необходимо отметить, что, несмотря на свою многочисленность и социальную неоднородность, белорусское дворянство стремилось к сохранению традиционных социальных связей и моральных устоев. По данным судебной статистики уровень криминогенности этой социаль-

¹ Здесь и далее приведенные данные взяты из официальных статистических изданий Министерства юстиции Российской империи за соответствующие годы – «Свод статистических сведений по делам уголовным» [11], [12], [13], [14], [15], [16].

ной группы оставался достаточно низким. Например, в 1887 г. окружными и мировыми судами в белорусских губерниях был осужден 231 дворянин (2,5 % от общего числа осужденных судебными учреждениями), в 1891 – 146 (1,6 %), в 1897 г. – 123 (1,5 %), в 1907 г. – 74 (0,8 %), в 1910 г. – 193 (1,7 %). Представители высшего сословия Беларуси, за исключением единичных случаев, не фигурировали среди осужденных мировыми судами за мелкие преступления.

Однако при анализе данных о преступности представителей привилегированного сословия в Беларуси необходимо учесть одно очень важное обстоятельство. Официальная судебная статистика содержит лишь те дела, которые рассматривались в порядке общегражданского судопроизводства – общими и мировыми судами. Вместе с тем в белорусских губерниях до 1870 г. действовало военное положение, по нормам которого были репрессированы десятки тысяч участников восстания 1863–1864 гг., подавляющее большинство которых составляли представители привилегированного сословия. По приговорам военно-полевых судов было казнено 128 человек, из них 7 ксендзов, 68 лиц дворянского сословия, 53 человека из шляхты, однодворцев, офицеров, мещан, крестьян. На каторгу были осуждены 853 человека, среди которых было 592 дворянина, 36 священников. В ссылку в Сибирь, в отдаленные районы России было отправлено около 16 тысяч человек [17, с. 95–98].

В 1881 г. вступило в силу Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Оно наделяло губернские власти особыми полномочиями в охране государственного порядка. Генерал-губернаторы могли вводить на подведомственной территории положение усиленной охраны, учреждать особые военно-полицейские команды и придавать им определенные права и обязанности, в том числе и право изъятия из общей подсудности дел с передачей их к производству военного суда. Такие полномочия рассматривались как временная мера борьбы с политической преступностью, однако они просуществовали до 1917 г.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались ростом числа преступлений против государственного порядка среди белорусских дворян. Положение усиленной охраны было введено в Витебской, Могилевской, Гродненской губерниях. Таким образом, огромное количество дел рассматривалось по упрощенной схеме военными судами. Как отмечал С.С. Остроумов, «назначение этих судов заключалось в беспощадной борьбе с «крамолой» путем «упрощения» следствия и суда, в усилении наказания до смертной казни» [18, с. 269]. Так, по данным министерства внутренних дел, в Российской империи за период 1892–1898 гг. было сослано в Сибирь 227099 чел., из них по суду только 49222 чел., или 21,7 %. Следовательно, почти 8/10 всех сосланных этапировались в Сибирь царским правительством без вынесения судебных приговоров [18, с. 270].

На протяжении всего пребывания белорусских земель в составе Российской империи значительная часть дворянства находилась в оппозиции царской власти и неоднократно вступала с ней в вооруженную конфронтацию. Во второй половине XIX – начале XX вв. среди белорусских дворян доля осужденных за «политические» преступления была больше, чем в других сословных группах, несмотря на то, что значительная часть осужденных не фигурировала в официальной судебной статистике. Вместе с тем, криминогенность среди высшего сословия в сфере имущественных, личностных отношений оставалась невысокой.

Литература

1. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.
2. Грамота на права, вольности и преимущества благодарного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1830. – Собрание первое. Том XXII. – С. 344–358.
3. О мерах к успешнейшему окончанию дел о правах лиц доказывающих дворянское достоинство по происхождению от бывшей польской шляхты : Сенатский указ, 23 сентября 1864 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1867. – Собрание второе. Том XXXIX. Часть 1. – С. 907–909.
4. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Н.М. Нікольскага, Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля ; АН БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – Т. 2 : (1772–1903 гг.). – 939 с.

5. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. / А.П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
6. О воспрещении лицам Польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти Западных губерниях : Именной указ Сенату, 10 декабря 1865 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1867. – Собрание второе. Том XL. Часть 2. – С. 326–327.
7. Об установлении правил относительно приобретения в собственность, залога и арендовании в девяти Западных губерниях земельных имуществ, вне городов и местечек расположенных : Именной указ Сенату, 27 декабря 1884 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1887. – Собрание третье. Том IV. – С. 602–604.
8. Об объявлении всех свидетельств, выданных до издания правил 27 декабря 1884 г. на покупку имений в Западном крае потерявшими свою силу : Положение Комитета Министров, 1 ноября 1886 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1887. – Собрание третье. Том VI. – С. 470.
9. О воспрещении лицам Польского происхождения пожизненного владения земельной собственностью в девяти Западных губерниях, на которых распространяется действие закона от 10 декабря 1865 г. : Постановление Комитета министров, 2 февраля 1891 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1894. – Собрание третье. Том XI. – С. 41.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – 43 с.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1887 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Типография правительствующего сената, 1891. – 294 с.
12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Типография правительствующего сената, 1896. – 298 с.
13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1901. – 632 с.
14. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1907 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 437 с.
15. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1910 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1913. – 483 с.
16. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1912 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – Пг. : Сенатская типография, 1915. – 407 с.
17. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : Сборник документов / Предисл. Ю. Жюгжды, В. Неупокоева ; ред. коллегия: В. Дьяков [и др.]. – Москва : Наука, 1965. – 586 с.
18. Остроумов, С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С.С. Остроумов. – М., 1961. – 304 с.

Польско-германские отношения в 1970–1990 гг. Новые перспективы развития польско-германского диалога

Л.В. ГАВРИЛОВЕЦ

Рассматривается политика Польши по германскому вопросу в 1970–1990 гг. Германский вопрос – одна из важнейших геополитических проблем второй половины XX в. Для Польши реализация германского вопроса заключалась в определении политического устройства Германии, признании границы по Одеру–Нейсе, рассмотрении проблемы национальных меньшинств. Германская политика Польши не сводилась только к решению германского вопроса как проблемы объединения Германии и ее места в Европе, она охватывала культурную, экономическую, научную и гуманитарную сферы. Политика Польши по германскому вопросу предусматривала взаимодействие с рядом государств, но наиболее важными были взаимоотношения с ГДР и ФРГ.

Ключевые слова: германский вопрос, объединение Германии, западная граница Польши, договор, переговорный процесс, правительство, международная конференция.

The policy of Poland on the German question in 1970–1990 the German question – one of the major geopolitical problems of second half of XX-th century is considered. For Poland realization of the German question consisted in definition of a political system of Germany, border recognition after Oderu-Nejse, consideration of a problem of national minorities. The German policy of Poland was not reduced only to the decision of the German question as problems of association of Germany and its place in Europe; it covered cultural, economic, scientific and humanitarian spheres. The policy of Poland on the German question provided interaction with a number of the states, but mutual relations about GDR and FRG were the most important.

Keywords: German question, association of Germany, western border of Poland, contract, negotiating process, government, international conference.

В 1969–1970 гг. большое значение для Польши имело установление дипломатических отношений с ФРГ. Возможным это стало благодаря заключению нормализационного договора с Западной Германией в 1970 г., а также в связи с «новой восточной политикой», которой придерживалось западногерманское правительство. Несмотря на возникшие в ходе переговоров трудности по вопросу компенсаций, пенсий и рент польским гражданам, пострадавшим в годы войны от действий оккупантов, была создана основа для будущего сближения между Польшей и ФРГ. Варшавский договор 1970 г. послужил отправной точкой для дальнейшего совместного сотрудничества двух стран как в политической, так и в экономической и культурной сферах.

Цель данной работы состоит в том, чтобы раскрыть сущность и особенности политики Польши по германскому вопросу в 1970–1990 гг. Важнейшими задачами, которые необходимо решить для достижения поставленной цели, являются: определить основные направления политики Польши в отношении двух германских государств в 70–80-х гг. XX в. и охарактеризовать шаги польской дипломатии по их реализации; выявить цели польской политики по германскому вопросу в период воссоединения Германии в 1990 г.

В первой половине 1970-х гг. усилия польских политиков были направлены на то, чтобы повысить авторитет ГДР на международной арене и добиться признания ее суверенитета ФРГ. В 1972 г. открытие границы с ГДР на Одере партийное руководство ПНР использовало в качестве примера социалистического сотрудничества и напоминания о том, что нерешенным остается вопрос об объединении двух германских государств. Правда, вплоть до конца 1970-х гг. эта проблема среди руководства ПОРП не обсуждалась, на нее было наложено политическое табу даже после того, как ФРГ во второй раз с визитом в период с 4 по 7 мая 1978 г. посетил Л.И. Брежнев. После его визита в западногерманской печати стали появляться статьи с разными сценариями на тему возможного вхождения ГДР в состав ФРГ при соблюдении определенных условий, выдвинутых Москвой [1, s. 123]. Польское правительство было обеспокоено тем, что объединение Германии приведет к утрате ею своих западных и северных земель и не допускало мысли, что Германия может возродиться как демократическое государство [2, s. 136].

Польская же оппозиция в 1970–1980-х гг. придерживалась иной точки зрения. Так, А. Кийовски в 1978 г., Я.Ю. Липский в 1981 г. в своих работах писали, что нельзя отказывать ни одному народу, близкому в этническом плане, в правах жить в едином государстве. Я. Щепанский в своей работе, написанной в 1988 г., утверждал, что «в ближайшее время наступит взаимопонимание между германскими государствами либо в форме федерации, либо в виде комплекса соглашений, либо произойдет наконец-то воссоединение» [1, s. 124]. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г., затем произошедшая «бархатная революция» в ГДР создали предпосылки для объединения Германии, что отчетливо осознавали в руководстве ПНР. Реакция поляков на произошедшие события была неоднозначной, с одной стороны, удовлетворение от того, что распалось «сталинское» социалистическое государство, с другой, опасения за западную границу Польши.

В этот период изменились и основные принципы внешней политики Польши. Главной целью стало сближение и интеграция с западными политическими структурами, экономическими и военными. Для правительства Т. Мазовецкого приоритетным становится западно-германское направление. Так, с 9 по 14 ноября 1989 г. в Польше с визитом находился канцлер ФРГ Г. Коль, который считал что реализация проекта объединения Германии будет затруднена, если окончательно не установить и не улучшить взаимоотношения с польским государством. Еще в 70-е гг. XX в. были сделаны попытки установить взаимосвязи в культурной сфере. В 1976 г. между ПНР и ФРГ было подписано соглашение о культурном обмене, что создало предпосылки для будущего сотрудничества двух стран. Но польское правительство вынуждено было удовлетворить требования правительства ГДР, которое заявило, что является единственным представителем германской культуры на территории Польши. Поэтому только в 1990 г. появится институт Гете в Варшаве и Кракове. Однако согласно соглашению 1976 г. все-таки было установлено, хоть и не афишировалось, сотрудничество между отдельными городами (Вроцлав являлся городом-партнером Дрездена, Щецин – Росток), товариществами, в 1978 г. между университетами, а также у польских студентов появилась возможность получать стипендию Фонда имени А. Гумбольдта. В 1980 г. в Дармштадте был открыт Польский институт, в котором совместно польские и западногерманские ученые занимались изучением культурной и духовной жизни поляков и немцев [1, s. 134].

Таким образом, в конце 1970–1980-х гг. в центре внимания руководства Польши находились культурные связи с ФРГ. Польская молодежь активно интересовалась западногерманской культурой, так в 1988 г. на территории ПНР насчитывалось 2200 студентов, изучавших германскую филологию, 340 700 изучали немецкий язык на различных курсах, на протяжении 1982–1987 гг. около 3000 студентов выехало на научную стажировку в ФРГ. В октябре 1988 г. в Польше прошли первые Дни культуры ФРГ с участием известных западнокультурных деятелей. Что касается культурных связей Польши с ГДР, они не так интересовали польское руководство, как польско-западногерманские. Культурное сотрудничество ПНР и ГДР развивалось на основе соглашения об идеологической работе от 1973 г. Заключенное в январе 1972 г. двустороннее соглашение о безвизовом въезде восточногерманских туристов в Польшу в глазах руководства ГДР имело необратимые последствия [3, s. 23].

Так, население ГДР приезжало в «либеральную» Польшу, чтобы посетить там кинотеатры, театры и различные художественные выставки, на которых экспонировались, например, работы экспрессионистов, не попавшие в ГДР в число картин, представленных для обозрения восточным немцам. Поэтому одной из причин закрытия польско-германской границы в октябре 1980 г. стало непринятие восточногерманским правительством либеральной польской культуры. Опасалось правительство ГДР и тех перемен, что происходили в Польше, в частности движения «Солидарности». Не стремились в этот период к диалогу с восточными немцами и сами поляки, которые называли их очень часто «немцы класса В» [1, s. 136].

В 1970-х гг. основной сферой деятельности между ПНР и ГДР остается торгово-экономическая. Рост германского экспорта в Польшу происходил постепенно, и в 1974 г. его сальдо составило 2,2 млрд. немецких марок, а вскоре и 4,4 млрд. марок, в 1980 г. – 5,5. В 1989 г. между Польшей и ГДР, затем в 1990 г. с объединенной Германией товарооборот сни-

зился. Во-первых, потому что не были выполнены полностью условия двусторонних торговых соглашений между ПНР и ГДР, во-вторых, ГДР поставляет в основном свою продукцию на земли ФРГ, в-третьих, Польша ориентировалась в наибольшей степени на развитие торгового сотрудничества с другими западноевропейскими странами. Таким образом, в конце 1980-х гг. снизился товарооборот Польши с ГДР, увеличился с ФРГ и соответственно составил около 4 % и 15 % во внешней торговле ПНР в 1989 г. [1, с. 178].

В 1990 г. в своей внешней политике Польша столкнулась с новыми проблемами, связанными с решением германского вопроса. Близившееся объединение Германии оживило опасения польского правительства по вопросу польской западной границы. Правительство Мазовецкого решительно потребовало, чтобы Польша приняла участие в связанных с данной проблемой переговорах по формуле 2 + 4. Во время переговорного процесса в формате 2 + 4 встречи министров иностранных дел ФРГ и Польши происходили при посредничестве Франции, чтобы окончательно урегулировать вопрос о германо-польской границе и навсегда устранить сомнения польского правительства по поводу возможных территориальных притязаний со стороны Германии.

До того как был подписан официальный договор между Польшей и ФРГ, подтверждение существующей границы между государствами было закреплено статьей 1 пункта 2 Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г., подписанного в Москве министрами иностранных дел шести государств (ФРГ, ГДР, СССР, США, Великобритания, Франция). В нем говорилось о том, что объединенная Германия и Республика Польша подтверждают существующую между ними границу в договоре, имеющем обязательный характер в соответствии с международным правом [4, с. 565].

Таким образом, участие Польши в конференции по вопросу объединения Германии, а также признание ею польской западной границы являлись основными вопросами переговоров во время визита Мазовецкого в Великобританию (12–14 февраля 1990 г.), а также США (20–26 марта 1990 г.). Эта же проблема рассматривалась и во время визита президента Польши В. Ярузельского, премьер-министра Т. Мазовецкого и министра иностранных дел К. Скубишевского во Францию 9 марта 1990 г. При поддержке великих держав польскому правительству удалось добиться четкой позиции от германских политиков в отношении характера границы.

Активное участие в решении вопроса о нерушимости польско-германской границы приняла Франция, которая в отличие от остальных стран оказывала большее давление на Германию. Кроме того, Париж претендовал на то, чтобы стать уполномоченным представителем Польши в решении этой важной для польского государства проблемы. Необходимо отметить, что правительство Великобритании также добивалось от Г. Коля, чтобы он принял во внимание польское предложение о подтверждении существующей границы между ФРГ и Республикой Польша. Зато президент Дж. Буш не желал настраивать против себя немцев, поэтому его политика была осторожной, хотя американские власти и считали, что существующая польско-германская граница должна быть признана окончательной [5, с. 698].

В этой ситуации канцлер ФРГ Г. Коль вынужден был уступить. Было решено, что Польша примет участие в той части конференции 2 + 4, на которой будет рассматриваться вопрос о территориальном устройстве объединенной Германии, а также парламенты двух германских государств еще до объединения примут резолюцию о признании нерушимости польской западной границы. Затем предусматривалось, что после объединения Германии с Польшей будет подписано два договора – о границе и добрососедстве и сотрудничестве. 8 марта 1990 г. бундестаг принял резолюцию о признании нерушимости польской западной границы по линии рек Одер–Нейсе и уважении суверенитета и территориальной целостности Польши.

21 июня 1990 г. парламенты ФРГ и ГДР приняли одновременно резолюции, в которых от имени будущей объединенной Германии заявили об обязательстве подписать с Польшей договор. В него должно было быть включено уже согласованное положение о нерушимости существующих границ и обязательствах соблюдать суверенитет и территориальную целостность обеих стран по отношению друг к другу. Такой договор был подписан 14 ноября 1990 г.

17 июля 1990 г. в Париже на конференции 2 + 4 в присутствии министра иностранных дел Польши К. Скубишевского было подтверждено, что процесс объединения касается тер-

ритории ФРГ, ГДР и Западного Берлина. Оба германских государства заявили о готовности зафиксировать факт объединения в конституции, не выдвигать территориальных притязаний и подписать договор о признании польской западной границы. Чтобы не раздражать немцев своей настойчивостью, К. Скубишевский узнав, что великие державы по вопросу границ объединенной Германии заняли позицию, которая не гарантировала окончательное их определение, так как это можно было бы расценить как ограничение суверенности германского государства, стал оказывать меньшее давление на правительство Коля [6, с. 507].

Еще ранее, в феврале 1990 г. в одном из своих интервью газете «Ю-эс-эй тудей» президент Польши В. Ярузельский отметил, что «Польша неоднократно заявляла о своей позиции, состоящей в том, что у каждой нации есть право на самоопределение. Вместе с тем, воссоединение – это процесс, который не может происходить лишь между двумя германскими государствами, а должен получить одобрение всех других заинтересованных сторон. Одной из форм, которую можно было бы признать в качестве гарантии интересов Польши, несомненно, было бы заключение договора. Во-вторых, гарантии такого порядка в Европе, который будет построен на принципах коллективной безопасности и сокращения вооружений – особенно в Германии» [7, с. 636].

В связи с заключением польско-германского договора о границе правительство Коля под давлением так называемых «изгнанных» немцев также предусматривало после объединения Германии заключить с Польшей договор, который бы гарантировал широкие права немецкого меньшинства. Было решено, что этот вопрос можно вынести на рассмотрение при подписании Договора о добрососедстве и сотрудничестве. Таким образом, только после того как польское правительство согласилось подтвердить в соответствующем договоре права немецкого меньшинства на территории Польши, германское правительство дало свое согласие на подписание договора о признании нерушимости польской западной границы по линии рек Одер–Нейсе. Перелом в польско-германских переговорах наступил 8 ноября 1990 г. в результате встречи Г. Коля с Т. Мазовецким во Франкфурте-на-Одре. И как уже говорилось выше, 14 ноября 1990 г. в Варшаве был подписан договор о границе между Польшей и уже объединенной Германией, что формально прекратило польско-германские споры по вопросу признания границы по Одере–Нейсе [8, с. 81]. Договор 1990 г. подтверждал основные положения Варшавского договора от 7 декабря 1970 г., заключенного между ФРГ и ПНР. Ратифицирован же был договор о границе только 17 октября 1991 г.

Договор о подтверждении существующей польско-германской границы, заключенный между ФРГ и Республикой Польша в ноябре 1990 г., состоял из четырех основных статей. В преамбуле договора говорилось о том, что Федеративная Республика Германия и Республика Польша устанавливают дипломатические отношения в соответствии с международным правом, в особенности с Уставом Организации Объединенных Наций и Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанным в Хельсинки. Оба государства заявили о своей решимости совместно поддерживать установленный в Европе порядок, где не будут больше делиться границы и который гарантирует всем европейским странам мирное сосуществование, основанное на всестороннем сотрудничестве [9].

17 июня 1991 г. был подписан Договор о добрососедстве и сотрудничестве между ФРГ и Польшей, который гарантировал признание немецкого меньшинства в Польше и соблюдение его прав. По мнению польского историка Е. Сулека, это было обязательным условием со стороны западногерманского правительства при подписании договора о границах [10, с. 44]. В декабре того же года на встрече министров иностранных дел трех стран был подписан договор о постоянных консультациях Польши, Германии, Франции, так называемый «Веймарский треугольник». В период с января 1990 г. до февраля 2005 г. было заключено свыше 120 различных договоров и соглашений, касающихся польско-германских взаимоотношений. Среди них особое значение имели договор о польско-германском молодежном сотрудничестве, соглашение о региональном и приграничном сотрудничестве, договор о создании польско-германского Совета об охране окружающей среды, договор о сотрудничестве в культурной сфере и другие [11].

Идея молодежного сотрудничества нашла отклик как со стороны польских, так и германских властей. Формально обмен студентами между двумя государствами происходил еще в конце 1980-х гг. на основе заключенного договора от 1 ноября 1989 г. между правительствами ПНР и ФРГ об обмене молодежью. Однако данный договор вступил в силу только 29 мая 1991 г., а 17 июня 1991 г. был подписан новый договор между правительствами Польши и ФРГ о польско-германском молодежном сотрудничестве. Затем на этой основе был создан Польско-германский Союз молодежи с двумя бюро, первое, немецкое в Потсдаме, второе – польское в Варшаве. Целью данной организации является осуществление образовательных программ, организация экскурсий к местам памяти периода Второй мировой войны [12, s. 174–175], [13, s. 12].

Еще один важный вопрос, который необходимо было урегулировать на уровне руководства Польши и ФРГ – вопрос национальных меньшинств. В 1990 г. количество проживающего немецкого населения в Польше по разным данным составляло от 300 тыс. до 1 млн человек. Совет Министров Польши принимает постановление № 142 от 7 сентября 1990 г. по вопросу о правах немецкого меньшинства в Польше и созывает комиссию, в обязанности которой входило сформулировать предложения, связанные с реализацией прав национальных меньшинств Польши, их охрана и популяризация среди польского общества данной проблемы. Министрами иностранных дел двух государств К. Скубишевским и Г.Д. Геншером также рассматривались вопросы материальной компенсации выселенным немцам после Второй мировой войны, двойного гражданства, которое де-юре правительством ФРГ не признавалось [14, s. 44–46], [15, s. 33].

Положительное воздействие на положение немцев в Польше оказали польско-западногерманская декларация и Договор о добрососедстве и сотрудничестве. В это время изменилась позиция многих деятелей немецкого меньшинства, связанных с Союзом изгнанных в ФРГ и высказывавшихся ранее за пересмотр границ, возвращение немцев на прежние места жительства. Их позиция изменилась, они стали лояльно относиться к польским властям, активно сотрудничать и участвовать в местном самоуправлении. В этом была немалая заслуга Комиссии национальных и этнических меньшинств Сейма. Предоставленные меньшинствам льготы позволили кандидатам от немцев пройти в 1991 г. на выборах в Сейм и организовать там «круг немецких послов» [16, с. 91].

Все выше изложенное позволяет констатировать тот факт, что в 1970–1980 гг. внешняя политика Польши по германскому вопросу была ориентирована на решение основных проблем: 1) признание суверенитета ГДР ФРГ; 2) развитие научно-культурных и торгово-экономических связей с ГДР и ФРГ. В 1990-е гг. к этим вопросам добавились новые: 1) объединение двух германских государств; 2) подтверждение признания существующей западной границы Польши объединенной Германией; 3) развитие молодежного сотрудничества; 4) урегулирование вопроса о правах немецкого меньшинства в Польше. Таким образом, можно утверждать, что, начиная с середины 1970-х гг., отношения Польши с ГДР преимущественно строились на развитии экономических и культурных связей. Однако и в них существовали некоторые проблемы. Восточногерманское правительство высказывало свое недовольство по вопросу культурной политики Польши, что привело к ликвидации безвизового режима между государствами. В политической сфере в конце 1980-х гг. наступил период охлаждения отношений, что было связано с новым общественно-политическим курсом ПНР.

В конце 80-х гг. XX в. установились более тесные связи между Польшей и ФРГ в культурной и экономической сферах. На территории Польши действовали культурные центры по распространению западногерманской художественной и научной литературы, проходили дни польской и немецкой культуры. В политической сфере, несмотря на опасения польского руководства по вопросу объединения Германии, в 1990-е гг. германский вопрос был закрыт политически и юридически, следовательно, западная граница Польши была подтверждена германским правительством, а ФРГ занимает не последнее место в политике Польши. О чем свидетельствуют заключенные многочисленные соглашения, меморандумы и договоры, которые положили начало дальнейшему двустороннему сотрудничеству в различных сферах.

Литература

1. Niemcy i Polacy 1945–1995 / Opr. red. K. Kanecka. – Warszawa : W-wa RYTM, 1996. – 199 s.
2. Wześciński, W. Polska «zniewolona» a Europa / W. Wześciński // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. – 2004. – № 2650. – S. 115–142.
3. Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech / Pod red. K. Ziemia. – Warszawa : Un-t Kardynała S. Wyszyńskiego, 2015. – 132 s.
4. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (12 сентября 1990 г.) // История Германии : в 3 т. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – М. : КДУ, 2008. – Т. 3. Документы и материалы. – С. 564–567.
5. Sowa, A.L. Historia polityczna Polski 1944–1991 / A.L. Sowa. – Kraków : Wyd-wo Literackie, 2011. – 769 s.
6. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М. : Весь мир, 2004. – 544 с.
7. Брониславский, Е. Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов / Е. Брониславский, Г. Вачнадзе. – Тбилиси : Изд-во Ганатлеба, 1990. – 640 с.
8. Гавриловец, Л.В. Политика Польши по германскому вопросу в 90-х гг. XX в. / Л.В. Гавриловец // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: сб. матер. конф. / редкол. В.В. Тугай [и др.]. – Минск : МПТК полиграфии, 2014. – С. 79–81.
9. Treaty between the Federal Republic of Germany and the Republic of Poland on the confirmation of the frontier between them, 14 November 1990 [Electronic resource] // Central and Eastern European Library. – Mode of access : http://ru.wikipedia.org/wiki/Граница_по_Одеру-Нейсе. – Date of access : 08.11.2013.
10. Sułek, J. Historia powstania Traktatu dobrosąsiedzkiego PR–RFN z 17 czerwca 1991 roku / J. Sułek // *Przegląd Zachodni*. – 2011. – № 2. – S. 3–45.
11. Stolarczyk, M. Zbieżność i różnice interesów w stosunkach polsko-niemieckich w latach 1989–2009 / M. Stolarczyk. – Katowice : WUS, 2010. – 693 s.
12. Hołub, A. Stosunki polsko-niemieckie / A. Hołub // *Polska wobec sąsiadów. Współczesne stosunki polityczne* ; Red. W.T. Modzelewski. – Olsztyn, 2009. – S. 171–189.
13. Raabe, S. Polska – sąsiad, partner, przyjaciel na wschodzie. Zmienne losy stosunków polsko-niemieckich po 1989 roku / S. Raabe // *Raporty Fundacji Konrada Adenauera*. – 2010. – № 17. – S. 2–40.
14. Kocwin, L. Polacy i Niemcy na Ziemi Kłodzkiej 1991–2000 / L. Kocwin. – Wrocław : WUW, 2002. – 298 s.
15. Reiter, J. Bilans polsko-niemieckiego Traktatu o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy z 17.06.1991 / J. Reiter // *Polacy i Niemcy. Trudne kontakty – dobre perspektywy* ; Red. H. Dmochowska, K. Kopacki. – Warszawa : Fundacja Konrada Adenauera, 2011. – S. 31–49.
16. Ганцкая, О.А. Проблемы меньшинств в государственной политике Польши (1945–1997 гг.) / О.А. Ганцкая // *Этнос, общество, государство*. – 2000. – № 1. – С. 88–100.

Моладзь у прамысловасці Савецкай Беларусі ў гады ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі

В.В. ДАНИЛОВІЧ

Праведзены аналіз становішча моладзі ў прамысловасці Савецкай Беларусі ў перыяд ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі (1921–1927 гг.). Акцэнт зроблены на дзейнасці дзяржавы, камсамола і прафсаюзаў па працаўладкаванні юнацтва на дзяржаўных і прыватных прамысловых прадпрыемствах, абароне правоў маладых рабочых. У артыкуле сцвярджаецца, што, нягледзячы на паступовае паляпшэнне матэрыяльнага становішча і рост прафесіяналізму рабочых юнакоў і дзяўчат, яны падоўгу затрымлівалася ў ніжэйшых кваліфікацыйных разрадах, часта былі заняты на некваліфікаванай працы. Агульная колькасць рабочай моладзі адносна колькасці ўсіх прамысловых рабочых заставалася невялікай, большасць юных рабочых былі яўрэйскай нацыянальнасці і працавалі ў дробнай прамысловасці.

Ключавыя словы: прамысловасць, прадпрыемствы, рабочыя, саматужнікі, моладзь, падлеткі, камсамол, кваліфікацыя.

The analysis of the situation of youth in the Soviet Belarusian industry in the period of the New Economic Policy (1921–1927) is presented. Emphasis is placed on the activities of the state, Komsomol and trade unions on youth employment in the public and private industrial enterprises and protection of the rights of young workers. It is confirmed that, despite of the gradual improvement of the financial position and increase of the professionalism of the working boys and girls, they lingered long in the lowest skill category and they were often employed in unskilled work. The total number of young workers relative to the number of industrial workers remained low; the majority of young workers was Jewish and worked in small-scale industry.

Keywords: industry, enterprises, workers, handicraftsmen, youth, teenagers, Young Communist League, qualification.

З надыходам доўгачаканага міру адной з першачарговых задач у эканоміцы Савецкай Беларусі з’яўлялася аднаўленне прамысловасці. У гэтай важнай справе прымала ўдзел і юнацтва.

Па закліку кампартыі камсамольскія арганізацыі ў 1921–1922 гг. стваралі на бяздзейнічых заводах і фабрыках аднаўляльныя брыгады, праводзілі суботнікі і нядзельнікі. Маладыя рабочыя на чале з камсамольцамі прымалі дзейсны ўдзел у аднаўленні прамысловых прадпрыемстваў [1, с. 106–107].

Не заставаліся ў баку і падлеткі, да якіх адносіліся асобы ва ўзросце ад 14 да 18 гадоў. Усяго ў цэнзавай прамысловасці ССРБ у чэрвені 1921 г. налічвалася 343 падлеткі (8,7 % ад усіх яе рабочых), у чэрвені 1922 г. – 185 (6,4 %), у чэрвені 1923 г. – 257 (6,2 %, што было больш чым у сярэднім па СССР, дзе гэта лічба складала 5,9 %) [2, л. 130]. Як бачым, пасля амаль двухкразовага скарачэння ў сярэдзіне 1922 г. колькасць падлеткаў у цэнзавай прамысловасці рэспублікі пачала расці, хаця і не дасягнула ўзроўню сярэдзіны 1921 г., да таго ж у працэнтных адносінах да дарослых рабочых скарачэнне яе працягвалася, што сведчыць аб цалкам зразумелым прыярыцеце прыцягнення на працу ў цэнзавую прамысловасць рабочых сталага ўзросту.

Усяго камсамольцы ў 1922 г. з дапамогай дзяржаўных і прафсаюзных органаў уладкавалі на працу ў прамысловасці ССРБ звыш 600 падлеткаў. Паспяхова праводзілася браніраванне працоўных месц для падлеткаў на прамысловых прадпрыемствах Віцебскай і Гомельскай губерняў [3, с. 120].

Пры гэтым працэнт юных рабочых на прыватных прамысловых прадпрыемствах Савецкай Беларусі ў пачатку 1920-х гг. у 3,5 разы перавышаў яго працэнт на дзяржаўных прамысловых прадпрыемствах [4, л. 36]. Гэта можна растлумачыць тым, што моладзь з’яўлялася найбольш лёгкаэксплуатуемай працоўнай сілай.

Толькі ў канцы 1922 – пачатку 1923 гг. КСМБ замацаваў становішча моладзі на дзяржаўных і прыватных прамысловых прадпрыемствах: правёў праз Народны камісарыят

працы (НКП) ССРБ пастановы аб нескарачальнасці юнацтва на прыватных прадпрыемствах, 6-гадзінным працоўным дні для падлеткаў і цвёрдым тарыфе аплаты працы маладых рабочых [5, л. 90–91, 99].

Аднак як у прыватнай, так і дзяржаўнай прамысловасці ССРБ не выконваліся нормы рабочых гадзін падлеткаў, у аплаце іх працы і пераводзе ў вышэйшы разрад тарыфнай сеткі адсутнічала сістэма, адміністрацыя прадпрыемстваў не звяртала ўвагі на навучанне падлеткаў прафесіям. У дзяржаўных прадпрыемствах харчовай і гарбарнай галін прамысловасці ўвогуле ўсе юныя рабочыя былі звольнены [4, л. 36], [6, л. 5].

Разам з тым, дзяржава клапацілася аб падрыхтоўцы з ліку юнацтва, у першую чаргу камсамольскага, кваліфікаваных кадраў работнікаў прафсаюзнага руху і адміністрацыі ў прамысловасці. З гэтай мэтай была ўведзена практыка камсамольцаў ва ўсіх прамыслова-адміністрацыйных органах [7, л. 27].

У 1923 г. у прамысловасці ССРБ працавалі 2465 маладых рабочых ва ўзросце ад 14 да 23 гадоў [2, л. 139], што складала 7 % ад усіх прамысловых рабочых [8, л. 21]. Юнакі і дзяўчаты ў пераважнай большасці працавалі на прыватных прадпрыемствах, а ў дзяржаўнай прамысловасці налічвалася шмат падлеткаў [6, л. 16]. К сярэдзіне 1923 г. большасць юных рабочых рэспублікі знаходзілася на кваліфікаванай працы [5, л. 124]. Аднак пры гэтым большасць дзяўчат-работніц заставаліся некваліфікаванымі [6, л. 51]. Як бачым, вырашэнне праблем кваліфікаванага працаўладкавання ў прамысловасці дзяўчат адставала ад вырашэння гэтых праблем сярод юнакоў.

У 1924 г. колькасць асоб ва ўзросце ад 14 да 23 гадоў, занятых у прамысловай вытворчасці БССР, вырасла да 4152 чалавек, але іх працэнт у адносінах да ўсіх рабочых скараціўся да 4,3 % [9, л. 26]. Каб захаваць месцы для маладых працоўных, улады аслабілі падатковы ціск на саматужнікаў і дробных прадпрымальнікаў, бо 50 % юнакоў і дзяўчат ССРБ працавалі на прыватных прадпрыемствах [10, л. 11]. Саматужнікі ўвогуле вызваліліся ад падаткаў пры прыёме на працу падлеткаў [11, л. 35].

Разам з тым, сярод падлеткаў-браневікоў было шмат пераросткаў, бо іх вельмі марудна пераводзілі на сталыя працоўныя месцы. Так, у канцы 1924 г. у прамысловасці ВСНГ БССР (75 % ад усёй прамысловасці рэспублікі) сярод падлеткаў-браневікоў было 2050 пераросткаў [12, л. 40].

У 1924–1925 гг., дзякуючы прамысловаму росту, зніжэнню сабекошту прадукцыі, узняццю вытворчасці працы і рацыяналізацыі, павялічыўся прыток юнакоў і дзяўчын у прамысловасць, выраслі іх заробкі, палепшыліся працоўныя і жыллёва-бытавыя ўмовы. Аднак гаспадарнікі ў мэтах рацыяналізацыі, узняцця вытворчасці працы і скарачэння выдаткаў усяляк імкнуліся абмежаваць зарплату юнацтва і браню падлеткаў, перашкаджалі поўнаму яе запаўненню і разбраніраванню пераросткаў. У некаторых галінах вытворчасці ўвогуле назіралася выцісканне падлеткаў [13, л. 17–18], [14, л. 48–49].

Разбраніраванне пераросткаў, наяўнасць якіх з’яўлялася ў гэты час істотнай праблемай для працаўладкавання падлеткаў у прамысловасці БССР, ішло вельмі марудна з-за незацікаўленасці гаспадарнікаў і слабой настойлівасці камсамольскіх і прафсаюзных арганізацый.

Са студзеня па верасень 1925 г. найбольшы рост сярэдняга разрада рабочых-падлеткаў у прамысловасці БССР адбыўся у хімічнай галіне (з 3 да 3,5), у гарбарнай галіне ён скараціўся з 3,5 да 3, а ў металаапрацоўчай застаўся на ўзроўні 3. Пры гэтым сярэдні заробак рабочых-падлеткаў вырас па ўсіх галінах (найбольшы быў у харчовай – 28 руб. 80 кап.) як і зарплаты рабочых старэйшых узростаў. У працэнтных адносінах ён вырас у харчовай (найбольш – 54,9 %), дрэваапрацоўчай (53,6 %) і хімічнай (50,9 %) галінах, а скараціўся ў металаапрацоўчай (найбольш – 29,4 %) і гарбарнай (39,9 %) [14, л. 70]. Як бачым, у сярэднім рабочыя-падлеткі мелі 3 кваліфікацыйны разрад, рост жа іх зарплаты адставаў ад заробку рабочых старэйшых узростаў у металаапрацоўчай і гарбарнай галінах.

Аднак у цэлым у прамысловасці рэспублікі юныя рабочыя падоўгу затрымліваліся ў ніжэйшых разрадах, хоць па кваліфікацыі маглі быць пераведзены ў вышэйшыя [15, л. 53, 77]. На прадпрыемствах хімічнай і дрэваапрацоўчай галін падлеткі заседжваліся ў адным кваліфікацыйным разрадзе нават год-паўтара. Увогуле моладзь у прамысловасці БССР мела нізкую кваліфікацыю, вялікая частка юнакоў і дзяўчын былі заняты на чорнай працы [13, л. 22].

Сярод саматужнікаў рэспублікі меліся юныя наёмныя работнікі, а таксама самастойныя маладыя саматужнікі. Падлеткаў у саматужных прадпрыемствах было хоць і няшмат (каля 7 %), але больш, чым у іншых галінах прамысловасці. Колькасць падлеткаў у саматужных прадпрыемствах БССР вагалася наступным чынам: май 1924 г. – 1053, ліпень 1924 г. – 635, студзень 1925 г. – 756, кастрычнік 1925 г. – 768. У кастрычніку 1925 г. 522 падлеткі (68 %) на гэтых прадпрыемствах знаходзіліся на броні. Сярод іх была значная колькасць пераросткаў, але да канца года большасць іх была пераведзена ў штат, а агульная колькасць падлеткаў у саматужных прадпрыемствах рэспублікі перавысіла 1 тыс. чалавек [14, л. 52], [16, л. 69 – 70], [17, л. 20]. Як бачым, колькасць падлеткаў у саматужнай вытворчасці не была стабільнай. Гэта можна растлумачыць прыярытэтам для саматужнікаў асабістай выгады і прыбытку, што вяло да наяўнасці сярод працуючых у іх падлеткаў-браневікоў значнай колькасці пераросткаў і адпаведна стрымлівала прыток новых падлеткаў па броні.

Эканамічнае становішча моладзі саматужных прадпрыемстваў было не вельмі добрым з-за нізкай кваліфікацыі, дрэнных умоў аховы працы і г. д. Саматужнікі імкнуліся не плаціць вучням, марудна пераводзілі юнакоў і дзяўчат у вышэйшыя разрады [16, л. 77].

На больш буйных прыватных прадпрыемствах, якія не карысталіся ільготамі за вучняў, падлеткі атрымлівалі зарплату ў адпаведнасці з дзяржмінімумам, а таксама плату па сацыяльным страхаванні, іх правы ахоўваліся на грунце кодэкса законаў аб працы. Працоўны дзень падлетка можна было падаўжаць да 8 гадзін у суткі пры ўмове захавання 36-гадзіннага працоўнага тыдня. Падлеткам забараняліся шкодныя, цяжкія і начныя працы [16, л. 74, 78, 80].

У прамысловасці БССР налічвалася значная колькасць яўрэйскіх юнакоў і дзяўчат, што заканамерна, улічваючы вялікую колькасць яўрэяў сярод насельніцтва рэспублікі. Але ў некаторых прамысловых галінах маладых яўрэяў не было ўвогуле (фарфаравая, хімічная, шкляная і інш.), што сведчыць аб выбарачным характары іх працаўладкавання, бо абмежаванняў пры прыёме на працу яўрэяў у гэты час не існавала. Разам з тым, у 1925 г. адбывалася выпяцненне яўрэйскага юнацтва з традыцыйнай для яго саматужнай вытворчасці юнымі асобамі з сем'яў заможных сялян, якія добра плацілі саматужнікам за навучанне сваіх дзяцей [15, л. 163].

VIII з'езд камсамола БССР, які адбыўся ў лютым 1926 г., мабілізаваў камсамольцаў і моладзь на правядзенне індустрыялізацыі краіны і паляпшэнне работы прамысловасці. Камсамольцы разам з адміністрацыяй арганізавалі сярод юнакоў і дзяўчат на заводах і фабрыках конкурсы на лепшага рабочага, гурткі рацыяналізатараў і вынаходнікаў; у сценгазетах і плакатах крытыкавалі лайдакоў, прагульшчыкаў, рвачоў, п'яніц, выхоўваючы маладых рабочых у духу свядомых адносін да працы і грамадскай уласнасці. ЛКСМБ прыняў актыўны ўдзел у паходзе ВЛКСМ за сацыялістычную рацыяналізацыю і рэжым эканоміі, які адыграў важную ролю ў паспяховым правядзенні індустрыялізацыі. Камсамольцы БССР устанаўлівалі кантроль за выкарыстаннем сыравіны, ініцыявалі зніжэнне расцэнак, стваралі брыгады “сяброў станка”, якія сачылі за захаваннем абсталявання і інструментаў, а таксама камсамольска-маладзёжныя ўдарныя брыгады і цэхі, якія адыгралі важную ролю ў павышэнні прадукцыйнасці працы і ўмацаванні працоўнай дысцыпліны [18, с. 48–50], [19, л. 1].

На 1 мая 1926 г. у прамысловасці рэспублікі налічвалася 1098 падлеткаў-рабочых (7,6 % ад усіх рабочых): 662 юнакі і 436 дзяўчат. Найбольш іх налічвалася ў шкляной, тэкстыльнай і папяровай галінах (66,4 %) [20, л. 7].

Аднак колькасць падлеткаў у прамысловасці БССР на 1 верасня 1926 г. скарацілася да 1045, а іх працэнт у адносінах да ўсіх рабочых – да 6,9 %. Фактычна бронь падлеткаў у прамысловасці мясцовага значэння была больш нізкай і звыш паловы яе складалі пераросткі [2, л. 19], што, на наш погляд, і з'яўлялася асноўнай прычынай скарачэння колькасці падлеткаў-браневікоў.

Увогуле ў сувязі з агульным ростам народнай гаспадаркі ў прамысловасці БССР колькасць маладых рабочых узрасла да 5567 (28,7 %) на 1 ліпеня 1926 г. Пры гэтым рабочае юнацтва ў рэспубліцы ў большасці было яўрэйскім [21, л. 588, 625].

Была праведзена выніковая праца па прыцягненні дзяўчат у вытворчасць па ўсіх галінах прамысловасці рэспублікі [2, л. 20].

У БССР налічвалася каля 1050 маладых саматужнікаў. Усе яны былі ахоплены калектыўнымі дамовамі [22, л. 117]. Разам з тым, у лік броні на працу да саматужнікаў

рэспублікі пасылаліся 16–17-гадовыя падлеткі. У выніку, калі ім спаўнялася 18 гадоў, саматужнікі гублялі ільготы (гэта было зроблена, каб пазбегнуць вялікай колькасці пераросткаў сярод падлеткаў у саматужнай вытворчасці) і звальнялі вучняў, якія яшчэ не скончылі навучання [20, л. 11]. Як бачым, праблема падлеткаў-пераросткаў сярод саматужнікаў была вырашана, але ўзнікла новая праблема падлеткаў-недавучак.

Нягледзячы на існуючае заканадаўства, на некаторых прамысловых прадпрыемствах увогуле адсутнічала бронь падлеткаў ці ад яе імкнуліся ўсяляк пазбавіцца, бо яна патрабавала значных матэрыяльных выдаткаў [20, л. 4]. Такому становішчу спрыяла адсутнасць увагі да пытанняў броні падлеткаў з боку Галоўкамунгаса і Белсельсаюза, якія непасрэдна кіравалі мясцовай прамысловасцю. Да таго ж прафсаюзы і НКП БССР не вялі па гэтых пытаннях дасканалай і энергічнай працы на месцах [23, л. 4–5].

У прамысловасці рэспублікі з-за пасіўнасці гаспадарнікаў сярод падлеткаў-браневікоў па-ранейшаму мелася значная колькасць пераросткаў, што перашкаджала папаўняць бронь і ўцягваць у прамысловую вытворчасць новыя маладыя кадры. Некаторыя прамысловыя прадпрыемствы, як і саматужнікі, проста скарачалі пераросткаў [24, л. 119].

Напрыканцы 1926 г. браня падлеткаў у прамысловасці БССР была ў асноўным запоўнена. Аднак пытанне з разбранаўаннем пераросткаў заставалася вострым. Іх налічвалася ў прамысловасці саюзнага падпарадкавання 30 %, а ў прамысловасці мясцовага значэння – 50 %. Заробкі падлеткаў па ўсіх галінах узраслі, але дрэннымі заставаліся іх бытавыя і жыллёвыя ўмовы, харчаванне [21, л. 587].

Разам з тым, паступова паляпшалася працоўная дысцыпліна сярод рабочых юнакоў і дзяўчат. Калі ў сярэдзіне 1926 г. сярод іх адзначалася слабая вытворчая дысцыпліна і зніжэнне вытворчасці працы (прагулы па некаторых прадпрыемствах даходзілі да 60 % працоўнага часу), то напрыканцы года сітуацыя выправілася і прагулы ўжо не перавышалі 10 % працоўнага часу. У юных рабочых павялічылася зацікаўленасць у працы і яе якасці, імкненне да павышэння сваёй кваліфікацыі. Але моладзь яшчэ слаба, а на некаторых прадпрыемствах увогуле не ўдзельнічала ў вытворчых нарадах і камісіях [13, л. 85].

У мэтах узняцця вытворчасці працы камсамольцы ахвотна пераходзілі са здзельнай аплаты працы на звычайную, хоць гэта і зніжала іх заробак на 30 % [13, л. 86], што сведчыць аб высокім узроўні іх самасвядомасці і гатоўнасці ахвяраваць асабістымі інтарэсамі на карысць дзяржавы і грамадства.

Увогуле дынаміка колькасці падлеткаў у прамысловасці БССР у 1925–1927 гг. выглядала наступным чынам: на 1 студзеня 1925 г. на 148 прамысловых прадпрыемствах налічвалася 864 падлеткі (6,9 % ад усіх рабочых), з іх 566 юнакоў і 298 дзяўчат (34,5 %); на 1 студзеня 1926 г. на 150 прамысловых прадпрыемствах налічвалася 1165 падлеткаў (6,8 %), з іх 772 юнакі і 393 дзяўчыны (33,7 %); на 1 студзеня 1927 г. на 223 прамысловых прадпрыемствах налічвалася 1944 падлеткі (7 %), з іх 1160 юнакоў і 784 дзяўчыны (40,3 %) [24, л. 305]. Як бачым, колькасць падлеткаў у прамысловасці рэспублікі ўвесь час расла, хаця ў працэнтных адносінах заставалася амаль нязменнай, што гаворыць аб пераважным прыцягненні на працу падлеткаў у рамках вызначаных працэнтаў броні. Працэнт жа дзяўчат сярод іх пасля нязначнага зніжэння таксама вырас, што сведчыць аб выніковасці дзяржаўнай палітыкі па павелічэнні іх колькасці ў прамысловасці. Але значная іх колькасць была занята на некваліфікаванай рабоце, а таксама ў тых галінах вытворчасці, дзе жаночая праца выкарыстоўвалася здаўна [25, л. 39].

Пры разглядзе колькасці падлеткаў-браневікоў у прамысловасці БССР без уліку пераросткаў мы убачым, што калі да снежня 1926 г. адзначаўся рост гэтай колькасці да 1215 чалавек (7,6 % ад усіх рабочых), то пасля пачалося яе зніжэнне, асабліва хуткае з сакавіка па ліпень 1927 г.: з 1206 (7,1 %) на 1 красавіка да 1165 (5,5 %) на 1 жніўня (з іх – 538 (46,2 %) дзяўчат, што з'яўляецца даволі значным працэнтам). Відавочна, што прычынай такога скарачэння з'яўлялася наяўнасць у броні вялікай колькасці пераросткаў. Так, усяго разам з пераросткамі падлеткаў-браневікоў налічвалася на 1 кастрычніка 1927 г. 1964 чалавекі (9 %), з іх пераросткаў – 799 чалавек (40,7 %) [2, л. 122], [26, л. 96]. Як бачым, у параўнанні з пачаткам года колькасць падлеткаў у прамысловасці рэспублікі некалькі вырасла, у працэнтных адносінах – нават на 2 %. Аднак пераросткі сярод іх складалі больш чым дзве пятыя.

Але ўжо літаральна праз месяц, напрыканцы кастрычніка, у прамысловасці БССР у выніку скарачэння ці працаўладкавання пераросткаў налічвалася 1408 (6,4 % ад усіх рабочых) падлеткаў-браневікоў, з іх 571 дзяўчына (7,9 % ад рабочых-жанчын і 40,6 % ад усіх падлеткаў-браневікоў) [2, л. 5], [27, л. 72]. З гэтых лічбаў вынікае, што колькасць падлеткаў-браневікоў у прамысловасці рэспублікі так і не дасягнула ўзроўню пачатку года. Пры гэтым працэнт падлеткаў-дзяўчат адносна рабочых-жанчын перавышаў на 1,5 % агульны працэнт падлеткаў-браневікоў адносна ўсіх рабочых. Хаця колькасць падлеткаў-дзяўчат і вырасла ў параўнанні са жніўнем (што можна разглядаць як вынік узмацнення дзяржавай курсу на прыцягненне дзяўчат у прамысловую вытворчасць), аднак у працэнтных адносінах да агульнай колькасці падлеткаў-браневікоў яна скарацілася на 5,6 %. Лепш у параўнанні з астатняй прамысловасцю БССР выглядала становішча ў саматужных арцелях, дзе налічвалася 445 падлеткаў (7,8 % ад іх работнікаў) [23, л. 8].

Увогуле ў 1927 г. попыт на рабочую сілу падлеткаў у рэспубліцы быў нязначны, хаця паступова яго суадносіны з прапановай памяншаліся і колькасць падлеткаў у прамысловай вытворчасці БССР расла. Так, калі ў красавіку мелася 157 вакансій для падлеткаў, на якія прэтэндавала – 658 юных працоўных, то ў снежні адпаведна – 252 і 407. Пры гэтым 80 % попыту на падлеткавую працу прыпадала на дзяржаўныя прадпрыемствы і саматужнікаў. Да таго ж органы сацыяльнага страхавання рэспублікі штогод выдаткоўвалі 400 пайкоў на суму 38 тыс. руб. для падлеткаў, якія знаходзіліся на працы не па броні [26, л. 107].

Праведзеныя ў прамысловаразвітых акругах БССР канферэнцыі рабочых юнакоў і дзяўчат выявілі адмоўныя з’явы ў адносінах да іх з боку гаспадарчых органаў [2, л. 28]. Адзначаліся выпадкі дрэннага выкарыстання для падтрымкі падлеткаў пайкоў, магчымасцяў страхавых кас і Інспекцыі працы [25, л. 95]. На дробных прадпрыемствах 30 % моладзі працавала звыш устаноўленага законам часу. На буйных прадпрыемствах шкляной галіны падлеткі працавалі ў начныя змены [28, л. 137]. Па-ранейшаму захоўвалася праблема наяўнасці сярод падлеткаў-браневікоў у прамысловасці рэспублікі вялікай колькасці пераросткаў [29, л. 203], што можна растлумачыць нявыгаднасцю разбраніравання пераросткаў для гаспадарнікаў.

Колькасць рабочага юнацтва адносна агульнай колькасці рабочых у БССР заставалася нязначнай. Маладыя рабочыя пераважна працавалі ў дробнай прамысловасці і ў большасці былі яўрэямі па нацыянальнасці [29, л. 207, 215].

Разам з тым, сярод юных рабочых рэспублікі скараціліся прагулы, узрасла дысцыпліна і вытворчасць працы [29, л. 205, 219]. З 8,5 тыс камсамольцаў, якія працавалі на прамысловых прадпрыемствах БССР, 7,3 тыс. (88 %) былі ўдарнікамі [1, с. 150].

Такім чынам, у пачатку 1920-х гг. моладзь прымала дзейсны ўдзел у аднаўленні прамысловых прадпрыемстваў Савецкай Беларусі.

Са свайго боку дзяржава разам з камсамолам і прафсаюзамі надавала ўвагу працаўладкаванню юнацтва, але ў першую чаргу гэта датычылася асоб ва ўзросце ад 14 да 18 гадоў як найбольш слабападрыхтаваных да працоўнай дзейнасці і таму патрабуючых падтрымкі, асабліва ў складаных сацыяльна-эканамічных умовах.

Аднак толькі ў канцы 1922 – пачатку 1923 гг. у выніку мэтанакіраванай палітыкі дзяржаве пры падтрымцы камсамола і прафсаюзаў удалося больш-менш умацаваць становішча моладзі на дзяржаўных і прыватных прамысловых прадпрыемствах.

У 1925–1927 гг. колькасць падлеткаў у прамысловасці рэспублікі расла, хаця ў працэнтных адносінах заставалася амаль нязменнай, што гаворыць аб пераважным прыцягненні на працу падлеткаў у рамках вызначаных працэнтаў броні. Пры гэтым у значнай колькасці галін прыярытэтным было не звычайнае працаўладкаванне падлеткаў, а навучанне іх рабочым прафесіям.

Аднак разбраніраванне пераросткаў, наяўнасць якіх з’яўлялася ў гэты час істотнай праблемай для працаўладкавання падлеткаў у прамысловасці рэспублікі, ішло вельмі марудна з-за незацікаўленасці гаспадарнікаў і слабой настойлівасці камсамольскіх і прафсаюзных арганізацый.

Працягваўся рост і зарплаты моладзі ў прамысловасці БССР, не толькі ў колькасным вымярэнні, але і ў працэнтных адносінах да заробка дарослых рабочых. Усё гэта гаворыць аб выніковасці дзяржаўнай палітыкі па падтрымцы юных рабочых.

Разам з тым, рабочае юнацтва ў прамысловасці рэспублікі падоўгу затрымлівалася ў ніжэйшых разрадах, нягледзячы на рост свайго прафесіяналізму. Вялікая частка маладых рабочых была занята на чорнай працы.

У 1926–1927 гг. у выніку мэтанакіраванай працы дзяржавы, камсамола і прафсаюзаў павялічылася колькасць дзяўчат у вытворчасці па ўсіх галінах прамысловасці БССР, але агульная колькасць рабочай моладзі (у большасці яна працавала ў дробнай прамысловасці і была яўрэйскай нацыянальнасці) адносна колькасці ўсіх прамысловых рабочых заставалася ў рэспубліцы невялікай.

Увогуле юных прамысловых рабочых Савецкай Беларусі ў разгляданы перыяд можна падзяліць на 2 групы: 1) рабочыя, якія нядаўна прыйшлі на вытворчасць (часцей за ўсё знаходзіліся пад уплывам камсамола, актыўна ўдзельнічалі ў арганізаваных ім мерапрыемствах); 2) кваліфікаваныя рабочыя, якія даўно працавалі на вытворчасці (звычайна стараніліся грамадскай працы, не давяралі камсамольцам, што сведчыць аб значных хібах саюза ў працы з юнымі рабочымі ў мінулыя гады). Пры гэтым першая група колькасна пераважала над другой.

Літаратура

1. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии / Ред. кол.: А. Е.Журов [и др.]. – Минск : «Беларусь», 1975. – 536 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 355.
3. Журов, А. Под руководством партии. Деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии (1918–1925 гг.) / А. Журов. – Минск : «Беларусь», 1970. – 216 с.
4. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 14.
5. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 19.
6. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 22.
7. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 5.
8. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 27.
9. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 49.
10. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 31.
11. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 30.
12. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 53.
13. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 44.
14. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 54.
15. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 49.
16. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 45.
17. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 127.
18. Жураў, А. Комсомол Беларусі ў барацьбе за соцыялізм / А. Жураў. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1957. – 76 с.
19. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 74.
20. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 211.
21. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 64а.
22. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 62.
23. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 66.
24. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 1. – Спр. 64.
25. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. Р-5515. – Воп. 2. – Спр. 90.
26. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 544.
27. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 448.
28. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 452.
29. НАРБ. – Ф. 63 п. – Воп. 2. – Спр. 174.

УДК 94:378.4(476.2-21Гомель) «1970»:070

Становление Гомельского государственного университета (по материалам газеты «Гомельскі ўніверсітэт»)

А.И. ЗЕЛЕНКОВА

Освещается история Гомельского государственного университета в начальный период деятельности. Анализируется организация учебно-методической, научно-исследовательской, идеологической работы в вузе в первые годы его работы. Источниками для написания статьи стали материалы газеты «Гомельскі ўніверсітэт».

Ключевые слова: газета, образование, университет, учебная работа, преподаватели, студенты, наука, становление.

The main stages of the history and formation of F. Scorina Gomel State University are described. Special attention is paid to the earliest period in the history of Gomel State University. The article is written on the materials of the newspaper «Gomel University».

Keywords: newspaper, education, university, educational work, teachers, students, science, formation.

Особенность периодики определяется тем, что она является комплексным источником, объединяющим традиционные виды источников и различные специфические жанры. В газетах печатаются делопроизводственные, статистические документы, воспоминания, литературные произведения. Знакомясь с материалами газет, исследователь имеет уникальную возможность лучше понять эпоху. История вуза по существу представляет собой повседневную жизнь преподавателей, сотрудников и студентов в её историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества по мере закрепления новых форм работы, учёбы, досуга. Высокоинформативным источником изучения повседневной жизни Гомельского государственного университета является многотиражная газета «Гомельскі ўніверсітэт», которая задавала норму отношений внутри коллектива и практический шаблон трудового поведения. Очевидно, требуется внимательное изучение данного источника и подготовка серии публикаций по материалам университетской многотиражки. Кроме того, в газете имеется множество фотографий из разных сфер деятельности вуза и, обратившись к их изучению, можно собрать огромный архив фотодокументов по истории университета. Однако газеты, выходившие в первом учебном году (1969–1970), в университете не сохранились. В редакции газеты «Гомельскі ўніверсітэт» частично сохранились отдельные номера за 1970–1973 гг. и, начиная с 1974 г., газеты собирались библиотекой ГГУ.

Необходимость создания собственной газеты возникла после преобразования Гомельского государственного педагогического института в университет. Центральный комитет КПБ поддержал инициативу ректората, партийной организации вуза и 13 августа 1969 г. принял постановление об издании многотиражной газеты Гомельского государственного университета на четырёх полосах. Её редактором обком партии утвердил ответственного секретаря гомельской районной газеты «Маяк» Владимира Гулевича. Днём рождения газеты «Гомельскі ўніверсітэт» стал первый день занятий студентов первого учебного года в Гомельском государственном университете (1 сентября 1969 г.) [1, с. 184].

В первом же номере газеты было обращение к читателям с призывом принять самое активное участие в работе редакции. «Главное требование к газете – активно содействовать дальнейшему улучшению воспитания высокклассных, идейно закалённых научных и педагогических кадров. Насколько эффективно она будет это делать – во многом зависит и от тебя, уважаемый читатель. Редакция уверена, что газета найдёт среди студентов, преподавателей, всех работников университета самую широкую поддержку и помощь. Своим непосредственным участием, горячей заинтересованностью в результатах работы газеты, ты, дорогой друг, будешь содействовать успеху нашей общей работы» [2, с. 33]. В первые годы все материалы газеты печатались на белорусском языке. В 1970 г. редактором газеты «Гомельскі ўніверсітэт» был назначен К. Калинов. В редколлегия входило 48 человек, среди которых были и студенты университета.

Первый учебный год был очень важным для Гомельского государственного университета, становления его педагогического коллектива. Его итоги и задачи на будущее обсуждались осенью 1970 г. и отражались на страницах газеты «Гомельскі ўніверсітэт». Профессор кафедры истории КПСС и научного коммунизма И.Ф. Мужев называл его «годом перестройки». В октябре 1970 г. ректор ГГУ В.А. Белый, выступая перед коллективом, отмечал, что «ЦК КПБ рассмотрел вопрос о развитии Гомельского университета. У него большое будущее и каждый из нас должен чувствовать себя строителем университета и делать на своём рабочем месте всё для успешного решения задач, которые перед нами поставлены» [3]. Подводил итоги первого года работы университета секретарь партийного комитета ГГУ Я.Р. Ермолаев: «Большинство факультетов (кроме пятых курсов) перешли на университетский учебный план, многое сделано по освоению университетских учебных программ, созданию лабораторий, освоению нового оборудования. Разработана новая научно-методическая документация. Повысилась успеваемость студентов (особенно на историко-филологическом и факультете физвоспитания), выросло количество отличников. Слабым остаётся уровень студентов заочного факультета. Из 2 032 студентов-заочников на «хорошо» и «отлично» сдали экзамены только 30 человек. Есть успехи и в научно-исследовательской работе. 27 ноября 1969 г. было принято решение о разработке крупных комплексных тем, которые имеют хозяйственное и теоретическое значение. В идеологической работе первый учебный год проходил по плану, разработанному к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 9–10 апреля 1970 г. прошла межвузовская конференция «Ленин: теоретическое наследие и современность». Впервые в университете была создана группа политинформаторов, и работало 7 методологических семинаров. Среди лучших можно отметить следующие семинары: биолого-почвенный факультет (руководитель В.И. Пармёнов), историко-филологический (М.А. Янковский), механико-математический (С.А. Сафонов). В университете создан вечерний институт марксизма-ленинизма» [4].

В годы становления вуза педагогическому коллективу приходилось преодолевать трудности объективного и субъективного характера. Несколько лучше ситуация была на тех факультетах, которые существовали ещё в педагогическом институте (физико-математический, химико-биологический, физического воспитания, филологический). Заведующий кафедрой общей геологии профессор А.Р. Кинзикеев утверждал, что «год становления университета трудный, особенно для созданных новых факультетов. Например, геологический факультет начал работу с 3, 4 курсов, которые укомплектованы приезжими студентами. Много уже сделано, но тяжело пока» [3]. Сотрудники газеты «Гомельскі ўніверсітэт» много делали для пропаганды новых специальностей. На встрече первых студентов-заочников (75 человек) специальностей геология и экономика с проректором по заочному обучению Т.П. Трацевской и деканами соответствующих факультетов присутствовал корреспондент газеты. После встречи он обратился к студентам с вопросом: «Почему они выбрали именно эти специальности?». Золотая медалистка СШ № 2 г. Ветки Л. Журавлёва ответила, что ей «помогла газета «Гомельскі ўніверсітэт». К нам в школу пришёл номер газеты, в котором рассказывалось о факультетах. Я прочитала в ней о различных специальностях и остановилась на экономике». Выпускник СШ № 24 г. Гомеля А. Голубев сказал, что его родители инженеры-экономисты, они «часто мне рассказывали о своей профессии и готовили к выбору будущей специальности. Пока работаю учеником слесаря в областном управлении местной промышленности». Работник геолого-съёмочной экспедиции Верхне-Нёманской партии С. Петрушкевич утверждала, что «моя мечта стать геологом. Я с детства много читала и смотрела фильмов об интересной профессии разведчиков земных недр» [5].

На страницах газеты рассматривались итоги работы первого учебного года отдельных факультетов и кафедр, поднимались насущные проблемы организации учебного процесса, изучались дальнейшие перспективы. Так, учёный совет факультета физвоспитания проанализировал работу за 1969/1970 учебный год. Декан факультета А.Ф. Семикоп отмечал: «главное – работа по расширению учебной базы, реконструкция и ремонт спортивных залов, строительство объектов. Но этого всё равно недостаточно и много средств уходит на аренду помещений для занятий». Он подчёркивал, что студенты ещё не могут перестроиться на серьёзную работу, имеют «много пропусков без уважительных причин, студенты много нарушают общественный порядок. Из 20 исключённых студентов, 9 – за плохое поведение». Выступавшие на совете преподаватели Г.П. Мелёхин, И.Д. Будюхин, Б.А. Цариков,

Б.М. Зайцев, М.П. Толстопятов говорили о том, что не всегда только студенты виноваты в низкой успеваемости, есть и объективные причины «большой объём нагрузки понижает качество проведения практических занятий, неудовлетворительно работает библиотека и кабинет для самостоятельной подготовки студентов, не хватает учебников» [6].

Важнейшим направлением деятельности руководства университета в период его становления было создание в вузе современной библиотеки и её комплектование. Ещё в 1967 г. был создан научно-информационный отдел, который занимался составлением библиографических справочников. На факультетах проводились занятия по библиографии. Ежемесячно начал издаваться «Информационный бюллетень», который содержал информацию о новых поступлениях в библиотеку. О работе библиотеки и её будущем в газете рассказала заведующая отделом научной обработки фондов В. Костюченкова: «Комплектуются фонды в книжных магазинах Гомеля, Минска, Москвы, Ленинграда, Киева. Помощь оказывают БГУ, Академия наук БССР, МГУ, ЛГУ. За 1970 г. в библиотеку поступило 31 тыс. книг, 10 тыс. учебников. Для этого было выделено 16 тыс. рублей, а ранее выделялось 8–10 тысяч. В будущем планируется механизировать процесс описания литературы с помощью электрографического аппарата, который позволяет делать копии с листа. Машины, которые умеют читать, писать, слушать станут сердцем будущей электронной библиотеки» [7].

С целью обмена педагогическим опытом традиционными были в университете декады кафедр. В этот период преподаватели и сотрудники кафедры проводили различные мероприятия, демонстрировали свои достижения, проводили открытые лекции. В 1970/1971 учебном году открывала декады кафедра математического анализа (заведующий – доцент Ф.И. Шмидов). Итоги декады печатались на страницах газеты. Как отмечалось в статье, эта кафедра открыла год не случайно «50 процентов состава имеют учёную степень, проводят значительную научную работу. Много сделали в теории математики. Например, Фёдор Исакович Шмидов установил, что в основе функций существует порядок и гармония. Полезные элементы для науки и техники содержатся в работах Анисима Антоновича Ющенко, Василия Петровича Ставрова, Алексея Никифоровича Бекаревича. Общая успеваемость студентов по кафедре составляет 96,3 %. Преподаватели ведут общественную работу. Выступают с лекциями перед учителями, работают с одарёнными школьниками. Семь лет назад была создана юношеская математическая школа, более 100 её выпускников учатся в вузах. На кафедре выпускается математический бюллетень (уже вышло 26 номеров). Кафедра сотрудничает с 17 университетами и научно-исследовательскими институтами СССР» [8]. В статье о декаде кафедры теоретической физики (заведующий – доцент В.Г. Симонов) также рассказывалось о широких научных связях и научных достижениях сотрудников кафедры. Обращалось особое внимание на работу с одарённой молодёжью «студенты 4 курса Вл. Герилович, А. Годлевская, А. Рогачёв активно работают в кружке кафедры и представили работы на республиканский конкурс научных студенческих работ. С 1963 года работает школа юных физиков для учеников 9–10 классов. Из школ города выбирают самых одарённых и формируют класс, в котором учат физике преподаватели, дети также работают в лабораториях кафедры» [9].

Вузы традиционно являются не только учебными, но и научными центрами. В Гомельском государственном университете, как принято в мировой практике, учёные особое внимание уделяют фундаментальным исследованиям. Однако актуальность проводимых исследований определяется практической необходимостью разработки новых технологий, востребованных производством. В 1968 г. в Гомельском педагогическом институте начала действовать первая хоздоговорная тема «Исследование характеристик и свойств полимерных покрытий и плёнок оптическими и спектральными методами» по заказу ИММС АН БССР. Годовой объём составлял всего 2 223 рубля. Но уже спустя два года, в Гомельском государственном университете выполнялось десять хоздоговорных тем с годовым объёмом 23,6 тысяч рублей, однако часто в газете можно встретить критические материалы по такой деятельности. Например, проректор по научной работе А.А. Куденко отмечал, что есть много достижений в организации научно-исследовательской работы в университете, «группа учёных приступит к исполнению заказов службы бурового оборудования на предприятиях объединения «Белоруснефть» и машиностроительных заводов Гомельской области», но имеются «недостатки, выявленные группой народного контроля по качеству выполнения хоздоговорных тем».

Профессор А.Р. Кинзикеев утверждал, что не всегда имеется всё необходимое оборудование и возможность выполнить хоздоговорные темы. Так, кафедра общей геологии может освоить только 25 тыс. рублей, а нам дают в 3 раза больше» [3].

С первых лет существования вуза с целью подготовки квалифицированных специалистов, готовых решать насущные социально-экономические задачи страны, шли поиски путей сотрудничества с предприятиями, большое внимание уделялось связи обучения с производством. Декан биолого-почвенного факультета С.Ф. Алешко отмечал, что факультет активно налаживает связи с производством. Проведено совместное заседание сотрудников факультета с руководящими работниками областного управления сельского хозяйства и агрохимической службы, намечены конкретные темы для исполнения. «Однако надо больше развивать связь студентов с производством. В этом году мы будем организовывать практику в институте физиологии АН БССР, Довской станции по охране растений» [3].

Широко использовались различные формы сотрудничества преподавателей университета с педагогическими коллективами школ города и области. Оказывалась помощь отделам народного образования и школам в организации и проведении научно-практических конференций, педагогических чтений, проводились консультации по теоретическим вопросам отдельных дисциплин. Систематически организовывались публичные лекции и доклады для педагогической общественности и родителей учащихся по пропаганде естественнонаучных и специальных педагогических знаний. На страницах газеты «Гомельскі ўніверсітэт» печатались материалы о встречах студентов с лучшими учителями города, на которых они рассказывали о профессии учителя, делились опытом работы [10], [11]. Часто были отзывы преподавателей, студентов о прохождении педагогической практики. Иногда в газете встречались даже отзывы учителей. Учителя СШ № 26 г. Гомеля М. Ширинкина и М. Старченко высоко оценивали работу практикантов факультета физвоспитания: «студенты хорошо себя зарекомендовали, они проводили тренировки, строили спортивные площадки, отремонтировали инвентарь. Однако есть и недоработки. Студенты плохо умеют работать на уроках физкультуры с музыкальным сопровождением. Мало уделяется внимания музыкально-ритмической подготовке» [12]. Традиционно в университете отмечался и профессиональный праздник педагогов. Так, 10 октября 1970 г. в университете был проведён праздничный вечер, посвящённый Дню учителя. Выступали преподаватели, которые ранее работали учителями, выпускники вуза. Секретами педагогического мастерства поделился выпускник, учитель СШ № 34 С.И. Гинзбург. С призывом к студентам серьёзно готовиться к будущей работе обратилась выпускница Д.Б. Калач, которая «с большой искренностью рассказала о тех трудностях, с которыми её пришлось столкнуться в первый год работы в школе» [13].

В течение многих лет студенты-филологи выезжали под руководством преподавателей университета на производственно-ознакомительную практику в Польскую Народную Республику. Практика осуществлялась по безвалютному обмену, т. е. одновременно польские студенты проходили такую практику в нашем вузе. Обычно одна группа студентов-филологов (9–10 человек) была на практике в Ягеллонском университете г. Кракова, вторая группа (15–18 человек) – в Высшей педагогической школе. Традиционно студенты встречались с представителями ректоратов этих вузов, молодёжных студенческих организаций, с научными работниками. Студентам читался цикл лекций по истории Польской Народной Республики, её экономике и политическому устройству, по вопросам развития польской культуры и литературы, что способствовало расширению профессионального кругозора будущих специалистов филологов. Советские студенты знакомились с особенностями системы высшего образования ПНР, методами и приёмами преподавания русского языка в польской школе. Большое место во время практики отводилось занятиям по польскому языку. Также студенты ГГУ принимали участие в проведении практических занятий по русскому языку. Практика советских студентов в Польше носила не только производственно-учебный, но и воспитательный характер. Для них были организованы экскурсии по Кракову, Варшаве, по музеям и выставочным залам этих городов. Студенты посещали Освенцим, Силезию, Величку, Ойцув, Закопане. О первом таком студенческом обмене на страницах газеты «Гомельскі ўніверсітэт» представлял информация преподаватель кафедры русского и белорусского языка М.А. Приходько. Летом 1970 г. польские студенты посетили ГГУ. Доцент Г.С. Евдокименко познакомил их с важнейшими историческими событиями, происходившими в СССР. Доктор

филологических наук профессор П.П. Охрименко рассказал о взаимовлиянии русской, белорусской, украинской, польской литератур и о дружбе А.С. Пушкина с А. Мицкевичем, несколько лекций по современному русскому языку и литературе прочитали доценты В.И. Медведева и Н.В. Родченко. Польские студенты с удовольствием познакомились с белорусским языком на занятиях Л.В. Цеханович и белорусским фольклором, творчеством Я. Купалы и Я. Коласа на лекции доцента Н.А. Янковского. Многие члены польской делегации отметили, что им очень понравился белорусский язык и литература, и они будут изучать его в дальнейшем. Гости с удовольствием осмотрели достопримечательности Гомеля, для них были организованы поездки в Москву и Киев [14]. Более подробно М.А. Приходько рассказал о визите в Польшу студентов ГГУ. В статье были представлены фотографии на фоне посещённых достопримечательностей в Кракове и Варшаве и, содержался рассказ по истории Польши и Ягеллонского университета, его известных студентах (как Николай Коперник). Отдельная статья в газете рассказывала о практике гомельских студентов в польском университете, лекциях, встречах с преподавателями и студентами [15].

Значительное внимание на страницах газеты в советский период уделялось идеологической работе, освещалась деятельность партийной, комсомольской и профсоюзной организаций университета. Так, на протяжении осени 1970 – зимы 1971 г. коллектив вуза готовился к XXIV съезду КПСС, отмечал 50-летие ЛКСМБ и т. д. Комсомольцы университета взяли социалистические обязательства: «успешно сдать ленинский зачёт под девизом «Мы делу Ленина и партии верны»; повысить успехи в учёбе, добиваться сдачи общественных дисциплин на «хорошо» и «отлично»; улучшить работу школы молодого лектора, продолжать шефскую работу в сельских школах, обязать комсомольскую организацию факультета физического воспитания помочь школам в строительстве спортплощадок и приобретении спортивного инвентаря; улучшить работу студенческого научного товарищества, подготовить 50 работ на республиканский конкурс по общественно-научным проблемам; провести встречи со старыми коммунистами, делегатами съездов, лучшими людьми города и области, выступить перед ними с концертами; подготовить 600 человек для стройотрядов» [16]. Необходимость повышения идеологической работы обсуждали студенты на заседании исторического кружка. Студент Н. Романов писал, что перед кружковцами выступал Г.С. Евдокименко, который принимал участие в Международном конгрессе историков и отмечал, что «историки капиталистических и социалистических стран много спорили о современной истории. И наши студенты не должны стоять в стороне от этой борьбы и активно помогать партии нести в массы свет идей марксизма-ленинизма» [17]. В публикациях под рубрикой «Крош наперёд, комсомольское племя» студенты сообщали о своих успехах. Например, секретарь комитета комсомола историко-филологического факультета Н. Шабан рассказала, как факультет с последнего места по успеваемости поднялся на первое, а студент физического факультета Вл. Марусенко писал, что его группа сдаёт сессию без «неудов», «студенты осваивают электронно-вычислительные машины, работают в лабораториях заводов» [18].

Очень большое значение в советской системе образования от школы до вуза отводилось трудовому воспитанию, и эта деятельность традиционно широко освещалась на страницах газеты. В осенний период студенты оказывали помощь колхозникам в уборке урожая, постоянно организовывались субботники и воскресники. Так, 3 октября 1970 г. в связи с 50-летием выступления Ленина на 3 съезде комсомола ЦК ВЛКСМ объявил всесоюзный воскресник. Отчёт о работе студентов на воскреснике размещался на первой странице газеты. Комсомольцам ГГУ было поручено выкопать траншею для укладки кабеля по ул. Красноармейской и Катунина. Секретарь комитета комсомола университета И. Эсмантович сообщал, что «хорошо работали студенты биолого-почвенного, историко-филологического, геологического, физического факультетов, а лучше всех физкультурники. Безынициативными были студенты механико-математического, экономического факультетов. Они пришли, увидели, что лопат не хватает, и разбежались. Некоторые студенты, особенно 1 курса, показали себя «белоручками». Соглашалась с И. Эсмантовичем секретарь бюро физического факультета А. Годлевская, которая отмечала, что «отдельные комсомольцы с холодком отнеслись к работе на воскреснике». Студент С. Галуза писал, что будущие историки и филологи трудились «с весёлым настроением, шутками. С юношеским запалом работали студенты В. Коваль и К. Усович» [19].

Спортивные достижения постоянно освещались в газете, пропагандировался здоровый образ жизни. Молодой университет в 1970 г. был победителем по спортивно-массовой работе среди университетов страны. 33 студента факультета физвоспитания входили в сборную БССР, участвовавшей в спартакиаде народов СССР. С первого года деятельности в вузе проходила круглогодичная спартакиада, главной целью которой была «подготовка здоровых, всесторонне развитых специалистов, готовых к труду и защите Родины». Организационный комитет возглавлял ректор В.А. Белый, в него входили деканы всех факультетов и заведующие кафедр факультета физического воспитания. В программу входили соревнования по баскетболу, волейболу, спортивной гимнастике, лёгкой и тяжёлой атлетике, классической борьбе, конькобежному спорту, шахматам, плаванию, велоспорту, стрелковому спорту, фехтованию, туризму [20]. Итоги спартакиады подводились на общеуниверситетском спортивном вечере [21].

История Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины неразрывно связана с историей и культурой страны, деятельностью преподавателей, сотрудников, выпускников и студентов нашего вуза. При изучении данной темы большое значение имеют материалы газеты «Гомельскі ўніверсітэт», на страницах которой ярко представлена обычная повседневная жизнь вуза.

Литература

1. Старовойтов, М.И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины: Исторический очерк / М.И. Старовойтов, А.И. Зеленкова, М.П. Савинская ; М-во образования РБ. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – 359 с.
2. Зеленкова А.И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (1930–2015 годы) / А.И. Зеленкова, Н.Н. Мезга, М.П. Савинская ; редкол. : А.В. Рогачёв (гл. ред). [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 266 с.: ил.
3. Слова ўдзельнікам партыйнага сходу // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 31 кастрычніка. – С. 3.
4. Важны і ганаровы абавязак // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 31 кастрычніка. – С. 2.
5. Раманаў, П. Ні пуху, ні пер’я! / П. Раманаў // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 4.
6. Кузняцоў, В. Удасканалваць вучэбны працэс / В. Кузняцоў // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 4.
7. Addзел навуковай апрацоўкі фондаў // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 24 кастрычніка. – С. 4.
8. Сталі добрай традыцыяй // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 3.
9. Пспехаў Вам! // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 31 кастрычніка. – С. 1–2.
10. Пінскі, Р. З кагорты неспакойных / Р. Пінскі // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 3 кастрычніка. – С. 3.
11. Калач Е. Пішам гісторыю камсамола / Е. Калач, А. Шаюнова // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 1.
12. Шырынкіна, М. Будзе добрае папаўненне / М. Шырынкіна, М. Старчанка // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 4.
13. Дню настаўніка прысвечаны // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 10 кастрычніка. – С. 1.
14. Прыходзька, М. Нашы госці – польскія студэнты // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 10 кастрычніка. – С. 3.
15. Прыходзька, М. Цеплыня сяброўскіх сустрэч // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 17 кастрычніка. – С. 2–3 ; 24 кастрычніка. – С. 3.
16. Сацыялістычныя абавязацельствы камсамольскай арганізацыі ГДУ па дастойнай сустрэчы XXIV з’езда КПСС // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 3 кастрычніка. – С. 1.
17. Романов, Н. Цікавае выступленне // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 24 кастрычніка. – С. 2.
18. «Кроч наперад, камсамольскае племя» // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 24 кастрычніка. – С. 2.
19. Добра працавалі на нядзельніку // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 10 кастрычніка. – С. 1.
20. Палажэнне і праграма другой круглагадовай спартакіады ГДУ // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 10 кастрычніка. – С. 3.
21. Апошнія старты летняга сезону // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 31 кастрычніка. – С. 4 ; Вынікі падведзены // Гомельскі ўніверсітэт. – 1970. – 31 кастрычніка. – С. 4.

УДК 930 (470+571) : 327 (73)

Российская историография латиноамериканской политики США в постбиполярный период

А.П. КОСОВ

Рассматривается российская историография внешней политики США в отношении Латинской Америки в постбиполярный период. Данное направление внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов является недостаточно разработанным в русскоязычной литературе. Тем не менее, в ней насчитывается ряд публикаций, в которых рассматриваются концептуальные основы внешней политики США в латиноамериканском регионе. Особое внимание обращается на российские интерпретации ключевых изменений внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов в Латинской Америке под влиянием геополитических процессов, происходящих в современном мире.

Ключевые слова: российская историография, исследователи, внешняя политика, США, Латинская Америка.

The Russian historiography of the U.S. foreign policy toward Latin America in the post-bipolar period is considered in the article. This area of the U.S. foreign policy strategy is insufficiently developed in the Russian-speaking literature. Nevertheless, it has a number of publications which deal with the conceptual basis of the U.S. foreign policy in Latin America. Special attention is paid to the Russian interpretation of the key changes in the U.S. foreign policy strategy in Latin America under the influence of the geopolitical processes taking place in contemporary world.

Keywords: Russian historiography, researchers, foreign policy, United States, Latin America.

Несмотря на усиленный интерес политико-академического сообщества и общественности России к внешней политике США, российская историография латиноамериканской стратегии Вашингтона на сегодняшний день изучена в недостаточной степени. Во многом это объясняется появившемся в экспертных кругах тезисом о том, что Латинская Америка более не является одним из приоритетных направлений внешней политики США, что другие районы планеты, например, Европа, АТР, Ближний Восток, стали для Вашингтона стратегически более важными. Тем не менее, отдельные аспекты взаимоотношений двух Америк нашли свое отражение в ряде публикаций современных авторов и требуют осмысления.

Цель представленной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть российские интерпретации внешней политики США в Латинской Америке в постбиполярный период. Для этого необходимо раскрыть содержание основных публикаций, посвященных латиноамериканской политике Вашингтона, а также рассмотреть взгляды исследователей на проблемы межамериканского взаимодействия. Источниками для написания статьи послужили исследования российских авторов, посвященные тем или иным аспектам латиноамериканской стратегии Соединенных Штатов после окончания «холодной войны». В основном рассмотрены работы российских латиноамериканистов – Б.И. Гвоздарева, Б.Ф. Мартынова, З.И. Романовой, В.П. Сударева, И.К. Шереметьева, П.П. Яковлева, а также российских международных – К.Н. Брутенца, Д.В. Кузнецова, Г. Мирзояна, А.С. Шишкова и др.

Долгое время в мировом политико-академическом сообществе бытовало общепринятое мнение о том, что Латинская Америка – это «задний двор» Вашингтона. Кардинальным образом не поменялись оценки и в 1990-е гг. Справедливым является точка зрения Б.И. Гвоздарева из ИСКРАН о том, что в стратегическом плане США всегда рассматривали страны, лежащие к Югу от Рио-Гранде, как зону своих национальных интересов, «заповедное поле» и «прочный тыл» в Западном полушарии [1]. Российские специалисты сходятся во мнении, что в последнее десятилетие XX в. американское руководство в лице сначала республиканской, а затем демократической администраций всерьез рассчитывало на проведение в жизнь своих намерений относительно латиноамериканского региона. Как показывают публикации российских авторов, после окончания «холодной войны» начал меняться подход к оценке роли

ведущих латиноамериканских стран в глобальных планах Вашингтона. Они стали рассматриваться американцами как субъекты мировой политики и потенциальные партнеры по реализации стратегического курса, рассчитанного на консолидацию политического и утверждение экономического доминирования США в мире. Так, по словам заместителя директора ИЛА РАН В.П. Сударева, после окончания «холодной войны» роль ведущих латиноамериканских стран существенно возросла в продвижении инициатив Вашингтона, направленных на создание управляемого и во многом подконтрольного США постбиполярного миропорядка [2, с. 243], [3, с. 44]. В итоге межамериканские отношения стали характеризоваться большим динамизмом [3, с. 7]. Эксперт подчеркивает, что Вашингтон избрал стратегию включения латиноамериканского региона в глобальную политику в условиях, когда в мире по восходящей шли процессы формирования двух мощных мегаблоков – в Западной Европе и в АТР [4, с. 50]. В.П. Сударев указывает, что именно на латиноамериканском направлении администрация Буша-ст. добилась больших успехов [3, с. 53]. По его словам, пришедшая ей на смену администрация Клинтона, в силу безальтернативности очерченных еще при Дж. Буше-ст. основных направлений нового латиноамериканского курса, по существу, подхватила эстафету у республиканцев [2, с. 258].

Согласно Б.И. Гвоздареву, администрация Клинтона уделяла латиноамериканской политике значительное внимание, хотя она и не носила «доктринального характера», свойственного многим вашингтонским администрациям [1]. Автор утверждал, что ситуация в латиноамериканском регионе постоянно находилась в поле зрения Белого дома и госдепартамента [1]. При этом первые действия Б. Клинтона в отношении латиноамериканских стран были весьма осторожными и сводились к дистанцированию от наиболее жестких методов республиканцев и заявлениям о поддержке демократических правительств и институтов в Латинской Америке. При этом правое республиканское большинство в Конгрессе создавало немалые трудности для реализации внешнеполитических мероприятий администрации демократов. Тем не менее, при выработке латиноамериканского курса президент Б. Клинтон стремился к достижению двухпартийного консенсуса, который мог бы служить гарантией успеха в регионе. В целом же, по мнению Б.И. Гвоздарева, программа внешнеполитических действий демократов в Латинской Америке не носила четкого и жесткого характера, как у республиканских администраций [1]. Поэтому, как отмечает руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН П.П. Яковлев, в 1990-е гг. многим казалось, что латиноамериканский регион навсегда останется заложником неolibеральной теории и практики «вашингтонского консенсуса» [5].

Однако одновременно исследователи указывают на возникшие во взаимоотношениях двух Америк сложности. Так, В.П. Сударев подчеркивает, что администрация Клинтона выдвинула в качестве приоритетных задач Вашингтона в Латинской Америке принципы демократии и прав человека [3, с. 117]. Это не могло не вызвать осложнений в межамериканских отношениях. Довольно быстро различные подходы сторон к сотрудничеству породили серьезные разногласия между двумя Америками. В итоге их реального партнерства, не говоря уже о продвижении к «единой Америке», так и не возникло [1], [4, с. 51]. Так, К.Н. Брутенц, В.П. Сударев и др. подчеркивают, что усилия Вашингтона привлечь латиноамериканские государства к НАФТА ни к чему не привели. Более того, латиноамериканские государства стали создавать свои интеграционные структуры без участия США [2, с. 303], [6, с. 511]. Поэтому, по мнению российских исследователей (З.И. Романовой, В.П. Сударева), уже в 1990-е гг. важной задачей Вашингтона стало ослабление любыми средствами МЕРКОСУР в целях расширения своего экономического, а значит и политического, присутствия в Латинской Америке [7, с. 26], [8, с. 15]. Однако попытки Соединенных Штатов навязать латиноамериканским государствам свои правила жизнедеятельности к успеху не привели. По словам заместителя директора ИЛА РАН Б.Ф. Мартынова, вторая половина 1990-х гг. и начало XXI в. прошли под знаком растущего дистанцирования США и большинства государств Латинской Америки по многим важным вопросам современной политики [9, с. 14]. По его мнению, главной причиной латиноамериканской неудачи США стало падение привлекательности неolibеральных идей Вашингтона, уповавшего на безальтернативность мирового развития [10, с. 5]. С точки зрения российских исследователей, неудивительно, что латиноамериканские государства стали все реже поддерживать Соединенные Штаты и даже оппонировать им по ряду

внешнеполитических вопросов: например, бомбардировка Югославии, вторжение в Ирак, антикубинские санкции и т. д. [2, с. 305], [6, с. 514–515]. По словам благовещенского ученого Д.В. Кузнецова, война в Ираке даже стала своеобразным рубежом, после которого отношение латиноамериканцев к США резко ухудшилось [11, с. 27].

Анализ современных геополитических процессов в регионе позволил многим российским экспертам констатировать тот факт, что в XXI в. Соединенные Штаты потеряли Латинскую Америку [12, с. 236–253]. По их мнению, американская политика сама породила мощную реакцию отторжения и противодействия со стороны государств Латинской Америки. Исходя из этого, значительное количество российских исследователей оценивает латиноамериканскую политику Буша-мл. как провальную. Так, по мнению К.Н. Брутенца, М.Л. Чумаковой из ИЛА РАН и др., в годы президентства Буша-мл. влияние США в Латинской Америке ослабло по причине занятости Вашингтона Афганистаном и Ираком, а также из-за излишней самоуверенности американцев в прочности и неприкосновенности своих позиций в Западном полушарии [6, с. 524], [13, с. 54]. Согласно профессору МГИМО Е. М. Астахову, Латинская Америка уже давно не является зоной преобладающего влияния США. В определенной степени после окончания «холодной войны» данный регион потерял для Соединенных Штатов стратегическое значение, а после 11 сентября 2001 г. он вообще оказался на периферии их интересов [14, с. 34]. Старший научный сотрудник РИСИ А.С. Шишков также обращает внимание на то, что латиноамериканское направление уже долгие годы не является приоритетным для США. Хотя географическая близость, тесные экономические связи и ряд вызовов в сфере безопасности, исходящих из латиноамериканских стран, не позволяют США полностью игнорировать своих южных соседей [15, с. 44]. Однако подходы Вашингтона к ним во многом оказались неэффективными. По его мнению, просчет Соединенных Штатов состоял в американской убежденности в том, что демократизация и либерализация экономики стран Латинской Америки сделают их союзниками Вашингтона, однако данная идеологическая догма оказалась несостоятельной [15, с. 45]. В итоге, согласно К.Н. Брутенцу, «влияние и возможности США в Латинской Америке, при всем их политическом и экономическом превосходстве, ощутимо сократились» [6, с. 518]. Правда, Соединенные Штаты все еще остаются преобладающей геополитической силой в регионе, хотя и без возможностей былого господства [6, с. 521].

Однако другие исследователи видят ситуацию несколько иначе. С точки зрения В.П. Сударева, победа на президентских выборах 2000 г. Дж. Буша-мл. внесла существенные коррективы в латиноамериканскую политику США. Регион был провозглашен основным приоритетом Вашингтона в мировой политике. По его словам, даже события 11 сентября 2001 г. не слишком существенно снизили статус Латинской Америки во внешней политике Соединенных Штатов [3, сс. 93, 186].

С точки зрения К.Н. Брутенца, В.П. Сударева и др., стратегия первой администрации Буша-мл. была достаточно жесткой и односторонней, но часто имела эффект бумеранга. Ученые подчеркивают, что на отношения с Латинской Америкой Вашингтон во многом смотрел сквозь призму борьбы с международным терроризмом, применяя тактику продавливания своих интересов на мировой арене. Например, В.П. Сударев указывает на то, что в начале 2003 г. Чили и Мексика подвергались сильному нажиму со стороны Вашингтона с целью поддержать американскую позицию по Ираку [3, с. 76]. Однако, по словам экспертов, американцы натолкнулись на их отказ [5], [6, с. 524], [16, с. 81–82], [17, с. 110], [18]. Согласно В.П. Судареву, основную угрозу безопасности США, исходящую из Латинской Америки, Вашингтон видел в неспособности латиноамериканских правительств контролировать территории собственных стран. Поэтому главная задача США заключалась в помощи в установлении «эффективного суверенитета» над неуправляемыми территориями, что вызывало справедливое недовольство латиноамериканцев [8, с. 10]. Правда, с точки зрения К.Н. Брутенца, во второй срок своего президентства Дж. Буш-мл. стал проводить в отношении Латинской Америки более мягкую и примирительную политику [6, с. 524]. В.П. Сударев также указывает, что республиканская администрация, хоть и с опозданием, но все же попыталась предпринять меры к улучшению отношений со странами латиноамериканского региона. Хотя, во многом действия Вашингтона носили лишь демонстрационный характер [8, с. 16]. Это объясняется экспертом тем, что администрация Буша-мл. была не в силах что-то противопоста-

вить «левому повороту». Во-первых, потому что не знала как, а во-вторых – просто не в состоянии была одновременно реагировать сразу на несколько «горячих точек», возникших в зонах традиционного американского влияния [17, с. 110]. Согласно исследователю, действия Вашингтона по дестабилизации левых режимов, утвердившихся легитимным путем, вызвали бы волну антиамериканских настроений в регионе. По этой причине американцами была избрана тактика «малозаметного присутствия» в Латинской Америке. Более того, США пошли на компромиссы, которые несколькими годами ранее трудно было даже представить. Поэтому, с точки зрения В.П. Сударева, слишком наивно утверждать, что администрация Буша-мл. «потеряла» Латинскую Америку [8, с. 8], [13, с. 57–58]. Тем более что, победив на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2006 г., демократы фактически не предложили никаких альтернативных решений на латиноамериканском направлении [8, с. 4–5].

В последние годы в российской историографии появился целый ряд работ, в которых анализируется латиноамериканская стратегия Б. Обамы. Ярким примером может служить коллективная монография российских ученых «Латинская Америка в современной мировой политике», где первая глава целиком посвящена поискам Вашингтоном новой модели отношений между Соединенными Штатами и латиноамериканскими государствами [19]. Как отмечают исследователи, победа Б. Обамы на президентских выборах в 2008 г. вызвала в Латинской Америке, как, впрочем, и во всем мире, волну больших ожиданий. Так, Е.Н. Пашенцев и П.П. Яковлев указывали, что в целом образ нового президента США был положительно встречен основной частью латиноамериканцев. Даже такие непримиримые критики Вашингтона как У. Чавес и Ф. Кастро весьма положительно встретили первые заявления и шаги администрации Обамы в отношении Латинской Америки [18], [20, с. 85].

Ряд экспертов (Г. Мирзоян, В.П. Сударев, П.П. Яковлев и др.) подчеркивает, что при Б. Обаме США попытались адаптироваться к динамично меняющемуся политическому климату в латиноамериканском регионе [18], [21], [22]. Согласно российскому американисту Г. Мирзояну, главной задачей его администрации стала необходимость вновь поднять авторитет и престиж Соединенных Штатов в глазах латиноамериканцев [21]. П.П. Яковлев подчеркивает, что новую политику Вашингтона в Латинской Америке, смысл которой сводится к «равноправному сотрудничеству» и готовности к диалогу со всеми странами региона, включая наиболее давних и непримиримых оппонентов, Б. Обама провозгласил 17–19 апреля 2009 г. на пятом Саммите Америк в Тринидаде и Тобаго [18]. Одновременно исследователь указывает на ряд проблем, с которыми столкнулась его администрация в Латинской Америке. При этом на их решение у Вашингтона, застрявшего в Афганистане и Ираке и переживавшего острый финансово-экономический кризис, не было ни времени, ни сил. По его мнению, при всей сложности вопросов, накопившихся в межамериканских отношениях, они не выдерживали конкуренции с ситуацией на Большом Ближнем Востоке и в других регионах мира. Поэтому Латинская Америка не фигурировала в списке абсолютных приоритетов внешней политики Вашингтона. Но администрации Обамы была ясна необходимость корректировки латиноамериканской стратегии, чтобы освободиться от проблем, унаследованных от республиканцев, и нащупать пути возможного сотрудничества с южными соседями [18].

Рассматривая политику США в регионе, исследователи указывают на содействующие им факторы. Например, по словам В.П. Сударева, с одной стороны, несмотря на попытки «оживить» латиноамериканское направление (госсекретарь Х. Клинтон за два года совершила три турне по странам региона), оно распадалось на отдельные довольно разнородные сложные блоки двусторонних отношений [17, с. 111]. С другой стороны, отсутствие единой антиамериканской основы в Латинской Америке давало возможность американцам «точечными ударами» раскалывать до конца не сформировавшийся «единый антиамериканский фронт» и гасить напряженность в отношениях с отдельными государствами [17, с. 111]. К.Н. Брутенц подчеркивает, что после прихода в Белый дом Б. Обамы Соединенными Штатами был взят курс на развитие сотрудничества с Бразилией и Аргентиной, пропаганду демократического имиджа Америки и использование того и другого в качестве инструмента давления на радикальные режимы [6, с. 525].

По словам А.С. Шишкова, подход Вашингтона к Латинской Америке при новой администрации остался прежним, однако Б. Обама сделал больший акцент на принципах партнерства, взаимной ответственности и поиске компромиссов [15, с. 46–47]. Согласно ученому, в условиях относительного снижения влияния Соединенных Штатов в регионе администрация Обамы вынуждена проводить сложную, многовекторную политику по отношению к латиноамериканским странам. Поэтому между США и государствами Латинской Америки существуют как многочисленные противоречия, так и точки соприкосновения [15, с. 62]. Соглашаясь с такой оценкой латиноамериканской политики Обамы, П.П. Яковлев констатировал три момента. Во-первых, эксперт отметил, что принципиально новых идей для Латинской Америки у Вашингтона так и не нашлось. Во-вторых, США в межамериканских отношениях явно делают крен в сторону торгово-экономического взаимодействия, рассчитывая использовать ресурсы и рынки региона в глобальной конкуренции. В-третьих, в отношениях Соединенных Штатов с ведущими латиноамериканскими странами окончательно ушел в прошлое патернализм. По-видимому, курс этих стран на самостоятельную роль в мировых делах прошел точку невозврата, и отныне климат в межамериканских делах будет в решающей степени определяться не доминированием одной державы, а сопряжением национальных интересов различных государств. Поэтому, как свидетельствует П.П. Яковлев, в подходах к решению многих проблем между США и странами региона наблюдаются довольно устойчивые политические расхождения. Ведь сегодня ведущие латиноамериканские государства в диалоге с Соединенными Штатами интересуют беспрецедентно широкий круг вопросов, многие из которых выходят за рамки Западного полушария [18].

Одновременно авторы обращают внимание на имеющиеся сложности в межамериканских отношениях. Так, Е.Н. Пашенцев выделяет в качестве таковых факторы, связанные с политическим мышлением вашингтонской элиты. Он пишет, что вскоре после всплеска надежды на перемены в связи с приходом Б. Обамы в Латинской Америке наступило очередное разочарование. По мнению ученого, причины этого кроются в бюрократическом синдроме и недостатке стратегического мышления представителей американской администрации [20, с. 110]. С этим соглашаются и другие исследователи. По мнению К.Н. Брутенца, при несомненных изменениях американской политики в Латинской Америке в сторону большего акцента на так называемую мягкую силу основное ее содержание осталось в основном не затронутым. А ведь именно оно источник противостояния стран Латинской Америки и Соединенных Штатов. В результате популярность Б. Обамы пошла на спад в регионе, а антиамериканизм получил новый стимул [6, с. 527]. А.С. Шишков пишет о том, что анализируя политику США в Латинской Америке, важно учитывать неоднородность американского истеблишмента и различия в подходах, существующие между различными ведомствами, организациями и ветвями власти. Согласно эксперту, в целом Б. Обама и его советники по Латинской Америке из СНБ и госдепартамента выступают за политику партнерства и поиска компромиссов, в том числе и с неудобными для Вашингтона режимами. Однако в США активно действуют силы, нацеленные на конфронтацию – к которым, в частности, ученый относит некоторых влиятельных конгрессменов [15, с. 45].

Многие исследователи (К.Н. Брутенц, Я.В. Лексютина, Б.Ф. Мартынов, В.П. Сударев, А.С. Шишков, П.П. Яковлев и др.) обращают внимание на факт изменившейся геополитической ситуации в регионе, называя следующие факторы: провал неолиберальной модели развития, навязываемой латиноамериканским странам; стремительный рост экономического потенциала латиноамериканских государств, позволивший им проводить более независимую политику; возрастающее влияние в Латинской Америке внерегиональных игроков [6, с. 507–543], [15], [18], [23]–[28].

Эксперты указывают, что трансформационные процессы способствуют реанимации старых и возникновению новых конфликтных ситуаций с участием США, латиноамериканских государств и других держав в этом районе мира. Так, если в 1990-е гг. Соединенные Штаты столкнулись в Латинской Америке с заметной конкуренцией со стороны ЕС и Японии [1], [29], то в 2000-е гг. одним из ведущих игроков в регионе стал Китай. Как подчеркивает К.Н. Брутенц, проникновение КНР в Латинскую Америку стало вызовом доктрине Монро, ко-

торая до сих пор остается стержнем внешнеполитического курса Вашингтона в Латинской Америке [30, с. 310]. В таких условиях США пытаются извлечь максимум из возможного. Например, как отмечают отдельные исследователи (К.Н. Брутенц, А.С. Шишков), с одной стороны, большое значение в Вашингтоне придают партнерству со странами Латинской Америки в рамках проекта Транстихоокеанского партнерства, поскольку США видят именно себя центральным звеном в процессе развития экономических связей между динамично развивающимися Латинской Америкой и Азией [6, с. 526], [15, с. 50]. А, с другой стороны, К.Н. Брутенц напоминает, что помимо экономических инструментов воздействия на Латинскую Америку в американском арсенале сохраняются и военные рычаги – Южное командование вооруженных сил США остается самой мощной группировкой в Западном полушарии [6, с. 526].

Таким образом, российские исследователи оценивают латиноамериканскую политику США после окончания «холодной войны» неоднозначно. Практически все эксперты сходятся во мнении, что, если в 1990-е гг. Вашингтону на латиноамериканском направлении сопутствовал относительный успех, то в 2000-е гг. начались проблемы, позволившие многим авторам даже заявить о «потере» Соединенными Штатами Латинской Америки. Правда, другие ученые с такой оценкой не согласны. При этом все исследователи, с одной стороны, отмечают в XXI в. усиление геополитических позиций региона в мировой политике, а, с другой – проникновение в регион новых игроков, осложнивших здесь положение Вашингтона.

Литература

1. Гвоздарев, Б.И. Интеграционные процессы в западном полушарии на современном этапе: позиция США, латиноамериканский аспект и интересы Российской Федерации [Электронный ресурс] : научный доклад / Б.И. Гвоздарев // Институт США и Канады РАН. – 1998. – Режим доступа : <http://www.iskran.ru/russ/works98/gvosdarev.html>. – Дата доступа : 11.11.2015.
2. Сударев, В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка (вторая половина XX века) / В.П. Сударев. – М. : ИЛА РАН, 2000. – 357 с.
3. Сударев, В.П. Две Америки после окончания «холодной войны» / В.П. Сударев. – М. : Наука, 2004. – 205 с.
4. Сударев, В.П. «Борьба» маршрутов / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2006. – № 5. – С. 49–65.
5. Яковлев, П.П. Геополитические сдвиги в Латинской Америке [Электронный ресурс] / П.П. Яковлев // Перспективы. – 2013. – 3 мая. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/table/geopoliticheskiye_sdvigi_v_latinskoj_amerike_2013-05-03.htm. – Дата доступа : 05.11.2015.
6. Брутенц, К.Н. Великая геополитическая революция / К.Н. Брутенц. – М. : Международные отношения, 2014. – 688 с.
7. Романова, З.И. США и Латинская Америка: взаимодействие или противостояние? / З.И. Романова // Латинская Америка. – 2006. – № 3. – С. 21–38.
8. Сударев, В.П. США и «левый поворот» в Латинской Америке / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2007. – № 5. – С. 4–17.
9. Мартынов, Б.Ф. Латинская Америка на цивилизационном подъеме / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2006. – № 1. – С. 11–18.
10. Мартынов, Б.Ф. БРИК и деградирующий миропорядок / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2008. – № 5. – С. 4–20.
11. Кузнецов, Д.В. Латиноамериканцы и США: взгляд сквозь призму опросов общественного мнения / Д.В. Кузнецов // Латинская Америка. – 2008. – № 5. – С. 25–36.
12. Сударев, В.П. Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX – начало XXI вв.) : учеб. пособие для вузов / В.П. Сударев. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – 314 с.
13. Международная жизнь Латинской Америки сегодня // Латинская Америка. – 2008. – № 11. – С. 54–81.
14. Астахов, Е.М. Перспективы развития Латинской Америки и ее место в будущем мироустройстве / Е.М. Астахов // Латинская Америка. – 2009. – № 7. – С. 32–37.
15. Шишков, А.С. Политика администрации Б. Обамы в Латинской Америке / А.С. Шишков // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С. 44–65.
16. Жирнов, О.А. Новое издание панамериканизма: Латиноамериканская политика Дж. Буша / О.А. Жирнов, И.К. Шереметьев. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – 132 с.
17. Сударев, В. Тренд неопределенности в Западном полушарии / В. Сударев // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 3 – С. 110–117.

18. Яковлев, П.П. Латиноамериканская политика Б. Обамы (по итогам поездки в Бразилию, Чили и Сальвадор) [Электронный ресурс] / П.П. Яковлев // Перспективы. – 2011. – 28 марта. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/latinoamerikanskaja_politika_b_obamy_po_itogam_pojezdki_v_braziliju_chili_i_salvador_2011-03-28.htm. – Дата доступа : 07.11.2015.
19. Латинская Америка в современной мировой политике / Б.Ф. Мартынов, В.П. Сударев, Л.Я. Нутенко ; отв. ред. В.М. Давыдов. – М. : Наука, 2009. – 581 с.
20. Пашенцев, Е.Н. Стратегическая коммуникация США в Латинской Америке [Электронный ресурс] / Е.Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – Вып. 38. – Режим доступа : http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk_38_ijun_2013_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf. – Дата доступа : 21.10.2015.
21. Мирзоян, Г. Обама возвращается домой [Электронный ресурс] / Г. Мирзоян // Эксперт Online. – 2009. – 20 апреля. – Режим доступа : <http://expert.ru/2009/04/20/obama/>. – Дата доступа : 05.11.2015.
22. Сударев, В.П. США после выборов: перспективы нового латиноамериканского курса / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2009. – № 7. – С. 39–47.
23. Лексютина, Я.В. Закат доминирования США в Латинской Америке? / Я.В. Лексютина // Латинская Америка. – 2014. – № 11. – С. 4–11.
24. Мартынов, Б.Ф. Дилемма «многополярного мира» и Латинская Америка / Б.Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2009. – № 10. – С. 4–25.
25. Сударев, В.П. В поисках ответов на новые геополитические вызовы / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2014. – № 3. – С. 4–12.
26. Сударев, В.П. Иран и Латинская Америка / В.П. Сударев, А.В. Харламенко, А.Д. Щербакова // Латинская Америка. – 2012. – № 11. – С. 41–53.
27. Сударев, В.П. Латинская Америка в новом геополитическом измерении / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2011. – № 5. – С. 5–17.
28. Сударев, В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – ЕС / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2015. – № 4. – С. 3–14.
29. Ключковский, Л.Л. Экономический гегемонизм США и Латинская Америка [Электронный ресурс] / Л.Л. Ключковский // Латинская Америка. – 2005. – № 11. – Режим доступа : <http://www.ilaran.ru/?n=264>. – Дата доступа : 25.05.2010.
30. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М. : Международные отношения, 2009. – 512 с.

УДК 903.4(470):902.2) 476.2)

Древнерусские становища в археологических памятниках Гомельского Поднепровья

О.А. МАКУШНИКОВ

Рассматривается малоизученная категория историко-археологических памятников эпохи Древней Руси, которая представлена в Гомельском Поднепровье становищами X–XI вв. Они выявлены в окрестностях городов, упомянутых летописями (Брагина, Речицы, Рогачева) и предполагаемого города (Лоева). Памятники характеризуются материальной культурой «дружинного» типа, а население – этническим отличием по отношению к местным радимичам и дреговичам.

Ключевые слова: археология, курган, Русь, становище, радимичи, дреговичи.

An understudied category of historical and archaeological monuments of the period of Ancient Rus is described. This category is represented in Gomel Dnieper Region by camps of the 10th–11th centuries. The camps were discovered in the vicinity of the towns mentioned in the chronicle (Bragin, Rechitsa, Rogachyov) and the hypothetic town (Loyev). The monuments are characterized by the material culture of a «druzhina» type. And the population of the camps is marked by ethnic distinction with respect to the local inhabitants – the Radimichi and the Dregovichs.

Keywords: archaeology, burial mound, Rus, camp, Dregovichs, Radimichi.

Во второй половине X в. на Руси в основном завершается процесс ликвидации большей части «племенных» восточнославянских автономий. Радимичи и дреговичи – коренное население Гомельского Поднепровья – разделили общеисторическую участь своих соседей – древлян, северян, кривичей и пр.

Дата падения княжения радимичей, живших в Посожье и сопредельных районах поречья Днепра, – 984 г. Тогда войска великого киевского князя Владимира Святославича под водительством Волчьего Хвоста разгромили отряды радимичей на берегах р. Песчаны [1, с. 59]. Со времени этого события земля радимичей оказывается в плотном кругу геополитических и экономических интересов наследников Владимира Святославича по собственно киевским, черниговским и смоленским ветвям династии Рюриковичей.

Точное время ликвидации автономии дреговичей в письменных источниках не указано. Но в середине X в. они еще сохраняют самостоятельность, выступая данниками Руси. Об этом сообщает в соответствующем разделе историко-политического трактата «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный [2, с. 75]. По мнению известного исследователя истории и археологии средневекового населения Белорусского Полесья П.Ф. Лысенко, ликвидация дреговичьего княжения, скорее всего, произошла незадолго до утверждения Владимиром Туровского княжеского стола около 988 г. [3, с. 118–120].

Беря в свои руки прежние «племенные» центры (Гомий, Чичерск-Чечерск, вероятно, Лоев и др.), Владимир разворачивает в Гомельском Поднепровье (как и в иных регионах крупнейшего государства) широкую градостроительную политику. Последняя шла в русле всестороннего укрепления державы как в экономическом, военно-оборонительном, так и в иных направлениях. В городах размещаются княжеская администрация, духовенство и воинские гарнизоны великого князя.

Однако цель закрепления регионов Руси в составе единого политического, экономического, духовно-культурного и фискального пространства была поставлена еще задолго до правления Владимира – во времена княгини Ольги и ее малолетнего сына Святослава. Для противостояния «племенам» или полного устранения проявлений местного сепаратизма, создания системы нормированного сбора налогов, осуществления государственного контроля над важнейшими торгово-экономическими и военно-транспортными путями верховная власть учреждает свои опорные пункты на местах. Их история начинается около 945–947 гг., когда они были созданы в Древлянской земле, по Днепру, в Новгородской земле и по Десне.

Это произошло сразу после разгрома антикиевского древлянского восстания. Повесть Временных Лет сообщает: «Иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки, [и] суть становища ее и ловища. Иде Вольга Новугороду и уставы по Мсте повосты и по Лузе оброки и дани; [и] ловища ея суть по всей земли, знаменья, и места, и повосты, и сани ее стоят в Плескове до сего днѣ, и по Днепру перевесища и по Десне ...» [1, с. 29]. Комментариям и исторической оценке событий, описанных летописцем и часто именуемых «реформами княгини Ольги», посвящена огромная историография, которая наиболее полно освещена в специальной работе И.Я. Фроянова [4, с. 394–406, 412–421]. Основной вывод исследователей, не рассматривая дискуссионные моменты, можно свести к следующему.

Реформы Ольги пошатнули (а в ряде регионов – свели на нет) устои местной «племенной» власти, заложили основы нового административно-территориального устройства растущего государства, ускорили его торгово-экономическое развитие, заметно упорядочили фискальную политику. Определение мест расположения летописных погостов (повостов) – интересная задача, которую должна решать археология. В понимании автора статьи погосты – это постоянные центры государственной власти, которые выполняли разнообразные функции, в первую очередь, военно-полицейские, административно-управленческие, торгово-экономические и фискальные. Искать такие центры следует в узловых географических точках, которые позволяли осуществлять должный контроль над определенными территориями и стратегическими путями военного и торгово-экономического значения. Изначально погосты должны были быть местами пребывания княжеских вооруженных отрядов, чиновников, также их окружения в составе слуг, ремесленников, земледельцев, скотоводов и промысловиков (последние обслуживали охотничьи и рыболовные угодья – ловища и перевесища). Население погостов должно было отличаться этнической пестротой, поскольку в ближайшее знатное окружение древнерусских князей входили выходцы из Северной Европы и со всех уголков Руси, в т. ч. «разноплеменные» славяне, финны, балты и кочевники. Кроме того, в них могли размещаться интернациональные по составу наемные отряды. Поскольку одной из функций погостов был силовой контроль над местным населением с его «племенной» знатью, в них могли действовать определенные ограничения на личные, в т. ч. брачные связи жителей этих лагерей и аборигенного населения.

Остатки погостов ищут археологи России, Украины и Беларуси. Можно привести в качестве успешного опыта таких поисков результаты исследований Ю.А. Зайца, обосновавшего наличие погоста в современном Заславле (летописном Изяславле) [5, с. 106–118]. Примером погоста в Гомельском Поднепровье является Моховский археологический комплекс, расположенный на правом берегу Днепра севернее Лоева. С 2003 г. он исследуется экспедицией ГГУ им. Ф. Скорины, которая выявила остатки крупнейшего на территории Юго-Восточной Беларуси многофункционального военизированного поселения (городище, собственно поселение, гавань, курганный могильник), расцвет которого приходится на время правления Ольги и ее приемников, вплоть до Ярослава Мудрого, т. е. на вторую половину X – середину XI в. [6, с. 78–95].

В цитированном выше отрывке ПВЛ наряду с погостами упомянуты становища. Определенной ясности об их исторической сущности на страницах летописи нет, но их функциональная связь с погостами очевидна. Учитывая то, что становища названы после погостов, логично предположить, что в иерархии создаваемых государством опорных пунктов они были образованиями низового ранга. Этимология слова «становище» (место стояния, пристанище, лагерь) может подсказать возможный путь поиска археологических памятников им соответствующих. Следует предположить, что становища дополняли выполнение основных функций погостов, но на микрорегиональном уровне. Соответственно, их размеры были меньшими, вероятно, как меньшей была и степень их защищенности. Главной их задачей было расширение возможностей охраны и эксплуатации в финансово-экономических интересах относительно малопротяженных приречных и водораздельных сухопутных участков дорог, особенно, на подступах к городам или погостам. Они должны давать археологический материал, выпадающий из контекста традиционной культуры местного населения и более всего отражаемый в погребальных комплексах.

Картографирование в Гомельском Поднепровье специфических раннесредневековых подкурганых захоронений с предметами вооружения и воинского быта, неординарным погребальным обрядом позволяет обозначить цепочку таких памятников, протянувшуюся между летописными Брягином и Речицей через предполагаемый древнерусский Лоев, а также указать на такой памятник под Рогачевом. Предлагаемая хронология становищ определяется состоянием источниковой базы в рамках X–XI вв.

Сеть становищ у Брагина и Лоева картографируется благодаря раскопкам выдающегося исследователя белорусских средневековых древностей, профессора Владимира Зеноновича Завитневича, выполненных им во время «второй археологической экскурсии» в Припятское Полесье (1890 г.) [7, с. 16–17], а один памятник (Лоевский могильник Грегорово Поле) – и с привлечением нового археологического материала.

Погребальные памятники радимичей и дреговичей, проживавших на порубежье их «племенных» территорий, как известно, отличаются господством подкурганых захоронений с обрядом трупоположения на горизонте (ранние) и в яме (поздние), резким преобладанием западной ориентировки умерших, общевосточнославянским набором вещевого инвентаря. Женские могилы выявляют этнографическую специфику погребального убора радимичанок и дреговичанок, который в качестве одного из характерных элементов предполагал особые разновидности металлических украшений – семилучевых височных колец в первом случае и крупнозерненных бус на проволоочном каркасе (нередко в составе височного украшения) – во втором. Расцвет моды на такие предметы падает на конец X – первую половину XII вв. [8, с. 113–119, 151–157]. В хорошо изученных могильниках они встречаются регулярно, нередко – десятками экземпляров.

В окрестностях Лоева и Мохова мы наблюдаем памятники, явно выделяющиеся на фоне местной сельской культуры. Таковые отмечены у дд. Колпень и Сенское, а также между Лоевом и Моховом (ур. Грегорово Поле). Колпень находится в 7–8-ми км к западу от Лоевского городища на развилке старых дорог из Колпени в Лоев и Мохов. На разрушенном могильнике, в котором В.З. Завитневич исследовал 18 курганов с ингумациями на горизонте, местные жители собрали много предметов, в т. ч. железные топор и 2 наконечника копий. При раскопках найдены остатки воинского пояса (бронзовые бляшки), а также керамика и пр. В.З. Завитневич заметил, что «Колпенский могильник, со стороны погребального обряда, представляет явление, совершенно аналогичное с Моховским могильником», но без кремаций [7, с. 16–17]. Итак, в Колпени есть воинские погребения на фоне отсутствия этноопределяющих украшений местного населения. Распаханный могильник у д. Сенское (Синск, ур. Козлово Курганье) в позапрошлом столетии еще насчитывал до 25 насыпей. Он располагался в 12–13-ти км юго-западнее Лоевского городища по старой дороге в Брагин. В.З. Завитневич раскопал здесь 9 курганов, в которых (явно не случайно) встречены только кремации [7, с. 17–18]. На крестьянских могильниках радимичей и дреговичей такая картина нигде не фиксируется.

Достаточно необычная ситуация наблюдается на памятниках в ур. Грегорово Поле. Во время обследования В.З. Завитневича здесь было замечено свыше 70-ти курганов. Проведя раскопки 15-ти из них, исследователь с удивлением отметил, что 2 кургана были «пустые», т. е. не содержали погребений и каких-либо вещей, а в остальных – были костяки, положенные на первоначальный почвенный слой с очень скромным и немногочисленным инвентарем [3, рис. 26: 7, 17, 41, 45, 46, 49], [7, с. 12–13]. Дополнительные раскопки, предпринятые в Грегоровом Поле археологическим отрядом Гомельского дворцово-паркового ансамбля под руководством Д.Н. Линденкова (2014–2015 гг.), несколько уточнили, но существенно не изменили картину (автор публикации признателен исследователю за устную информацию о данных раскопках). Из двух вновь изученных курганов один не содержал погребения (служил кенотафом?), но имел предметы, характерные для захоронений – железный нож на древней поверхности и горшок в насыпи, второй – содержал погребение мужчины с бронзовой лировидной пряжкой, железным ножом и разбитым горшком, а также захоронение ребенка. Раскопки и обследования Д.Н. Линденкова в непосредственной близости от курганов выявили остатки крупного (несколько га) древнерусского поселения. Вызывает вопрос то, что при значительной толщине культурного слоя, чрезвычайно интенсивной его насыщенности круп-

ными обломками круговой керамики здесь выявлены лишь единичные т. н. «индивидуальные» находки. Основной период функционирования памятника относится ко второй половине X – середине XI вв. Такая хронология основывается на том, что керамика Грегорова Поля и хорошо датированного Мохова идентична как по профилировке, пропорциям, орнаментации, так и по технологии изготовления.

Сходная картина расположения «нетипичных» могильников X–XI вв. прослеживается и южнее, возле Брагина. В.З. Завитневич и здесь открыл предметы древнерусского вооружения и воинского быта. Приведенные в его публикации фотоснимки пяти топоров показывают, что в курганах присутствовали исключительно боевые или же универсальные топоры [7, рис. на с. 73: 1–5]. Специализированные рабочие топоры в могилы не помещали. В 4–5 км от Брагина у д. Малейки по старой дороге на Лоев в конце XIX в. находились остатки двух сильно распаханых могильников. Раскопки в ур. Курганье (6 насыпей) дали интересный и неожиданный результат: в каждом кургане отмечены признаки вертикально вкопанных деревянных столбов, поднимавшихся, по заключению автора раскопок, на поверхности насыпей. В основании малейковских курганов – ритуальные зольно-угольные горизонты. Только один курган содержал в этом слое кремированные кости, остальные – оказались без останков умерших, т. е. могли быть меморативными насыпями-кенотафами, сооруженными в память о погибших на чужбине (надо полагать, воинов). В могильнике, расположенном в ур. Горки Под Котловицами в 1 версте от первого, раскопан 1 курган. На подошве – аналогичный зольно-угольный слой без останков, на котором лежал топор [7, с. 18–20]. Особенность погребального ритуала Малеек – обряд захоронения и наличие топора.

В 8–10-ти км к северо-западу от Брагина находится д. Микуличи. В конце XIX в. в ур. Горки Возле Микуличского Двора имелись остатки крупного курганного могильника (от распахки тогда сохранялось до 60-ти насыпей). В.З. Завитневич исследовал 13 курганов. В десяти из них были открыты ингумации в ямах необычно крупных размеров, названных автором раскопок земляными «склепами». Есть основания предположить, что речь идет о т. н. камерных гробницах, характерных для военно-дружинного сословия Руси X–XI вв. Есть еще одна особенность микуличских могил: их земляные стенки обмазаны известью или обложены березовой корой. В четырех курганах найдено по одному железному топору и «засапожный» нож, представляющий разновидность универсальных – боевых и охотничьих. Прочие находки из Микуличей также связаны с дружинными традициями. Это редкие в археологическом материале конские удила с мундштуком, небольшие весы и весовая гирька с рисунком, костяные рукоятка, части накладок на лук, пуговицы и др. Сразу в нескольких (!) курганах оказались остатки деревянных ведер, причем в одном случае ведро было украшено серебряными бляшками. Ведра в славянском погребальном ритуале могли предназначаться для оставления покойному напитков, например, «хмельного меда» и явно указывают на достаточно высокое социально-имущественное положение усопшего и его ближайшего окружения. И обряд, и вещевой комплекс Микуличского могильника демонстрируют его неординарный характер. Этот памятник явно не имеет общего с крестьянской культурой. Следует заметить, что совсем рядом с Микуличами в могильнике у д. Пожарки (скорее всего, оставленном местным населением) выявлено проволоочное височное кольцо с крупнозернеными бусами дреговичского типа [3, рис. 26: 18].

Таким образом, на подступах к Брягину имелись как обычные поселения сельчан-дреговичей, так и становища с иным населением, контролировавшим дороги. Слабая изученность археологических памятников Брягина не позволяет убедительно говорить о его существовании в качестве города уже в X в., но материал этого времени получен в ходе разведочных раскопок М.А. Ткачева 1977 г. [3, с. 17].

Изыскания В.З. Завитневича на правом берегу Днепра близ Речицы также выявили наличие памятников, которые могут быть причислены к кладбищам становищ. В этом плане следует обратить внимание на курганные могильники у дд. Казазаевка и Холмечь Речицкого р-на. Близ Казазаевки, расположенной в 4–5-ти км от Речицкого городища по старой дороге на Лоев, в конце позапрошлого века отмечалось не менее четырех могильников, тогда уже

распаханных и насчитывавших ранее значительно большее количество насыпей. В четверти версты от дер. в могильнике (ур. Дивий Луг, над озером Вышняя Речка) располагался курган гигантских размеров (около 107 м в окружности). Из-за этого, наверное, он даже имел у местного населения собственное название – Волотова или Олотова могила. В.З. Завитневич не сумел его исследовать из-за того, что могила была разграблена кладоискателями. Интересно заметить, что в соседнем кургане, правда, обычных размеров, крестьяне нашли железный топор [7, с. 42]. В коллекции В.З. Завитневича, изученной П.Ф. Лысенко, отмечена находка трехбусинного кольца дреговичского типа, но в каком именно из четырех могильников она была найдена, сказать сложно [3, табл. 8].

Вблизи д. Холмечь, которая находится в 28–30 км юго-восточнее Речицы, в т. н. «Дубовицкой группе» по прибрежной дороге на Лоев насчитывалось 113 курганов. В.З. Завитневич раскопал 13 насыпей. В одном кургане открыто сожжение на горизонте, в двух – груды костей животных, в остальных – ингумации на горизонте. В двух курганах выявлены железные топоры. Самые необычные и более нигде в регионе Верхнего Поднепровья не встреченные находки – чаши из местной черепахи (в двух курганах три экземпляра) и из человеческого черепа (в одном захоронении) [7, с. 28–32]. Обычай изготовления подобных чаш, особенно, из человеческих черепов, не имеет местных корней. Он, несомненно, ведет свое происхождение из элитной воинской кочевнической среды. В этом плане следует вспомнить хрестоматийное сообщение древнерусской летописи, которая свидетельствует, что из черепа убитого в 972 г. великого киевского князя Святослава печенегі изготовили питьевую чашу. По-видимому, близ Холмеча были погребены выходцы из кочевнических областей. Сюда они могли попасть в составе интернациональных вооруженных отрядов великих князей или наемников. Следует отметить, что в Холмече В.З. Завитневич обнаружил и височное кольцо с дреговичскими бусами [3, табл. 8], но в каком именно могильнике (Дубовицком или отдельно стоящем Заужельском ?) оно было найдено, без изучения дневниковых записей сказать трудно. Расположение на подступах к Речице становищ в основном повторяет картину, которая наблюдается у Брагина и Лоева: особенности обряда могильников, находки предметов воинского быта, отсутствие этноопределяющих предметов местного населения (при двух спорных случаях).

Вблизи «летописного» Рогачева, примерно в 16–18-ти км к востоку от исторического центра современного города, можно предполагать наличие еще одного становища X–XI вв. Оно располагалось в 400 м к югу от Гадиловичей по старой дороге на Городец в ур. Якимово. В конце XIX в. здесь имелось не менее 90 курганных насыпей. В раскопках белорусского археолога А.Н. Лявданского (1930 г.) и московской экспедиции Г.Ф. Соловьевой (5 насыпей, 1963 г.) исследованы только ингумации на выжженном горизонте, причем все они принадлежат мужчинам. В инвентаре изученных Г.Ф. Соловьевой захоронений присутствуют совершенно не характерные для погребений крестьян металлические поясные накладки гнездовского типа от воинских поясов (курган 3), деревянное ведро (курган 4) и редкая костяная расческа в футляре (курган 4). Памятник отнесен исследовательницей к концу X – началу XI вв. [9, с. 9–10]. Г.Ф. Соловьева обратила внимание на отсутствие в могильнике женских захоронений и на необычный состав погребального инвентаря. Она пришла к выводу о том, что здесь «отдельно, видимо, хоронила своих умерших ... дружина (или сторожевой отряд) Рогачева ...» [10, с. 53]. Интересно, что в соседнем могильнике, расположенном у Гадиловичей на берегу Днепра, раскопками Г.Ф. Соловьевой (1964–65 гг.), А.Н. Плавинского и В.Н. Рябцевича (1981 г.) выявлены типично радимичские погребения, в т. ч. с характерными семилучевыми височными кольцами [10, с. 50–53], [11, с. 209–210].

Таким образом, становища летописи могут отождествляться с особой категорией памятников, присущих Гомельскому Поднепровью периода закрепления радимичских и дреговичских земель в составе Руси. В настоящее время они выделяются на основе особенностей подкурганных погребальных комплексов, поскольку места размещения самих становищ только начинают изучаться.

Для становищ Гомельского Поднепровья характерны: 1) расположение на стратегических участках дорог, ведущих к городам либо предполагаемым поселениям городского типа; 2) крупные (по сравнению с крестьянскими) кладбища; 3) специфические, разнообразные об-

ряды захоронений, нередко с заметным процентом «пустых» (меморативных) могил-кенотафов; 4) присутствие в курганных могильниках предметов вооружения (наконечников копий, боевых и универсальных топоров, охотничье-боевых ножей, частей луков); 5) преимущественно неместный и пестрый по происхождению состав населения гарнизонов. К дополнительному признаку можно отнести наличие при погребенных предметов воинского быта и элитной дружинной культуры (деревянных ведер, в т. ч. украшенных металлическими бляшками, удил, питейных чаш из черепашек и черепа человека).

К середине XI в. становища, как и тесно связанные с ними функционально погосты (в Гомельском Поднепровье это показывают исследования Моховского комплекса), выполнили свои задачи в процессе государственного строительства и сошли с исторической сцены. По мере развития феодальных отношений их функции перемещались в города, замки, владельческие села или продолжавшие развиваться на их местах рядовые деревни-веси.

Литература

1. Повесть временных лет / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 404 с.
2. Багрянородный, К. О фемах. О народах / К. Багрянородный ; пер. Г. Ласкина. – М. : Типогр. Московск. ун-та, 1899. – 263 с.
3. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко ; под ред. В.В. Седова. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.
4. Фроянов, И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 512 с.
5. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц ; ред. Г.В. Штыхов. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.
6. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.
7. Завитневич, В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–74.
8. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов ; отв. ред. Б.А. Рыбаков // Археология СССР. – М. : Наука, 1982. – 328 с.
9. Соловьева, Г.Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1963 г. / Г.Ф. Соловьева // Центральный научный архив НАН Беларуси. – Фонд археологической научной документации. – Оп. 1. – Д. № 226. – 30 с.
10. Соловьева, Г.Ф. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. / Г.Ф. Соловьева // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1972. – Вып. 129. – С. 50–53.
11. Плавінскі, А.М. Гадзілавічы / А.М. Плавінскі // Археалогія Беларусі. Энцыкл. : у 2-х т. – Мінск : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Том 1. А–К. – С. 209–210.

Управления по делам земского хозяйства на территории белорусских губерний: функции, структура, состав (1903–1911 гг.)

Н.С. МОТОВА

Рассматривается проблема формирования и деятельности управлений по делам земского хозяйства. Данные учреждения были созданы на территории белорусских губерний в 1903 г. Их деятельность осуществлялась под контролем губернской администрации и министра внутренних дел, они состояли полностью из назначенных лиц. Однако функции управлений были идентичны функциям земств. По сути управления по делам земского хозяйства стали переходной формой к введению полноценного земского самоуправления на территории белорусских губерний.

Ключевые слова: управления по делам земского хозяйства, белорусские губернии, губернские и уездные комитеты по делам земского хозяйства, губернские и уездные управы, губернатор, министр внутренних дел.

The problem of formation and activity of the institutions of the local economy is considered. These institutions were established on the territory of Belarusian provinces in 1903. Their activity was carried out under the control of the provincial administration and the Minister of the Interior Affairs; they consisted entirely of designated persons. However, functions of these institutions were identical with Zemstvos' functions. In fact, the institutions of the local economy became the transition to the introduction of full form of Zemsky self-government on the territory of Belarusian provinces.

Keywords: institutions of the local economy, Belarusian provinces, provincial and district committees of local economy, provincial and county governments, governor, Minister of Internal Affairs.

На территории белорусских губерний управления по делам земского хозяйства начали функционировать с 1903 г. Однако история их создания, структура и деятельность изучены крайне поверхностно. В историографии доминируют негативные оценки в отношении этих институтов управления.

Данная тенденция берет свое начало в либеральной дореволюционной печати. Например, известный земский деятель, гласный Санкт-Петербургской городской думы, депутат Государственной думы первого и второго созывов В.Д. Кузьмин-Караваев в своих публикациях выступил с острой критикой введения управлений по делам земского хозяйства в западных губерниях Российской империи. В частности, он отмечал: «...Западные губернии, пока в них будет действовать Положение 2 апреля [1903 г.], не сравнятся с внутренними земскими губерниями. Только принципы земского самоуправления могут сгладить разницу» [1, с. 410]. В советский период деятельность управлений по делам земского хозяйства практически не изучалась. Если они и упоминались в обобщающих работах (например, «Гісторыя БССР. Том 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.)» [2]), то исключительно в негативном ключе. Всячески подчеркивалось, что управления по делам земского хозяйства состояли из назначенных лиц, а потому априори не могли сравняться по результатам своей деятельности с земствами. Данная тенденция сохранилась и в современной белорусской историографии. Например, В.П. Слобожанин в своей работе «Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.)» в общих чертах охарактеризовал структуру управлений по делам земского хозяйства, указал, что их функции соответствовали функциям земств, но затем подытожил, что «эти институты представляли собой карикатуру на выборные органы земского самоуправления, так как назначались из должностных лиц, а потому вполне справедливо были квалифицированы современниками “маргариновым земством”» [3, с. 32–33]. Сам факт принятия Положения 2 апреля 1903 г. игнорируется даже в таких обобщающих работах, как «Гісторыя Беларусі. Том чацвёрты. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» [4] и «Западные окраины Российской империи» [5].

Исходя из выше изложенного, цель данной статьи заключается во всестороннем анализе и объективной оценке функций, структуры и состава управлений по делам земского хозяйства, в определении их роли в оформлении собственной земской системы самоуправления на территории белорусских губерний.

Система земского самоуправления на территории Российской губернии начала создаваться в 1864 г., однако она не была распространена на один из важнейших регионов со сложной этноконфессиональной структурой населения – Северо-Западный край, в состав которого входило три белорусских (Витебская, Минская, Могилевская) и три литовских (Виленская, Гродненская, Ковенская) губернии. В связи с охватившим регион восстанием 1863–1864 гг. под руководством К. Калиновского правительство отказалось от проектов введения здесь земств, хотя они неоднократно обсуждались. Как отмечал В.Д. Кузьмин-Караваев, в 1864 г. соответствующий запрос был направлен местному генерал-губернатору М.Н. Муравьеву, который выступил категорически против введения земского самоуправления. Вновь к обсуждению этого вопроса вернулись после принятия в 1890 г. нового Земского положения. Министр внутренних дела дважды (в 1896 и 1899 гг.) получал поручения от императора Николая II разработать проекты введения земства в северо-западных губерниях. Но ни один из них так и не получил силу закона [1, с. 182–183]. Новый проект был разработан в 1902 г. при министре внутренних дел Д.С. Сипягине [4, с. 34]. Он и был утвержден 2 апреля 1903 г. Николаем II как Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской [6, с. 334].

Положение вводилось в действие в 1903 г. на территории трех белорусских губерний – Витебской, Минской и Могилевской. Что касалось остальных шести губерний, то относительно времени введения в них данного Положения министр внутренних дел должен был испрашивать разрешение в установленном порядке [6, с. 334]. Как показало время, в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях оно так и не было введено.

В статье 2 Положения содержался перечень «предметов ведомства» управлений по делам земского хозяйства, который был весьма обширным. Их функции условно можно разделить на несколько групп: хозяйственные (или экономические) и социальные. Группа экономических функций охватывала различные стороны жизни местного населения. К ней относились вопросы финансового характера: заведование местными денежными и натуральными земскими повинностями, вверенными капиталами и имуществами, в первую очередь, недвижимыми. Управления обязаны были заботиться о содержании в исправности и развитии путей сообщения (дорог, бичевников, пристаней и т. д.), средств связи (почтовых трактов, телеграфных и телефонных линий). Они должны были способствовать развитию местного сельского хозяйства, торговли, промышленности, а также организовывать защиту полей, лугов и лесов от вредных насекомых и животных, вести борьбу с хищниками. В их ведение находилась ветеринарная часть, в том числе принятие мер по предотвращению и прекращению эпизоотий. Кроме того, управления по делам земского хозяйства было передано губернское страхование имущества. Отдельную группу составляли функции в социальной сфере. Управления по делам земского хозяйства должны были заботиться об обеспечении населения продовольствием, устройстве и содержании врачебной части в уездах, улучшении санитарных условий населенных пунктов. В их ведение находились переданные от приказов общественного призрения лечебные и благотворительные учреждения. Они должны были заботиться о «призрении бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сирых и увеченных» [6, с. 338–339]. К этой группе функций можно отнести обязанности по предупреждению и тушению пожаров. Также управления должны были заботиться о развитии средств начального и профессионального образования, участвовать в заведовании теми учебными заведениями, которые содержались за счет сумм земского сбора или получали постоянное земское пособие. В законе четко оговаривалось, что к этим учебным заведениям относились начальные школы, подведомственные Министерству народного просвещения, церковно-приходские школы и школы грамоты, профессиональные училища [6, с. 339].

Данная статья Положения 1903 г. практически полностью повторяла текст статьи 2 Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г., которое действовало во внутренних губерниях Европейской России, но с небольшой разницей. В Положении 1890 г. не уточнялось, какие именно учебные заведения могли получать материальную помощь от земств. Соответствующий пункт имел более общую формулировку: «попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведовании содержащими на счет земств школами и другими учебными заведениями» [7, с. 495–496].

Управление по делам земского хозяйства состояло из двух частей. Распорядительной властью обладали губернские комитеты, на местах функционировали уездные комитеты, которые созывались для предварительного обсуждения важнейших вопросов земского хозяйства. Исполнительная власть в губернии принадлежала губернским управам, на местах – уездным управам [6, с. 339].

В состав губернских комитетов на обязательных началах входили следующие должностные лица: губернатор (он исполнял функции председателя), губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий Казенной палатой, начальник Управления земледелия и государственных имуществ, представитель Удельного ведомства (для тех губерний, в которых были удельные земли), уездные предводители дворянства, непременный член Губернского по городским делам присутствия, непременные члены Губернского присутствия или Губернского по крестьянским делам присутствия, весь состав Губернской управы, городской голова соответствующего губернского города [6, с. 339].

Остальная часть губернского комитета формировалась из гласных, исходя из нормы: по два представителя от уезда на три года. В случае необходимости министр внутренних дел мог по ходатайству комитета увеличить представительство гласных от отдельных уездов до пяти. Важное уточнение содержалось в статье 14: земскими гласными могли быть только те лица, которые постоянно проживали на территории уезда не менее трех лет и владели недвижимым имуществом, с которого уплачивался земский сбор, или торгово-промышленными заведениями. В законодательном акте не содержалось никаких ограничений относительно этноконфессиональной принадлежности гласных. Но согласно статье 15 они не избирались, а назначались на должность. Губернатор по соглашению с губернским и уездными предводителями дворянства представлял списки кандидатов на рассмотрение министра внутренних дел, а последний фактически назначал гласных из числа представленных лиц [6, с. 339–340]. Благодаря такому механизму, можно было отсеять любые потенциально неблагонадежные элементы.

Помимо этого, на заседаниях губернских комитетов по вопросам, входившим в сферу их компетенции, с правом решающего голоса могли присутствовать прокурор местного окружного суда, главный тюремный инспектор, депутат от Епархиального ведомства, представитель Министерства народного просвещения по назначению попечителя учебного округа, губернский инженер и старший инженер по дорожной части (или заменявший его младший инженер), губернские врачебный и ветеринарные инспекторы, представители ведомств путей сообщения, почтово-телеграфного, военного и горного, а также государственного коннозаводства, Министерства земледелия и государственных имуществ по назначению соответствующих министров, главных управляющих или начальников округов [6, с. 341]. Председатель имел право приглашать для участия в заседаниях комитета любых лиц, участие которых при обсуждении дел могло оказаться полезным. Однако они приглашались с правом совещательного голоса [6, с. 341].

Механизм формирования уездных комитетов был аналогичным. В состав уездного комитета входили уездный предводитель дворянства (он выполнял функции председателя), все земские начальники и податные инспектора уезда, уездный исправник, местный представитель ведомства государственных имуществ по назначению начальника Управления земледелия и государственных имуществ, представитель удельного ведомства по назначению министра императорского двора и уделов в тех местностях, где была удельная земля, инженер по дорожной части, городской голова соответствующего города, непременные члены уездной управы, земские гласные от уезда, волостные старшины (от двух до пяти человек по назначению губернатора) [6, с. 341]. Кроме того, на заседания уездного комитета по вопросам,

входившим в их компетенцию, приглашались представители ведомств путей сообщения и военного (по назначению министра путей сообщения и командующего войсками военного округа), уездный наблюдатель церковно-приходских школ, инспектор народных училищ или любое другое лицо по назначению попечителя учебного округа, уездный ветеринар или один из местных ветеринарных врачей по назначению губернского ветеринарного инспектора, уездный врач или один из местных врачебных чинов по назначению губернского врачебного инспектора. Председатель уездного комитета так же имел право приглашать к участию в заседаниях с правом совещательного голоса любых лиц, которые могли быть полезными [6, с. 342].

Таким образом, губернские и уездные комитеты по делам земского хозяйства фактически состояли из назначенных лиц. Часть из них входила в состав комитетов согласно занимаемым должностям, часть назначалась министром внутренних дел или губернатором.

Интересно то, что после введения в 1911 г. на территории белорусских губерний полноценных земств по итогам выборов в состав губернских земских собраний прошли некоторые из тех лиц, которые ранее назначались министром внутренних дел в состав губернских комитетов по делам земского хозяйства. На основании анализа списков гласных видно, что по Витебской губернии этот показатель составлял 12 %, по Минской – 18 %, по Могилевской – 30 % [8]–[13].

Губернские комитеты собирались на годовичные и обыкновенные собрания. Годичное собрание созывалось раз в год не позже 1 сентября, а обыкновенные – назначались по мере необходимости в течение год. Для открытия годичного собрания требовалось присутствие не менее половины земских гласных. Оно назначалось для утверждения раскладок натуральных земских повинностей, проверок действий и отчетов губернской управы, рассмотрения полученных жалоб, обсуждения проектов земских смет и раскладок, операционных планов дорожного строительства, определения размера содержания должностным лицам управления и вообще для обсуждения и разрешения всех важнейших вопросов. На обыкновенном собрании рассматривались текущие дела, решение которых нельзя было отложить до годичного собрания. Важнейшие постановления губернского комитета публиковались в местных губернских ведомостях [6, с. 344–345].

При голосовании в губернском комитете при равенстве голосов перевес давал голос председателя, то есть губернатора. Если по какому-либо вопросу губернатор не соглашался с решением большинства, то он имел право приостановить исполнение указанного решения и направить дело на окончательное разрешение министра внутренних дел [6, с. 344–345]. Здесь необходимо отметить, что в отношении органов земского самоуправления действовали аналогичные ограничения. Согласно статье 5 Положения 1890 г. губернатор обязан был следить за правильностью и законностью их действий. Часть постановлений земских собраний утверждалась министром внутренних дел (в основном по имущественным и налоговым вопросам). Кроме того, в течение двух недель в соответствии со статьей 87 губернатор имел право остановить исполнение любого постановления земского собрания, если оно «несогласно с законом или постановлен с нарушением круга ведомства, пределов власти или порядка действий земских учреждений» или «не соответствует общим государственным пользам и нуждам либо явно нарушает интересы местного населения» [7, с. 505–506].

Фактически решение всех вопросов земского хозяйства находилось в компетенции губернских комитетов. На уездные комитеты были возложены следующие обязанности: составление смет расходов по уезду, проектов раскладок натуральных земских повинностей, предоставление губернскому комитету сведений и заключений по вопросам об операционных планах дорожного строительства, о переводе натуральных повинностей в земские, об обращении земских дорог в проселочные, об устройстве новых пристаней, о разрешении ярмарок, торгов и базаров, об установлении различных такс, а также по всем делам, которые передавались губернатором или губернским комитетом на их заключение. Кроме того, уездные комитеты имели право представлять на обсуждение губернского комитета отдельные вопросы и ходатайства, которые касались местных польз и нужд. Журналы уездного комитета в течение двух недель после заседания передавались в губернский комитет [6, с. 345–346].

Собрания уездного комитета созывались раз в год не позже 1 августа. В случае необходимости по распоряжению губернатора или губернского комитета в течение года могли созываться чрезвычайные собрания. Согласно статье 49 для открытия заседания требовалось, чтобы прибыло не менее семи членов [6, с. 346].

Постоянно действовавшими органами управления по делам земского хозяйства с функциями исполнительной власти являлись губернские и уездные управы. Общее наблюдение за их деятельностью и деятельностью подведомственных им лиц и учреждений осуществлял губернатор [6, с. 347]. В статье 30 отмечалось, что председатель и члены губернской управы, непрменные члены уездных управ считались состоявшими на государственной службе со всеми ее правами и преимуществами [6, с. 342].

Губернская управа состояла из председателя и трех членов. В случае необходимости их число могло быть увеличено до пяти. Однако в статье 25 подчеркивалось, что председатель и члены губернской управы назначались министром внутренних дел из лиц, которые пользовались правами государственной службы и удовлетворяли тем требованиям, которые предъявлялись статьей 14 к земским гласным либо по своей прежней деятельности были хорошо знакомы с местными условиями [6, с. 342].

Обязанности губернской управы были весьма обширны. Она должна была готовить дела для рассмотрения на заседаниях губернского комитета, исполнять все его постановления и ведала текущими делами по управлению земским хозяйством. Губернская управа осуществляла общее руководство и наблюдение за деятельностью уездных управ, а также лиц, служивших по управлению земским хозяйством, представляла кандидатов на должности, которые замещались по распоряжению губернатора, определяла на службу и увольняла должностных лиц, назначение которых находилось в ее компетенции. По поручению губернского комитета согласно правилам Положения 1903 г. она заключала договоры и обязательства по делам земского управления, предъявляла иски и отвечала в суде. Губернская управа составляла отчеты о своей деятельности, о денежных оборотах по земским суммам, состоянии подведомственных ей отраслей земского хозяйства, заведений и имуществ [6, с. 346]. Для управления земскими имуществами и заведениями, для исполнения обязанностей по делам земского хозяйства, которые требовали специальных знаний и подготовки, управа могла приглашать лиц по вольному найму [6, с. 342]. Согласно статье 33 Положения 1903 г. для заведования отдельными отраслями земского хозяйства, исполнения различных поручений, наблюдения за лечебными, благотворительными и иными заведениями, кроме учебных, могли назначаться попечители. Они назначались на три года министром внутренних дел по представлению губернских комитетов из числа местных жителей. Обязанности попечителей считались почетными и исполнялись безвозмездно [6, с. 342].

Уездные управы состояли из следующих лиц: уездного исправника, одного из податных инспекторов уезда по назначению Казенной палаты, двух земских гласных от уезда и непрменных членов управы, которые назначались губернатором. Функции председателя исполнял уездный предводитель дворянства [6, с. 342]. Обязанности уездных управ включали в себя заведование текущими делами по всем или некоторым отраслям управления земского хозяйства на местах, подготовку дел для рассмотрения в уездном комитете, исполнение отдельных поручений губернской управы. Последняя осуществляла надзор за их деятельностью [6, с. 346].

Таким образом, в 1903 г. на территории белорусских губерний был создан институт управлений по делам земского хозяйства. Специфическая этноконфессиональная структура населения всего региона, доминирование крупного польского землевладения, сомнения в лояльности населения обусловили стремление правительства усилить административный контроль за деятельностью создаваемых учреждений. Эти причины объясняют и нежелание в итоге распространить действие Положения 1903 г. на так называемые литовские губернии – Гродненскую, Виленскую и Ковенскую. Управления по делам земского хозяйства сочетали в себе элементы как самоуправления, так и административного органа власти, встроенного в систему губернской администрации. С земствами их объединял круг полномочий. Как видно из анализа текстов законодательных актов 1890 и 1903 г., печенье функций был идентичным. В то же время личный состав

уездных и губернских комитетов по делам земского хозяйства и управ целиком состоял из назначенных лиц. Они состояли из должностных лиц и гласных, рекомендованных губернатором и назначенных министром внутренних дел. Управления по делам местного хозяйства функционировали под повышенным контролем со стороны губернской администрации. Губернатор являлся председателем губернского комитета по делам земского хозяйства и мог изнутри осуществлять контроль за его деятельностью. Он так же мог отменить любое постановление комитета и направить его на окончательное заключение министра внутренних дел.

По сути управления по делам земского хозяйства представляли собой переходную форму, своеобразную опытную модель для постепенной интеграции белорусских губерний в общероссийскую систему земского самоуправления. Они выполнили главную функцию, которая негласно была на них возложена, – продемонстрировали лояльность местного населения правительству и своей деятельностью подготовили фундамент, на котором в 1911 г. начали функционировать собственно земские учреждения.

Литература

1. Кузьмин-Караваев, В.Д. Земство и деревня: статьи, рефераты, доклады и речи. 1898–1903 / В.Д. Кузьмин-Караваев. – СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1904. – IV, [2]. – 429 с.
2. Гісторыя БССР: у 5 т. / галоўн. рэд. калегія : І.М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэд. кал. тома : К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 688 с.
3. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск : ИООО Право и экономика, 2003. – 168 с.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
5. Миллер, А. Западные окраины Российской империи / А. Миллер [и др.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание третье. Том XXIII : 1903. Отделение первое. От №22360–23838 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1905. – 1167, [1]. – 136 с.
7. ПСЗ РИ. Собрание третье. Том X : 1890. От №6505–7339 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1893. – 843, [1], 244, [2] с.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1910 год / издание Витеб. губ. стат. к-та. – Витебск : Губ. тип., [1908]. – 648 с., разд. паг.
9. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 год / издание Витеб. губ. стат. к-та. – Витебск : Губ. тип., 1912. – [1], IX, 153, 332 с.
10. Памятная книжка Минской губернии на 1910 год / издание Мин. губ. стат. к-та. – Минск : Губ. тип., 1909. – 192, 187, III с.
11. Памятная книжка Минской губернии на 1912 год / издание Мин. губ. стат. к-та. – Минск : Губ. тип., 1911. – 224, 211, III с.
12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1910 год / издание Могил. губ. стат. к-та. – Могилев губ. : Губ. тип., 1910. – 695 с., разд. паг.
13. Памятная книжка Могилевской губернии на 1912 год / издание Могил. губ. стат. к-та. – Могилев губ. : Губ. тип., 1912. – 380 с., разд. паг.

Социальная динамика сельского населения БССР в 1920–1930-е годы

М.И. СТАРОВОЙТОВ

Впервые в белорусской историографии на основе новых архивных источников, которые вводятся в научный оборот впервые, рассматривается социальная динамика сельского населения БССР в 1920–1930-е гг. Анализ оригинальных документов переписи населения 1939 г. позволил установить и дать адекватную оценку социальному облику сельского населения, достигнутому к концу 1930-х гг. в результате советской мобилизационной модернизации деревни. Автор приходит к выводу, что этот процесс в межвоенный период положил начало существенному изменению социального облика сельского населения, которое хотя и стало трудиться в разных отраслях народного хозяйства, но по-прежнему было занято в аграрном секторе экономики. Колхозники стали основной общественной группой села. Белорусы составляли абсолютное большинство сельского населения и были заняты, прежде всего, женщины, неквалифицированным сельскохозяйственным трудом.

Ключевые слова: сельское население, социальная структура, профессиональный состав, отрасли народного хозяйства, общественные группы.

Social dynamics of the BSSR rural population in 1920-1930-es is examined for the first time in the Belarusian historiography on the basis of new archival sources, which are introduced into scientific circulation. The analysis of the 1939 census original documents allowed establishing and giving an adequate assessment of the social face of the rural population reached by the end of 1930 as a result of the Soviet village mobilizing modernization. The author concludes that the process of the inter-war period marked the beginning of a significant change in the social image of the rural population, which, though began to work in different sectors of the economy, was still employed in the agricultural sector. The collective-farmers were the main social group of the village. The Belarusians accounted for the vast majority of the rural population. Women were engaged, primarily, in unskilled agricultural labor.

Keywords: rural population, social structure, professional structure, sectors of the economy, social groups.

В отечественной историографии имеется значительное количество работ по истории белорусского крестьянства сложного межвоенного периода – периода советской мобилизационной модернизации промышленности и аграрного сектора экономики. Большой вклад в изучение проблем аграрной истории указанного периода внесли М.А. Беспалая, М.П. Костюк, В.Н. Михнюк, А.Н. Сорокин, С.Н. Ходин и др. Имеются разделы в соответствующих томах пятитомной и шеститомной истории Беларуси, в которых представлены советские и постсоветские оценки развития белорусской деревни и ее населения. Однако, несмотря на имеющиеся значительные наработки, так и не вышел третий том Истории крестьянства Беларуси с древнейших времен до наших дней, посвященный советскому периоду. Есть основание считать, что главным недостатком этих работ является отсутствие архивных материалов переписи населения 1939 г., которые долгое время были засекречены. В статье предпринята попытка дать адекватную оценку социальной структуре сельского населения и частично восполнить имеющийся в отечественной историографии пробел (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

К сельскому населению мы относим всех лиц постоянно проживавших в сельской местности, а социальную стратификацию мы рассматриваем применительно ко всем сельским жителям, занятым в разных сферах народного хозяйства, как села, так и города.

При исследовании этносоциокультурных процессов автор в теоретическом плане опирается на точку зрения П.А. Сорокина. «Различие между категориями «культурное» и «социальное» весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. Тем не менее, чисто технически эти категории можно изучать отдельно и в интересах научного анализа изолировать друг от друга как разные аспекты единого и делимого «социокультурного мира». Исследуя «социокультурные флуктуации, то есть процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории», П.А. Сорокин ввел понятия «социокультурный процесс», «социокультурное

пространство» «типы социокультурных процессов». Он отмечает, что при всех способах классификации «число их основных типов невелико: изоляция – контакт, ассимиляция – конфликт – адаптация..., кооперирование – антагонизм, дифференциация – стратификация – интеграция, война – мир..., процветание – депрессия... линейные – циклические – неустойчивые переменные процессы и т. д.» [1, сс. 80, 503, 763].

Из таблицы 1 видно [2, л. 1] [3, л. 1], [4, л. 1], [5, л. 1], [6, л. 1], что доля женщин в составе сельского населения в межпереписной период увеличилась во всех областях БССР. Увеличение же абсолютной численности мужчин и женщин села наблюдалось только в четырех белорусских областях. В этих областях был меньшим их отток в города. В Витебской области произошло значительное сокращение абсолютной численности и мужчин, и женщин среди сельских жителей. Нами установлено, что во внутривнутриреспубликанской и общесоюзной миграции на работу и учебу в города из этой области (традиционно в Ленинград, как до 1917 г. в Петроград) участвовали лица в возрасте 15–39 лет. Это была главная причина уменьшения численности жителей села Витебской области. К аналогичной причине более медленного роста численности мужчин в четырех областях следует добавить их службу в армии за пределами мест проживания, последствия репрессий, которые больше коснулись мужского населения, более высокая смертность и более короткая продолжительность жизни. Это касалось всех областей. Следовательно, сведение замедления роста численности сельского населения БССР только к последствиям репрессий не имеет достаточных оснований.

Таблица – 1 Сельское население БССР по официальной разработке переписи 1939 г.

Области	1926г.				1939г.				1939 г. к *1926г., %
	Муж.	Жен.	Всего	Жен., %	Муж.	Жен.	Всего	Жен., %	
Витебская	506781	532977	1039758	51,3	453958	483469	937427	51,6	90,2
Гомельская	302832	321780	624612	51,5	315768	339316	655084	51,8	104,9
Минская	426757	448054	874811	51,2	445372	474292	919664	51,6	105,1
Могилевская	511773	550500	1062273	51,8	521790	562803	1084593	51,9	102,1
Полесская	262985	270971	533956	50,7	292320	304789	597109	51,0	111,8
БССР	2011128	2124282	4135410	51,37	2029208	2164669	4193877	51,61	101,41

Примечание: *) – положительная и отрицательная динамика численности населения

На наш взгляд, вести речь о многоукладности экономики БССР в период НЭПа можно со значительной долей условности, так как её абсолютную основу составляло сельское хозяйство. Расчеты показали, что в 1926 г. все сельское население республики было занято непосредственно сельскохозяйственной деятельностью. На мужчин приходилось около 94 %, на женщин – 98 %, занятых тяжелым физическим трудом, учитывая уровень технической оснащенности крестьянских хозяйств того времени. Это касалось титульного населения и женщин, в первую очередь. В БССР в аграрном секторе из числа титульного этноса было занято 90,4 % мужчин и 96,1 % женщин. В качестве членов семьи, помогающих в таком труде, женщин было в 2 раза больше, чем мужчин. Низкий уровень грамотности и образования заметно сдерживал участие мужчин и, особенно, женщин в профессиональной деятельности, связанной с умственным трудом. Так, среди занятых в сельском хозяйстве служащих была 161 женщина и – 2 142 мужчины [7, с. 3].

Промышленное производство концентрировалось в более крупных городах, а в мелких и средних городских поселениях примерно треть жителей еще была занята сельским хозяйством. Мобилизационные методы модернизации промышленности и сельского хозяйства, выделение регионов СССР для первоочередного развития с учетом сырьевых месторождений и необходимости укрепления обороноспособности страны, привели к отраслевой структуризации экономики союзных республик и их областей. БССР относилась к аграрному региону. Сдерживающим фактором (по «стратегическим соображениям») развития промышленных предприятий и в 1930-е гг., было и то, что БССР входило в широкую пограничную полосу западной границы СССР. Даже столицу БССР собирались переносить в Могилев.

Основным источником средств существования в конце 1930-х гг. была трудовая деятельность сельского населения, что хорошо видно из таблицы 2 [8, л. 25]. Огромным демографическим потенциалом деревни являлись дети и подростки, которые находились на иждивении и составляли 45 % сельского населения.

Таблица 2 – Распределение сельского населения БССР по источникам средств существования в 1939 г. (абс. и %).

Источники средств существования	Все население (без нетрудящихся)			В % ко всему сельскому населению		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Все население без не трудящихся в т. ч.:	2 029 002	2 164 356	4 193 358	–	–	–
Имеющие занятия	1 088 586	999 307	2 087 892	53,6	46,2	49,8
Члены семьи*	10 500	188 654	199 154	0,5	8,7	4,7
Иждивенцы**	915 136	966 716	1 882 852	45,1	44,7	44,9
Нетрудящиеся***	206	313	519	–	–	–
Всего	2 029 208	2 164 669	4 193 877	–	–	–

Примечание: *) – в подсобном сельском хозяйстве; **) – отдельных лиц; ***) – с семьями

В отличие от конституционных и партийно-советских документов в материалах переписи 1939 г. выделен не классовый состав населения (рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция), а общественные группы, которые представлены в таблице 3 [8, л. 24]. Это данные об относительной численности в целом по БССР ко всему населению (с семьями) и ко всем лицам, проживающим в деревне, но имеющим занятия во всех отраслях народного хозяйства как в деревне, так и в городе.

Таблица – 3 Состав сельского населения БССР по общественным группам в 1939 г. в %

Общественные группы	Все население (с семьями)			Лица, имеющие занятия		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Рабочие	16,28	10,93	13,52	19,42	5,69	12,85
Служащие	8,70	5,96	7,28	10,59	2,92	6,92
Колхозники	66,76	74,31	70,66	61,97	81,35	71,24
Кооперированные кустари	0,87	0,68	0,77	0,95	0,29	0,64
Некооперированные кустари	0,71	0,55	0,63	0,78	0,20	0,50
Крестьяне-единоличники	6,67	7,56	7,13	6,29	9,55	7,85
Нетрудящиеся	0,01	0,01	0,01	–	–	–
Всего	100	100	100	100	100	100

Абсолютное большинство сельского населения проживало и трудилось в аграрном секторе экономики. Показатели по такой занятости представлены в таблице 4 [9, л. 23–25], [10, л. 23–25], [11, л. 23–25], [12, л. 23–25] на примере четырех областей. По численности населения и размерам области отличались. Данные свидетельствуют о том, что в Гомельской и Полесской областях колхозников и крестьян-единоличников было чуть выше, чем в Витебской и Могилевской областях. В последних двух среди сельских жителей доля рабочих и служащих была выше, что свидетельствует о занятости их на этих должностях не только в деревне, но и в городе. Работали они по так называемой маятниковой миграции, которая стала входить в практику в 1930-е гг.

Таблица – 4 Состав занятого в сельском хозяйстве сельского населения БССР в 1939 г.

Общественные группы	Сельское население/жители			Сельское население/жители		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Витебская область				Гомельская область		
Рабочие	7 610	2 161	9 771	4 295	1 334	5 629
Служащие	1 580	290	1 870	1 001	141	1 142
Колхозники	146 199	181 613	327 812	86 694	118 121	204 815
Кустари	1	6	7	1	5	6
Единоличники	8 111	12 372	20 483	15 287	21 960	37 247
Итого	163 501	196 442	359 943	107 278	141 561	248 839

Окончание таблицы 4

Могилевская область				Полесская область		
Рабочие	7 042	1 669	8 711	3 237	1 193	4 430
Служащие	1 478	195	1 673	785	130	915
Колхозники	159 495	217 627	377 122	88 171	121 542	209 713
Кустари	1	2	3	18	19	37
Единоличники	17 366	25 697	43 083	13 248	18 235	31 483
Итого	185 382	245 190	430 572	105 459	141 119	246 578

Необходимость роста и укрепления сельскохозяйственной сырьевой базы промышленности, увеличение товарности и порайонной специализации сельского хозяйства, развитие экспортных его отраслей привели к принятию соответствующих решений. В апреле 1927 г. IV съезд советов СССР поручил правительству обратить особое внимание на развитие «трудоемких культур для борьбы с аграрным перенаселением и в целях использования на месте избыточного крестьянского труда» [13, с. 365]. Эти установки по использованию трудовых ресурсов села при крайне низкой технической оснащенности аграрного сектора экономики оставались и в последующий период. Аграрное перенаселение было особенно характерно для белорусов, которые и в конце 1930-х годов были заняты сельскохозяйственным трудом. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют данные таблиц 5 и 6 [14, лл. 5–9, 10–13].

Таблица – 5 Распределение сельского населения БССР по отраслям народного хозяйства и труда в 1939 г. абс. и %

Отрасли	Муж.	Жен.	Всего	% к итогу	% женщин
Промышленность	64 229	26 959	91 188	4,37	29,56
Сельское хозяйство	715 929	917 475	1 633 404	78,23	56,17
В том числе колхозы	618 187	812 498	1 430 685	68,52	56,79
Лесное хозяйство	32 350	1 905	34 261	1,64	5,56
Рыбное хозяйство	841	13	854	0,04	1,52
Строительство	44 782	3 304	48 086	2,30	6,87
Транспорт и связь	30 697	5 940	36 637	1,75	16,21
Торговля, заготовки, общепит	17 744	7 042	24 786	1,19	28,41
Жилкоммунхоз	2 015	1 473	3 488	0,17	42,23
Просвещение, наука, искусство*	22 729	19 862	42 591	2,04	46,63
Здравоохранение	3 267	8 094	11 361	0,54	71,24
Госучреждения, партийные **	14 294	2 215	16 509	0,79	13,42
Нераспределенные по ***	140 543	5 038	145 581	6,97	3,46
Всего имели занятия	1 088 585	999 307	2 087 892	100,00	47,86

Примечание: *) – и печать; **) – и общественные организации; ***) – отраслям народного хозяйства.

Таблица 6 – Сельское население БССР в отраслях и общественных группах в 1939 г.

Население	Рабочие	Служащие	Колхозники	Кооп.- кустари	Некооп.- кустари	Единоличники	Всего
Всего имели занятия							
Мужчины	211 445	115 267	674 596	10 318	8 525	68 434	1 088 585
Женщины	56 831	29 131	812 939	2 945	2 019	95 442	999 307
Всего	268 276	144 398	1 487 535	13 263	10 544	163 876	2 087 892
Всего %	12,85	6,92	71,25	0,64	0,51	7,85	100,00
В промышленности							
Мужчины	39 654	10 831	344	9 419	3 753	228	64 229
Женщины	20 237	2 027	165	2 826	1 652	52	26 959
Всего	59 891	12 858	509	12 245	5 405	280	91 188
Всего %	65,68	14,10	0,56	13,43	5,93	0,31	100,00
В сельском хозяйстве							
Мужчины	30 090	6 400	613 736	26	–	65 677	715 929
Женщины	9 047	979	812 266	40	–	95 143	917 475
Всего	39 137	7 379	1 426 002	66	–	160 820	1 633 404
Всего %	2,40	0,45	87,30	0,00	0,00	9,85	100,00

Окончание таблицы 6

В лесном хозяйстве							
Мужчины	22 175	5 084	4 713	121	21	242	32 356
Женщины	1 628	152	25	6	60	34	1 905
Всего	23 803	5 236	4 738	127	81	276	34 261
Всего %	69,48	15,28	13,83	0,37	0,24	0,81	100,00
В строительстве							
Мужчины	23 793	3 824	14 487	89	2 193	396	44 782
Женщины	3 013	185	39	2	60	5	3 304
Всего	26 806	4 009	14 526	91	2 253	401	48 086
Всего %	55,75	8,34	30,21	0,19	4,69	0,83	100,00
На транспорте и в связи							
Мужчины	21 975	5 238	230	185	2 264	805	30 697
Женщины	3 156	2 588	36	12	119	29	5 940
Всего	25 131	7 826	266	197	2 383	834	36 637
Всего %	68,59	21,36	0,73	0,54	6,50	2,28	100,00
В торговле и общественном питании							
Мужчины	6 011	11 406	126	198	–	3	17 744
Женщины	4 199	2 774	23	43	–	3	7 042
Всего	10 210	14 180	149	241	–	6	24 786
Всего %	41,19	57,21	0,60	0,97	0,00	0,02	100,00
В жилищном и коммунальном хозяйстве							
Мужчины	849	862	5	41	209	49	2 015
Женщины	1 239	151	6	9	63	5	1 473
Всего	2 088	1 013	11	50	272	54	3 488
Всего %	59,86	29,04	0,32	1,43	7,80	1,55	100,00
В просвещении, науке, искусстве и печати							
Мужчины	2 299	20 367	50	13	–	–	22 729
Женщины	5 389	14 381	86	6	–	–	19 862
Всего	7 688	34 748	136	19	–	–	42 591
Всего %	18,05	81,59	0,32	0,04	0,00	0,00	100,00
В здравоохранении							
Мужчины	1 215	2 044	8	–	–	–	3 267
Женщины	4 005	4 072	17	–	–	–	8 094
Всего	5 220	6 116	25	–	–	–	11 361
Всего %	45,95	53,83	0,22	0,00	0,00	0,00	100,00
В государственных учреждениях							
Мужчины	1 496	12 759	38	–	–	1	14 294
Женщины	633	1 574	8	–	–	–	2 215
Всего	2 129	14 333	46	–	–	1	16 509
Всего %	12,90	86,82	0,28	0,00	0,00	0,01	100,00
Нераспределенные по отраслям народного хозяйства							
Мужчины	61 888	36 452	40 859	226	85	1 033	140 543
Женщины	4 285	248	268	1	65	171	5 038
Всего	66 173	36 700	41 127	227	150	1 204	145 581
Всего %	45,45	25,21	28,25	0,16	0,10	0,83	100,00

В официальной терминологии того времени мы видим в таблицах 3, 4 и 6 социально-классовую структуру трудоспособного населения села – рабочие, служащие, колхозники, кооперированные и некооперированные кустари, крестьяне-единоличники. Перепись 1939 г. впервые ввела деление лиц, имеющих занятие по отраслям и общественным группам, по которым и распределялась вышеуказанная социально-классовая структура. При абсолютном преобладании колхозников значительной оставалась и доля крестьян-единоличников. Это связано, на наш взгляд, с разными темпами коллективизации, дехуторизации белорусского села. Надо учитывать и уровень развития экономики областей в целом и степень развития производственной и непроизводственной сфер в сельской местности, где могли трудиться сельские жители, уровень грамотности мужчин и женщин села. О более низком уровне грамотности и образования белорусов автор уже писал.

Среди занятых в сельском хозяйстве основных групп населения (колхозники, рабочие и служащие) преобладали лица в возрасте до 40 лет. Формирование и профессиональное развитие их, особенно рабочих и служащих, приходилось на период советской мобилизационной модернизации села, которая меняла его быт, культуру, традиции. Положительную роль в повышении образовательного, культурного и профессионального уровня титульного этноса сыграла политика «белорусизации» и «коренизации». При всех издержках, недостатках и противоречиях в оценке и направлениях экономического и культурного развития деревни, очевидными были положительные тенденции, свидетельствовавшие о ломке вековых традиций. Исключение составляли крестьяне-единоличники, среди которых преобладали не только женщины, но и лица старше 40 лет. Есть основание считать, что не только политика советской власти по отношению к единоличнику, но и нежелание молодежи связывать свою судьбу с такого рода крестьянской деятельностью становилась реальностью. Крестьянская колхозная и единоличная молодежь массово уходила в города. «Крестьянская река», как определялось задачами сближения города и деревни, поставленными ЦК КП (б) Б еще в декабре 1921 г., потекла в город.

Даже такой краткий анализ оригинальных источников позволяет установить и дать адекватную оценку социальной структуре сельского населения БССР, определить специфику социальной стратификации жителей белорусского села. Эти изменения в его составе к концу межвоенного периода были достигнуты в условиях форсированной советской модернизации. Представленная дифференциация и стратификация позволяет дать адекватную социальную оценку интегрированному сельскому населению, которое традиционно воспринимается как колхозное крестьянство.

К концу 1930-х гг. палитра сельского населения оказалась многообразней, чем было принято до недавнего времени считать. Это уже были не просто крестьяне или колхозники. Зародился процесс профессиональной стратификации жителей села, которые были заняты уже не только в аграрном секторе, но и в других производственных и непроизводственных отраслях народного хозяйства. Более 20 % было занято вне сферы сельского хозяйства. Из них определенная часть сельского населения трудилась в городах. Вышеприведенные данные, с выделением гендерной составляющей занятости по общественным группам, также дают более адекватную характеристику социальному облику сельского населения. Нами установлено, что основная масса титульного этноса проживала в деревне и была занята в сельскохозяйственном производстве. Это существенно сдерживало образовательный, культурный уровень и общественно-политическую активность.

Литература

1. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П.А. Сорокин. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с.
2. Витебская область / Российский государственный архив экономики (РГЭА). – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
3. Гомельская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 376.
4. Минская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 377.
5. Могилевская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
6. Полесская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М : ЦСУ СССР, 1928. Т. XXVII. – 156 с.
8. Белорусская ССР / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
9. Витебская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
10. Гомельская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
11. Могилевская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
12. Полесская область / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
13. Съезды советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. – М. : Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1935. – 486 с.
14. Белорусская ССР / РГЭА. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 429.

УДК 947.6 “1648-1651” “364”

Тэрор як форма барацьбы ў казацка-сялянскай вайне 1648–1651 гадоў на Беларусі

С.А. ЧАРОПКА

Даследуецца пытанне аб ужыванні тэрору варагуючымі дзяржаўным і паўстанцкім бакамі падчас казацка-сялянскай вайны, якая разгарнулася на тэрыторыі сучаснай Беларусі ў 1648–1651 гг. У выніку даследавання ўстаноўлена, што абодва бакі шырока ўжывалі арганізаваны гвалт для запалохвання насельніцтва з мэтай ўсталявання кантролю за пэўнай тэрыторыяй. Аб'ектам гвалту з боку паўстанцаў з'яўляліся прадстаўнікі ўсіх станаў рыма-каталіцкай і грэка-каталіцкай канфесій, а таксама яўрэйскае насельніцтва. Ахвярамі тэрору з дзяржаўнага боку з'яўляліся пераважна сяляне і мяшчане праваслаўнай канфесіі. Вынікам гэтай палітыкі сталі сур'ёзныя разбурэнні і дэмаграфічныя страты сярод усіх пластоў грамадства Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, казацка-сялянская вайна, тэрор, гвалт, каталіцтва, уніяцтва, праваслаўе, шляхта, сялянства, мяшчанства, казакі.

The question of the use of terror by rival parties during the war Cossacks and Peasants against the Government that took place on the territory of present-day Belarus during the period from 1648 to 1651 BC is investigated. As a result of the carried out researches it has been established that both sides actively used organized violence to terrorize the local population with a view to establishing control over a certain territory. The objects of violence by insurgents were representatives of all the states of the Roman Catholic and Greek Catholic faiths, as well as the Jewish population. Victims of terror by the State Army were mostly peasants and townspeople of the Orthodox religion. The results of this policy have become serious destruction and population loss among all layers of the population of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Cossack and Peasant war, terror, violence, Catholicism, the Greek Catholic Church, orthodoxy, nobility, peasantry, petty bourgeoisie, Cossacks.

Казацка-сялянская вайна, якая разгарнулася на землях Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (ВКЛ) у 1648–1651 гг., адыграла значную ролю ў далейшым палітычным і сацыяльна-эканамічным развіцці беларускіх зямель. Гэтая вайна стала прыкладам самай маштабнай у айчынай гісторыі адкрытай узброенай барацьбы сялянства і мяшчанства Літоўска-Рускай дзяржавы супраць этнаканфесійнай палітыкі кіроўных колаў Рэчы Паспалітай і сацыяльнай палітыкі ў цэлым. Нягледзячы на тое, што пытанне казацка-сялянскай вайны ўжо з'яўлялася прадметам даследавання беларускіх, польскіх, украінскіх і расійскіх даследчыкаў, аднак асобныя яе фрагменты яшчэ маюць патэнцыял да далейшага даследавання [1]. Адным з такіх аспектаў з'яўляецца пытанне аб ужыванні тэрору варагуючымі бакамі ў адносінах да сваіх праціўнікаў.

Вайна стала наступствам шэрагу этнічных, канфесійных, эканамічных і палітычных супярэчнасцей, якія зліліся да сярэдзіны XVII ст. ў адзіны комплекс і падзялілі грамадства ВКЛ на два супрацьлеглыя лагеры. Да першага лагера можна аднесці магнатэрыю, каталіцкае і ўніяцкае духавенства, сярэдняю і дробную шляхту, прычым не толькі каталіцкую або ўніяцкую, але і дызуніцкую, а таксама прадстаўнікоў «люду паспалітага», што ўжо навярнуліся да уніі. Дарэчы, аб маштабах распаўсюджання царкоўнай уніі ў ВКЛ сведчыць заўвага сучаснікаў казацка-сялянскай вайны, якія адзначалі, што да сярэдзіны XVII ст. «унія у Литві ... почала гору брати» [2, с. 51]. Да гэтага ж лагера належыць і яўрэйскае насельніцтва Літвы і Русі, частка якога заняла ў сацыяльнай стратыфікацыі месца паміж землеўласнікамі і землекарыстальнікамі, стаўшы ўвасабленнем эксплуатацыі ніжэйшых пластоў насельніцтва. Удзельнік казацка-сялянскай вайны, таварыш панцырнай харугвы Лось, у сваіх успамінах выказвае меркаванне, што «казацкай вайны прычынай быў празмерны прыціск ад паноў рускіх, настолькі вялікі, што дзяцей ахрысціць неможна было без дазволу яўрэяў-арэндатараў» [3, с. 2].

Другі лагер склалі масы рускага сялянства і мяшчанства, а таксама частка шляхты, якія не ўспрынялі царкоўнай уніі і казакі-запарожцы, якія паходзілі з рускіх зямель ВКЛ. Менавіта гэтыя пласты насельніцтва адкрыта выступілі супраць сацыяльнага прыгнёту, якое супала з этнаканфесійным распластаннем на Літве, Русі і ў кароннай Украіне. Гэтае расслаенне было абумоўлена паступовым аддаленнем мясцовай эліты ад тутэйшага «паспольства», што было звязана з працэсам канфесійнай і моўнай канверсіі, якая паступова прыводзіла да асіміляцыі рускай шляхты і часткі мяшчанства ВКЛ [4, с. 82–83]. Унія «рускай» царквы Рэчы Паспалітай, спробы яе гвалтоўнага распаўсюджвання ў першай чвэрці XVII ст. абвастрылі рэлігійнае пытанне, а поспехі прыхільнікаў царкоўнай уніі на Літве і Русі, нягледзячы на адсутнасць падтрымкі і нават неадназначнае стаўленне да яе з боку каралеўскай улады ў 30–40-х гг. XVII ст., у значнай меры паспрыялі абвастрэнню міжканфесійных адносін сярод рускага насельніцтва ВКЛ.

Трэба адзначыць, што ў прадстаўленым артыкуле пад тэрмінам «русь» або «рускія» маецца на ўвазе ўсходнеславянскае насельніцтва ВКЛ, якое ў навуковай літаратуры прынята называць старабеларускай народнасцю. Рускае насельніцтва ВКЛ стала продкам сфарміраванай пазней беларускай нацыі і не мае дачынення да рускага насельніцтва Рускай дзяржавы, якое стала продкам сучаснай рускай нацыі. Пад «рускімі» землямі ВКЛ разумеюцца землі, на якіх у XVII ст. пражывала пераважна рускае насельніцтва, якія зараз у асноўным уваходзяць у склад Рэспублікі Беларусь. Адзначым, што нягледзячы на супадзенне этноніма, рускае насельніцтва Літоўска-Рускай дзяржавы і рускія Расійскай дзяржавы ў XVII ст. належалі хаця і да родасных, але ўжо асобных этнасаў, што праяўлялася ў наяўнасці розных моў, рознай канфесійнай (уніяты) і царкоўнай (рознасць царкоўнай юрысдыкцыі і абраднасці ў праваслаўнага насельніцтва ВКЛ і Расіі) прыналежнасці, асобных гістарычных шляхах, якія яны прайшлі з XIII–XIV ст. Выбар тэрміну «рускі», «рускія землі» ў адносінах да старабеларускага насельніцтва і беларускіх у сучасным разуменні зямель былога ВКЛ абумоўлены імкненнем аўтара да максімальнага выкарыстання прынцыпаў канкрэтнасці і апоры на гістарычныя крыніцы, якія дакладна паказваюць этнічную і геаграфічную тэрміналогію, якой аперывалі сучаснікі падзей.

У ходзе вайны, якая на працягу трох год з 1648 па 1651 гг. ахапіла значную частку ВКЛ, кожны з варагуючых бакоў імкнуўся ўзмацніць свае пазіцыі, шырока ўжываючы для гэтага арганізаваны гвалт – тэрор. Уварванне казакоў у Літоўскую Русь і хуткі захоп імі Палесся паклаў пачатак «казацкаму тэрору» – дзікаму і жудаснаму вынішчэнню сваіх праціўнікаў. Ахвярамі казакоў сталі «шляхта, слуги замковія, жиди й уряди міськіе», таксама іх жонкі і дзеці, каталіцкае і ўніяцкае духавенства. «Рідкі в той криві на тот час рук своїх не умочил», – адзначае сучаснік [2, с. 52]. У Гомелі, у адным з першых беларускіх гарадоў, дзе замацаваліся казакі, яны «побили Жидовъ человекъ съ восемьсотъ, съ женами и дѣтми болши дву тысячъ, да тутъ же побили Ляховъ съ шестьсотъ человекъ» [5, с. 227]. Пры гэтым варта адзначыць, што пад вызначэнне «ляхі» трапляюць не столькі этнічныя палякі, колькі мясцовая шляхта каталіцкай канфесіі. Асабліва жорстка казакі разам з паўстаўшымі сялянамі і мяшчанамі вынішчалі яўрэяў, якіх яны «сталі біць палкамі для таго, каб яны адразу не памерлі» [6, с. 164]. Іншая яўрэйская хроніка паведамляе, што ў Гомелі было забіта 1500 яўрэяў, якіх выдалі казакам «паны» [7, с. 187]. Такая жорсткасць казакоў была ініцыявана іх лідарам – Багданам Хмяльніцім, які, па звестках расійскіх ваявод, «и урядниковъ, и державцовъ, и Поляковъ и Жидовъ велель побивать» [5, с. 211]. Падобны лёс спасціг жыхароў іншых гарадоў Палесся і Падняпроўя, захопленых казакамі. «Ляховъ і Жидовъ побивали безъ милости» ў Рэчыцы, Мазыры, Бярэсці (Брэсце), Старадубе [5, с. 283–284]. «Брестъ Литовскую разорили до основанья, Поляковъ и Жидовъ и женъ ихъ и детей побили безъ остатку, хоромы и стены каменные розломали и розметали безъ остатку» [5, с. 247]. Яўрэйскія храністы адзначаюць, што ў Брэсце нельга было знайсці месца, дзе б не ляжалі трупы забітых [7, с. 189]. Пасля прыходу казакоў у гэты павятовы цэнтр, яўрэі «падпалі пад жорсткія катаванні; жанчыны і малыя дзеці былі перабіты, свяцілішчы спустошаны, дамы ўсе разбураны цалкам» [6, с. 165]. Калі літоўскае войска вызваліла горад, перад жаўнерамі

паўстала наступная карціна: «Брэсть Литовская разорена жъ: на рынку лавокъ деревяныхъ и каменныхъ нетъ ни одной, и во всехъ дворехъ въ воротахъ, и въ хоромехъ двери и лавки и окна выломаны, ни одного двора целого нетъ, и Жиды все побиты» [5, с. 297]. У руіны казакамі быў пераўтвораны Кобрын [8, с. 70], [2, с. 53]. Казацкія загоны, якія амаль бесперашкодна распаўсюдзіліся па Палессі і Падняпроўі знішчалі цэлыя вёскі. «Черкасы ... были Быхова города въ уезде и высекли село, и пошли назадъ къ Белой Церкви», – адзначае расійскі інфарматар [5, с. 229]. Вялікая колькасць яўрэяў была знішчана казакамі ў Брагіне [9, с. 112].

Падзенне Пінска 26 кастрычніка 1648 г. у выніку змовы мяшчан з казакамі стала апагеем «беларускай жакерыі» 1648–1651 гг. Паўстанцы і казакі сумесна «касцёлы Божыя рабавалі, нападалі ... на дамы шляхецкія» [10, с. 34]. Рэктар Пінскага езуіцкага калегіюма ксёндз Станіслаў Тамашэўскі абвінавачваў казакоў і жыхароў Пінска ў тым, што яны «стан шляхецкі і духоўны забівалі, мардавалі, целы са склепаў выцягвалі і ў касцёле айцоў езуітаў вялікія гвалты зрабілі, абразы пасеклі, вокны разбілі, касцёл ў пыл пераўтварылі, целы са склепаў з трунаў вынімаючы выкідалі», аднак гэтым яны не задаволіліся і ўрэшце спалілі касцёл і калегіюм [11, с. 383–384]. Пры тым пагромшчыкі пераследвалі не толькі палітычныя, але і ўласныя матэрыяльныя мэты. Побач з варварскім знішчэннем усяго, што была звязана з «заходнім светам» і шляхтаю, казакі актыўна прыўлашчвалі нарабаную маёмасць. «Самавідзец» адначае, што казакі добра «збогатіліся шарпаниною добр шляхецких и жидовских и иных людей» [2, с. 57]. У Пінску казакі разам з мяшчанамі разрабавалі ўсе залатыя і срэбраныя ўпрыгожванні з касцёла, а таксама з фальваркаў, якія належалі касцёлу і калегіюму каля Пінска, аж да катлоў і начыння [11, с. 383–384]. Што да яўрэяў Пінска, дык «калі непрыяцель прыйшоў у горад, ён злітаваўся толькі над праваслаўнымі, а мноства бедных і яўрэяў і яўрэяў-жабракоў, якія не здолелі з прычыны недахопу сродкаў уцякчы, былі знішчаны самымі пакутніцкімі спосабамі» [6, с. 165]. Паводле яўрэйскіх хронік менавіта ў Брэсце і Пінску была найбольшая колькасць ахвяр казакоў з ліку яўрэяў. Большасць забітых казакамі яўрэяў належала да ніжэйшых пластоў яўрэйскага грамадства, бо заможныя прадстаўнікі гэтай этнічнай меншасці са «св. абшчын Слуцк, Пінск і Брэст-Літоўскі ўцякалі: часткова ў Вялікую Польшчу, а часткова ў горад Данцыг, што ля мора за Віслай», у гарадах жа засталіся пераважна жабракі [9, с. 112].

Знішчаючы яўрэяў, шляхту, каталіцкае і ўніяцкае духавенства, казакі, аднак, не чапалі мясцовага сялянства і мяшчан-дызунітаў. Крыніцы поўняцца звесткамі, што казакі «секли Поляковъ и Жидовъ, а Белорусцевъ никого не секли», «те Черкасы ходять войною въ Литовской земле и побиваютъ Ляховъ и Жидовъ, а Белорусцевъ не побиваютъ» [5, сс. 217, 239–240]. Гэтае лагоднае стаўленне казакоў да ніжэйшых пластоў рускага насельніцтва ў спалучэнні з антыфеадальнай барацьбой, агорнутай ў рэлігійную афарбоўку, спрыяла стварэнню іміджу казакоў у вачах мясцовага «люду паспалітага» як барацьбітоў за веру: «Запорожскія Черкасі бьются съ Ляхи за веру» [5, с. 227]. Этнаканфесійная блізасць казакоў і жыхароў Літоўскай Русі, адзінства сацыяльна-эканамічных і палітычных праблем, абумовіла падтрымку казацкага руху з боку ніжэйшых пластоў рускага насельніцтва ВКЛ. Да казацкіх загонаў сталі далучацца мясцовыя сяляне і мяшчане, пачалі ўзнікаць атрады, якія дзейнічалі разам з казакамі, але абмяжоўваліся сваім рэгіёнам. Такія атрады ўзніклі ў Рэчыцы, Пінску, Мазыры, Давыд-Гарадку і іншых гарадах Палесся [12, с. 103–106], [13]. Такім чынам, разам з уварваннем украінскіх казакоў у ВКЛ, тут пачалося грандыёзнае сялянска-мяшчанскае антыфеадальнае паўстанне, а барацьба паміж варагуючымі бакамі набыла рысы грамадзянскай вайны.

У Старадубскім павеце Смаленскага ваяводства мясцовыя сяляне, перабіўшы сваіх паноў, уцяклі за мяжу Расійскай дзяржавы [5, с. 227]. Мясцовыя паўстанцы разам з казакамі прымалі актыўны ўдзел у спусташэнні і рабаванні касцёлаў, кляштараў і шляхецкай маёмасці. С. Тамашэўскі абвінавачвае мяшчан Пінска ў тым, што яны «зраду робячы супраць Рэчы Паспалітай, мяцеж падняўшы, учыніўшы змову з казакамі мяцежнікамі, пасылаючы ім на дапамогу грошы ... казакоў мяцежнікаў украінскіх да павету Пінскага і да самога места Пінска некалькі тысяч напаводзячы і злучыўшыся з тымі гультаямі, выступаючы не толькі супраць Рэчы Паспалітай, але і супраць самога Пана Бога», займаліся

рабункам і разбоем [11, с. 383–384]. Пуціўльскі ваявода Пляшчэеў паведамляў расійскаму цару, што «копаяцца и идут многие мужики ис тех литовских городов к тем же самовольным казаком в сход, а иные, собравшись, побивают и грабят по дорогам ляхов и жидов» [14, с. 25].

Сучаснікі падзей адзначаюць жудасныя рэчы, якія рабілі азвярэлыя паўстанцы: «люди своевольные и пашенные мужики, побивъ пановъ своихъ въ ихъ маестностяхъ, а у панскихъ жонъ у беременныхъ брюха распарывали и многое ругательство делали» [5, с. 227]. У Старадубе паўстанцы разам з казакамі забілі каля 1300 яўрэяў [7, с. 188]. Даходзіла да таго, што «склепи с трупами откопывали, мертвихъ тіла з гробовъ выкидали и обдирали и в том одію ходили» [2, с. 54]. «Казацкі тэрор» заспеў аднак не толькі прадстаўнікоў прывеліюванай часткі грамадства ВКЛ і яўрэяў, ён балюча ўдарыў і па саміх сялянах і мяшчанах. Саюзніцтва казакоў з татарамі прывяло да таго, што «многіе в неволю татарскую пойшли». На сабе адчулі гнеў казакоў і паўстанцаў «ремесники молодіе, которіе себѣ головы голили по-польску, чуприну пускаючи наверхъ головы» [2, с. 54]. Такім чынам, «казацкі тэрор», які панаваў на Палессі і ў Падняпроўі ўлетку 1648 г., так або інакш закрануў усе пласты грамадства ВКЛ і быў і па форме, і па зместе прыкладам палітыкі татальнага вынішчэння моўна і культурна асіміляванай рускай шляхты, часткі мяшчан і сялян, а таксама яўрэйскага насельніцтва.

Другім абліччам казацка-сялянскай вайны з'яўляецца «тэрор шляхецкі». Гэтая з'ява прыпадае на другі этап вайны і праяўляецца напрыканцы восені 1648 – у першай палове 1649 г. Наступленне войска ВКЛ на чале з Янушам Радзівілам паклала канец панаванню казакоў у Палессі. Літоўскае войска ў снежні 1648 г. увайшло ў Брэст, а пасля рушыла ў накірунку Пінск – Тураў – Мазыр – Бабруйск – Рэчыца, знішчаючы ўсё і ўсіх, хто быў звязаны з казакамі. Расійскі ганец дзяк Кунакоў паведамляе цару Аляксею Міхайлавічу, што «около Оршы, и Менска, и Новогородка, и Слонима и Брести Литовской на паляхъ многіе люди, а иные на колье четвертованые» [5, с. 297]. У Брэсце, пасля уваходу ў горад шляхецкага войска «жолнери ... и доостольное разоряють и поклажеевъ мещанскихъ и жидовскихъ ищутъ, и везде землю роютъ, и остальцовъ мещанъ и мещанскихъ детей изъ поклажеевъ мучатъи огнемъ жгутъ» [5, с. 297]. Такім чынам, жыхарам горада пасля казацкай стыхіі давялося адчуць на сабе яшчэ і лютасць раз'юшанай шляхты. Дорага заплацілі мяшчане Пінска за сваю падтрымку казакоў: «Пинескъ разориль стражникъ Литовской Мирскій и мещанъ побилъ больши 3000 ч. и женъ ихъ и детей велель побить безъ милости» [5, с. 297]. Пінск аказаўся настолькі разбураны, што яго ўладальнік канцлер ВКЛ Альбрэхт Станіслаў Радзівіл у чэрвені 1649 г. звярнуўся ў Галоўны Трыбунал ВКЛ з пратэстам на неапраўдана жорсткія дзеянні «Мірскага ерэтыка, рэгіментара войска». А.С. Радзівіл ацэньвае дэмаграфічныя страты ў Пінску ў 14 тыс. чалавек «малыхъ і старыхъ» [15, с. 351]. Пакаранне Пінска стала прыкладам для іншых паўстаўшых гарадоў. Жорсткасць у Пінску не была выпадковай, а наўмыснай і мэтанакіраванай, што адзначалі ўжо сучаснікі. «Паколькі гэты горад быў адным з галоўных казацкіх прыстанішчаў, палякі для запалохвання іншых абрабавалі яго і пераўтварылі ў попел», – адзначае французскі вандроўнік П. Шэвалье [16, с. 99].

Пасля захопу войскам Я. Радзівіла Давыд-Гарадка ў мястэчку і наваколлі было пакарана смерцю рознымі прыёмамі 18 чалавек. Пры гэтым варта адзначыць, што пакаранню былі падвергнуты толькі тыя асобы, што супрацоўнічалі з казакамі. «Нявінных як у горадзе, так і ў воласці Давыд-Гарадзецкай усіхъ вызваліў і цэлымі пакінуў», – паведамляе аўтар [17, арк. 7]. У Тураве, тыя з мяшчан мяцежнага горада, якія падтрымалі паўстанцаў і не здолелі адступіць, паводле паведамлення самога Я. Радзівіла, усе былі «пад корань перабіты». Пасля штурму Мазыра захопленыя казакі і іх паплечнікі былі жорска пакараныя. Казацкі правадыр Міхненка трапіў у палон і быў пасаджаны на палю. Шляхціц Б.К. Маскевіч паведамляе: «Мы ж, калі заканчвалі пачатую перамогу, секлі і палілі дамы. Больш за іншых пры гэтым адзначыліся немцы, якія не шкадавалі не толькі саміх казакаў, але і жанчын і дзяцей, уцякаў хто мог, але не шмат хто з іх выратаваўся, ... затым запалілі горад» [18, с. 434–435]. На падзеі ў Палессі рэзка адрэагаваў сам гетман Б. Хмяльніцкі. У лісце да Я. Радзівіла ён абурэецца і не разумее, як польны гетман дазваляе сабе «людзей нявінных, хрысціян веры нашай ... на палі саджаць і мардаваць» [19, с. 96–97]. У Чэрыкаве жаўнеры Радзівіла «казакаў,

выбраўшы з паўтара ста чалавек, адсеклі правыя рукі да запясця, а 50 чалавек на палі пасаджалі, а астатніх казакоў і іх жонак і дзяцей парубілі ўсіх» [20, с. 214]. У Лоеве адбылася падобная сітуацыя, тут шляхціцы бязлітасна «казакоў і іх жонак пасеклі ўсіх» [14, с. 39].

Сапраўды жаўнеры бязлітасна знішчалі ўсё звязанае з казацкай стыхіяй: «Литовские места отъ жолнерей погибли и развоеваны паче козаков», адзначае расійскі ганец [5, с. 399]. Цікава, што ўжо сучаснік падзей так адгукаецца аб дзеяннях шляхты: «пограбля мещанские животы и разоря ихъ совсемъ, на паля вzbиваютъ и рубятъ без милости, даючи причину, будто они Речи Посполитой издрайцы, а Черкасомъ и гультайству доброхоты и съ ними одноверцы» [5, с. 296]. Такім чынам, старонні назіральнік ставіць дзеянні казакоў і шляхты ў адзіны шэраг. Жыхары Бабруйска, навучаныя прыкладам папярэдніх гарадоў, вырашалі не супраціўляцца Радзівілу і самі адкрылі брамы горада. Як паведамляе расійскі дзяк Кунакоў ахвярамі «шляхецкага тэрору» сталі больш за 1000 бабруйскіх мяшчан, з якіх 800 чалавек пазбавіліся рукі, 150-ці чалавекам былі сцяты галовы, 100 пасаджаны на палю. Разам з тым, сам Кунакоў не быў у Бабруйску, а непасрэдна відавочца «экзекуцыі» нямецкі храніст Й. Шледэр падае іншыя дадзеныя: «8 старшын пасаджаны на палі, каля 40 былі сцяты, былі адсечаны каля 270 правых рук [у мяцежнікаў – С.Ч.], пасля чаго астатніх адпусцілі, каб яны маглі пайсці да сваіх братоў і распавесці пра тое, як жорстка робяць з падданымі, калі яны паўстаюць супраць улады» [21, с. 24]. Горад застаўся цэлы, жаўнер, які паспрабаваў адабраць у бабруйчанкі хустку, быў павешаны на браме ля яе хаты. Шляхецкі тэрор быў мэтанакіраваным, планамерным і наўмысна жорсткім. Я. Радзівіл сваёй тактыкай у Бабруйску жадаў паказаць мяшчанству паўстаўшых гарадоў Падняпроўя магчымы шлях супрацоўніцтва – разрыў мяшчанамі сувязі з казакамі гарантаваў паўстаўшаму гораду магчымасць уратавання. Шляхам жорсткіх мер, шляхам тэрору Я. Радзівіл у 1649 г. усталёўваў парадак на Русі.

Казацка-сялянская вайна 1648–1651 гг. стала вынікам вялікіх супярэчнасцей, якія наспявалі ў грамадстве ВКЛ у першай палове XVII ст. Вастрыва праблем і немагчымасць іх вырашыць мірным шляхам, шляхам улічвання інтарэсаў усіх пластоў грамадства Рэчы Паспалітай надалі гэтай вайне такі жорсткі і бескампрамісны характар. Па сваёй форме, дзеянні паўстанцаў у ВКЛ вельмі нагадваюць дзеянні французскіх сялян падчас Жакерыі, хаця паміж абедзвюма падзеямі ляжыць адрэзак часу ў 300 гадоў. У адрозненне ад казакоў, якія пераследвалі дакладна пастаўленыя палітычныя мэты, якія стварылі моцную вайсковую арганізацыю, рускія паўстанцы у ВКЛ не выпрацавалі нейкай канкрэтнай праграмы дзеянняў, а ў якасці мэты паўставала аморфная ідэя знішчэння шляхты, яўрэяў і ўсяго таго, што было звязана з сацыяльным і этнаканфесійным прымусам. Шляхта, у сваю чаргу, шляхам тэрору імкнулася адпомсціць рускім сялянам і мяшчанам за іх падтрымку казакоў, за той жах, які яна адчула ўлетку 1648 г., за тое, што яна страціла ў гэты час. Паміж шляхтаю і сялянска-мяшчанскімі масамі ўтварылася прорва нянавісці адно да аднаго, што значна аслабіла ўнутраную моц Польша-Літоўскай дзяржавы і адыграла вялікую ролю ў падзеях наступных 50–60-х гг. XVII ст.

Літаратура

1. Абецедарский, Л.С. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века / Л.С. Абецедарский // Воссоединение Украины с Россией: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 440 с.
2. Літопіс Самовидця. – К. : Наукова думка, 1971. – 207 с.
3. Pamiętniki Łosia towarzysza chorągwi pancerniej Władysława margrabi Myszkowskiego wojewody Krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667. – Kraków : Nakładem księgarni D.E. Friedlena, 1858. – 120 s.
4. Piwarski, K. Opozycja litewska pod koniec XVII wieku / K. Piwarski // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. – Lwów nakładem polskiego towarzystwa historycznego, 1931. – S. 82–83.
5. Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссією. – СПб. : Въ тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – 604, 134, 22 с.
6. Тяготы времён. Хроника Мейера из Щебржешина // Еврейские хроники XVII столетия : (Эпоха «хмельничины»). – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 287 с.

7. Сабботай Гакоген. Послание / Гакоген Сабботай // Еврейские хроники XVII столетия : (Эпоха «хмельничины»). – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 287 с.
8. Pamiętnik o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez Nieznanego autora. Wydanie z rękopismu. – Wrocław : Nakładem Zygmunta Schlettera, 1842. – 144 s.
9. Пучина Бездонная. Хроника Натана Ноты Ганновера // Еврейские хроники XVII столетия : (Эпоха «хмельничины»). – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 287 с.
10. Исторический памятник о Пинске // Чтения общества истории и древностей Российских. – М., 1847. – Т. 5. – С. 33–35.
11. Собрание древних грамотъ и актовъ городовъ Минской губернии, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. – Минскъ : Въ Губернской типографіи, 1848. – 402 с.
12. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – Киев : Наукова думка, 1965. – 825.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 694. – Воп. 6. – Спр. 4233. – Л. 569–672.
14. Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов: в 3 т. – Мн. : Изд-во Академии наук БССР, 1960. – Т. II. – 560 с.
15. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza W. Litowskiego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań : u braci Scherków, 1889. – Т. 2. – 490 s.
16. Шевалье, П. Історія війни козаків проти Польщі. З розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар / П. Шевальє ; Пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ : Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.
17. НГАБ. – Ф. 694. – Воп. 4. – Спр. 899. – Арк. 7. – Ліст Я. Радзівіла аб пакаранні казакаў і паўстанцаў у Давыд-Гарадку і наваколлі (9 лют. 1649 г.).
18. Дневник Богуслава Машкевича. 1643–1649 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси: вып. II. (первая половина XVII ст.) ; под ред. В. Антоновича. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1896. – С. 406–438.
19. Документи Богдана Хмельницького (1648–1657). – К. : Вид-во Акад. Наук УРСР, 1961. – 740 с.
20. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3-х т. – М. : Издат-во Акад.наук СССР, 1953. – Т. 2. – 559 с.
21. Уривки з німецької хроніки «Театр Європи» // Сіверянський літопис. – 1999. – № 2. – С. 24–31.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.3'373:398.92*Я.Колас:177.2

Рэпрэзентацыя маўленчай дзейнасці чалавека ў фразеалогіі Якуба Коласа

Н.А. БОГДАН

На матэрыяле фразеалагічных адзінак, што рэпрэзентуюць маўленчую дзейнасць чалавека, раскрыты адзін аспект вобраза беларуса ў фразеалогіі мовы твораў Якуба Коласа, вылучаны галоўныя рэпрэзентанты. Вызначаны вобразныя асацыяцыі, якія абумоўлены нацыянальна-культурным светабачаннем і ментальнасцю беларускага народа, яго светаўспрыманнем.

Ключавыя словы: саматычныя фразеалагізмы, фразеалогія, маўленчая дзейнасць, вобразныя асацыяцыі, метафарызацыя.

An aspect of the image in the phraseology of the Belarusian language in the works of Yakub Kolas is disclosed, the main representants are highlighted on the material of phraseological units, which represent the speech activity. Figurative associations, due to national-cultural worldview and mentality of the Belarusian people and its worldview are determined.

Keywords: somatic idioms, phraseology, speech activity, figurative associations, metaphORIZATION.

Сучасная лінгвістыка робіць акцэнт на неабходнасці глыбокага шматбаковага вывучэння чалавека і яго шматмернага свету як унікальнага аб'екта пазнання. Адною з формаў пазнавальнай дзейнасці чалавека, спосабу яго грамадскай актыўнасці, сацыялізацыі выступае маўленне. Маўленчая дзейнасць – гэта такі працэс, функцыянальна-смантычная сфера якога вызначае адзін з важнейшых аспектаў жыццядзейнасці чалавека. Паводле тлумачальнага слоўніка беларускай мовы, маўленне – гэта «вуснае “і пісьмовае валоданне моваю; моўная дзейнасць”» [1, с. 124].

Маўленчая дзейнасць, паводле Ф. Дэ Сасюра, аб'ядноўвае мову і маўленне, якія адрозніваюцца тым, што мова – з'ява сацыяльная, а маўленне – з'ява індывідуальная, рэальная, дыяхранічная, асістэмная. Па-іншаму падыходзіў да тлумачэння структуры і састаўных частак маўленчай дзейнасці Л.У. Шчэрба. Апошняю даследчык тлумачыў як «акты гаварэння і разумення». У адрозненне ад Ф. Дэ Сасюра Л.У. Шчэрба лічыў моўную сістэму абстрактнай сутнасцю. Вядомы мовазнавец А.І. Смірніцкі пры аналізе структуры мовы не выкарыстоўваў паняцце 'маўленчая дзейнасць', але ён больш шырока і змястоўна разглядаў паняцце 'маўленне'. Даследчык вылучаў тры формы маўлення: вуснае маўленне, якое мае знешні гукавы бок; пісьмовы тэкст, які мае знешні графічны бок; мысленнае маўленне, якое не мае знешняга боку. Вусная і пісьмовая формы існавання маўлення складаюць яго аб'ектыўны бок і адносяцца да знешняга маўлення, а мысленнае маўленне існуе толькі ў суб'ектыўнай форме і ўяўляе сабой унутранае маўленне. А.Я. Супрун разумее пад мовай пэўнае ўстройства, якое спараджае моўны прадукт. Працэс спараджэння называецца маўленнем, а прадукт спараджэння – тэкстам, які мае вусную і пісьмовую формы. Маўленне з'яўляецца індывідуальнай з'явай, якая характарызуе кожнага чалавека і з'яўляецца аб'ектам вывучэння не толькі лінгвістаў, але і філосафаў, сацыёлагаў, літаратуразнаўцаў, псіхолагаў, фізіёлагаў, лагапедаў, спецыялістаў па тэорыі камунікацыі і інш.

Своеасаблівымі моўнымі адзінкамі, арыентаванымі непасрэдна на чалавека і адлюстраванне перш за ўсё такога працэсу пазнання ім акаляючай рэчаіснасці і самога сябе як маўленчая дзейнасць, з'яўляюцца фразеалагічныя адзінкі (ФА). Слушна на конт гэтага зазначае Ю.С. Сцяпанаў, сцвярджаючы, што «ў мове да нас адлюстравана шматвекавое пазнанне свету» [2, с. 921]. ФА выступаюць адным з галоўных сродкаў рэканструкцыі моўнай карціны свету ўвогуле і яе фрагментаў у прыватнасці, узнаўлення нацыянальнага вобраза чалавека, нацыянальна-культурнай спецыфікі. Адным з такіх фрагментаў у моўнай карціне свету беларусаў і з'яўляецца маўленчая дзейнасць чалавека.

У межах артыкула аб'ектам вывучэння абрана адна група – саматычныя фразеалагізмы (СФ), што рэпрэзентуюць маўленчую дзейнасць. Паколькі праз аналіз такіх адзінак, як сцвярджае В.А. Ляшчынская, «выяўляюцца закадзіраваныя ў іх веды пра свет, эталоны і стэрэатыпы нацыянальнага бачання і разумення свету, назначэння чалавека ў ім і інш.» [3, с. 52–53]. Дадзенае пытанне ў фразеалогіі яшчэ не атрымала шырокага вывучэння, што і абумовіла наш зварот менавіта да гэтай тэмы.

Мэта нашага артыкула – раскрыць адзін аспект вобраза беларуса ў фразеалогіі Якуба Коласа на матэрыяле СФ, што рэпрэзентуюць маўленчую дзейнасць чалавека. Крыніцай збору ўстойлівых адзінак паслужыў «Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Якуба Коласа» [4], з якога метадам суцэльнай выбаркі вылучаны СФ з агульным значэннем 'маўленчая дзейнасць'.

Так, у аснове вобразаў СФ абраны найменні розных органаў і частак цела чалавека, якія дапамагаюць раскрыць і ахарактарызаваць маўленчую дзейнасць беларуса ў мове Якуба Коласа.

1. **Язык** – найбольш частотны ў ФА структурны кампанент для ахарактарыстыкі маўленчых паводзін чалавека ў фразеалогіі мовы твораў Якуба Коласа. Паводле тлумачальнага слоўніка, *язык* – 'орган чалавека, з дапамогай якога ён гаворыць, перадае свае думкі; орган мовы' [5, с. 493]. Язык сімвалізуе мову, маўленне, а вобразы, якія ён выклікае ў нашым уяўленні, ахарактарызуюць, вызначаюць і даюць ацэнку маўленчай дзейнасці чалавека. З'яўляючыся часткай унутранай формы ФА, гэтая лексічная адзінка не страчвае сувязі з названай рэаліяй – органам моўнага апарату, хоць пры гэтым і актуалізуюцца розныя аспекты як самой рэаліі, так і яе ролі ў працэсе маўлення. ФА з кампанентам *язык* абазначаюць перш за ўсё здольнасць чалавека гаварыць: *даваць (даць) волю языку* 'дазваляць (дазволіць) сабе гаварыць лішняе', *распусціць язык (параспускаць языкі)* 'нагаварыць многа лішняга, не стрымліваючыся ў сваіх выказваннях', *язык развязаць* 'разгаварыцца, пачаць шмат гаварыць (пасля маўчання)', *не шкадаваць языка (не пашкадаваць языка)* 'многа гаварыць, сказаць лішняе, бесперапынна балбатаць', *малоць языком (намалоць языком)* 'гаварыць (сказаць) абы-што, пустое, без толку', *мянціць языком (языкі мянціць, цярэбіць языкамі)* 'гаварыць многа і без толку, гаварыць бязглуздзіцу, глупства', *секчы языком* 'гаварыць рэзка, дзёрзка, груба'. Язык у дадзеным выпадку з'яўляецца свайго роду «інструментам» мовы, сімвалізуе маўленне і разам з тым ахарактарызуе чалавека, выкрываючы адмоўныя бакі яго характару. Так, у кантэксце *Ну, хлопцы, годзе языкі мянціць!* – сказаў стары Пятрусь, а то і сонца нам зойдзе ў балоце. *Бярэцесья!* (У балоце. V, 449), дзякуючы СФ *языкі мянціць*, Пятрусь звяртае ўвагу на балбатлівасць, пустаслоўе хлопцаў, якія гавораць многа і без толку, гавораць бязглуздзіцу, глупства.

У фразеалогіі мовы Якуба Коласа знайшло адлюстраванне і тое, як язык удзельнічае ў маўленні. Так, у аснову вобраза пакладзены рух языка (*вярнуць язык* 'аднавіць голас, мову, узнавіць здольнасць параджаць гукі', *язык ходзіць спрытна* 'пра чалавека, які ўмее дасціпна гаварыць, пераканаўча выказваць свае думкі', *мянціць языком (языкі мянціць, цярэбіць языкамі)* 'гаварыць многа і без толку, гаварыць бязглуздзіцу, глупства', *язык ходзіць спрытна* 'пра чалавека, які ўмее дасціпна гаварыць, пераканаўча выказваць свае думкі') ці адсутнасць руху, нерухомасць (*язык не варушыцца* 'нехта раптоўна змоўк, страціў здольнасць гаварыць (ад здзіўлення, страху і г. д.)', *язык не павярнуўся (язык не ў той бок павярнуўся)* 'нехта не асмеліўся што-н. сказаць, спытаць і пад.').

Апрача таго, ФА з кампанентам *язык* даюць ацэнку маўленчым здольнасцям чалавека. Асаблівасці маўлення перадаюць прыметнікі, якія ўваходзяць у склад такіх ФА. Так, у аснове СФ *востры язык (васцёр на язычок)* ляжыць форма «інструмента» маўлення, дзе *востры* азначае 'з заостраным канцом або краем' (прам.), 'дасціпны, з'едлівы' (перан.) [6, с. 507], што паўплывала на семантыку СФ – 'пра дасціпнага, з'едлівага ў размове чалавека'. У семантыцы СФ *доўгі язык* выяўлена такая рыса языка, як яго даўжыня. Такі памер языка ўспрымаецца ў фразеалогіі адмоўна, што і замацавалася ў яго значэнні – 'пра вельмі балбатлівага, нястрыманага ў размове чалавека'. У семантыцы СФ *здатны на язык (спрытны на язык)* 'колкі, дасціпны, знаходлівы ў спрэчках (чалавек)' праз семантыку прыметнікаў выяўлена ўмельства языка. Значэнне прыметніка *лёгкі* 'спрытны, хуткі (пра

паходку, рухі і інш.)» [1, с. 40] паўплывала на вобраз, пакладзены ў аснову СФ *лёгкі на язык* «пра залішне гаваркога чалавека, які любіць многа гаварыць». У семантыцы прааналізаваных ФА адлюстравана вобразнае пераасэнсаванне саматызма *язык*, які выступае сімвалам маўлення, а атрыбутыўнае значэнне ўдакладняе гэтак маўленне, вызначае яго асаблівасці, характарызуючы пры гэтым самога чалавека праз яго маўленчую дзейнасць. Выразна гэта назіраецца, напрыклад, у кантэксце *Прызнацца*, *Андрэй нават не рад быў, што ссек гэты дубок: мала што можа стацца! Быць не можа, каб хто не бачыў, як ён пхаўся ўночы з лесу. А **языкі** ў людзей **доўгія*** (Малады дубок. IV, 155).

Маўклінасць чалавека перадае СФ *без языка* «пра маўклівага чалавека, які не ўмее складна, добра гаварыць», у аснову якога пакладзены вобраз адсутнасці «інструмента» маўлення.

Як вядома, пры фіксаваным становішчы языка працэс маўлення ўяўляецца немагчымым. Маўчанне перадаюць СФ *трымаць на прывязі язык* «маўчаць, не гаварыць», *трымаць язык за зубамі* «маўчаць, не гаварыць лішняга, быць асцярожным у выказваннях». Так, у аснове СФ *трымаць на прывязі язык* «маўчаць, не гаварыць» ляжыць вобраз, які ўзыходзіць да адной з самых старажытных формаў культуры – да анімістычнага светаўспрымання, якое адухаўляе і ўвасабляе, у прыватнасці, часткі цела чалавека. У гэтым вобразе метафарычна пераплятаюцца цялесны і зааморфны коды культуры: язык чалавека, які метанімічна атаясамліваецца па сумежнасці з яго маўленчай здольнасцю, адначасова ўключаны і ў зааморфную метафару, якая прыпадабняецца да языка жывёлы, якая праз свае непрагназаваныя паводзіны ўтрымліваецца на прывязі.

Вобраз СФ *трымаць язык за зубамі* «маўчаць, не гаварыць лішняга, быць асцярожным у выказваннях» узыходзіць да міфалагічнага анімістычнага светаўспрымання. Тут цесна пераплятаюцца цялесны і прасторавы коды культуры. Язык атаясамліваецца з маўленчай дзейнасцю чалавека. Разам з тым СФ адначасова ўключаны ў прасторавую метафару: прастора, якая знаходзіцца за зубамі, асацыіруецца з поласцю рота, зубы – перашкода для выхаду слоў, гукаў. Так, у кантэксце [Бабка Наста накідваецца на дзеда Талаша:] *Стары, стары! **Свярбіць** табе язык. **Трымай** ты яго за зубамі* (У пушчах Палесся. X, 44) бабка павучае дзеда, які любіць увесць час пагаварыць (*свярбіць язык*), маўчаць, быць асцярожным у сваіх выказваннях (*трымаць язык за зубамі*).

Магчыма і такая сітуацыя, калі язык могуць «прыкусіць» ці «завязаць»: *прыкусіць язык* «раптоўна замаўчаць, устрымацца ад выказванняў» (*Адгукнуліся пакоі, Падхапілі гошчы зык; Спалі жартаў тых настроі, **Прыкусілі** ўсе язык*. Сымон-музыка. VI, 418), *язык завязаць* «прымусіць замаўчаць каго-н., патрабаваць ад каго-н. не гаварыць» (– ***Язык** ёй [Мар’янцы] трэба завязаць, гэта перш за ўсё, каб маўчала*. На «святой зямлі». V, 333).

2. *Рот і губы* – важныя органы маўленчай дзейнасці чалавека, што паўплывала на выкарыстанне гэтых кампанентаў у структуры ФА мовы твораў Якуба Коласа. Так, паводле тлумачальнага слоўніка, *рот* – «поласць паміж верхняй і ніжняй сківіцамі і шчокамі да глоткі; разрэз губ» [7, с. 717]. *Губа* – «скурна-мускульная рухомая складка, якая ўтварае край рота» [8, с. 90]. Рот і губы могуць яшчэ называць і *вуснамі* [6, с. 514]. Так, пачатак маўлення перадаюць СФ *адчыніць рот* «пачаць гаварыць; загаварыць», *расчыніць рот* «крычаць», *развіць рот* «паведаміць аб кім-н. што-н.», *расчыняць губы* «пачынаць гаварыць», *раскрываць вусны (расчыніць вусны)* «пачынаць гаварыць, выказвацца».

Па «актыўнасці ўдзелу» вуснаў (губ) чалавека ў маўленні мяркуюць пра яго як пра суразмоўцу. Так, на балбатлівасць, неабдуманасць падчас размовы ўказваюць СФ *губа не зачыняецца* «пра балбатлівага, празмерна гаваркога чалавека», *губою лёнаць* «гаварыць пра што-н. неабдуманая». Напрыклад, *На Уладзю бацька напусціўся, – Глядзі: Я бачу – распусціўся! Маўчаў бы лепш ды хоць шалопаў Ды мени **губою** гэтай **лёнаў*** (Новая зямля. VI, 185).

Залішне гаваркому чалавеку, які выяўляе схільнасць да размоў і ахвочы заўсёды паразмаўляць, часам прыходзіцца *затыкаць рот (заткнуць рот)* «примушаць замоўкнуць каго-н.; не даць загаварыць каму-н.», *зачыняць рот (заціскаць рот)* «примушаць маўчаць, пазбаўляць каго-н. магчымасці выказаць сваю думку», *зашыць губу* «вымушаны замоўкнуць». У вобразах гэтых СФ пераплятаюцца цялесны код і код фізічна-дзейнасны, які валодае прасторава-аб’ёмным вымярэннем: рот, губы чалавека, якія метанімічна атаясамліваюцца па

сумежнасці з маўленчай здольнасцю, адначасова ўключаны і ў прасторавую, і ў дзейнасную метафару, якая прыпадабняе рот чалавека да таго, што можна заціснуць (зачыніць, затыкаць), а губы зашыць, каб тым самым не даць выйсці таму, што знаходзіцца ўнутры.

Сродкам маўлення выступаюць вусны чалавека, што знайшло адлюстраванне ў СФ на вуснах ‘пра тое, што пастаянна паўтараецца, абмяркоўваецца і да т. п.’, з *вуснаў* у *вусны* (перадаваць) ‘ад аднаго да другога; шляхам перадачы жывым словам, не пісьмова’. Напрыклад: *Яны [словы] перайшлі з вуснаў у вусны, іх паўтарылі многія творцы і будаўнікі нашага сягоння і нашага заўтра* (На шляху да камунізма. XI, 421).

3. Яшчэ адным семантычным «цэнтрам» у СФ Якуба Коласа, якія выражаюць маўленчыя паводзіны чалавека, выступае назойнік *зубы*, з якім звязана значэнне ‘косцэпадобны орган у роце для адкусвання і размяжоўвання ежы’ [8, с. 517]. Зубы выступаюць перашкодай для свабоднага праходжання струменя паветра падчас маўлення. СФ з дадзеным кампанентам валодаюць адмоўнай канатацыяй. Так, дрэнна ўспрымаецца гаворка чалавека *скрозь зубы* (працадзіць) ‘неразборліва, невыразна (гаварыць)’, дзе зубы з’яўляюцца своеасаблівым «бар’ерам» для вымаўлення слоў. Напрыклад, у кантэксце – *Сястрыцы! да гэта ж скажоны! – Скрозь зубы яна [Кася] працадзіла* (Адплата. VIII, 372) якасць маўлення гераіні з дапамогай СФ *скрозь зубы* характарызуецца з адмоўнага боку.

Для таго, каб падмануць чалавека, яму звычайна імкнучца *загаворваць зубы* (*замаўляць зубы*) ‘знарок адцягваць увагу суб’яднага ад чаго-н. важнага, пабочнымі размовамі ўхіляцца ад прамога адказу’: – *Да ты мне зубы не загаварвай, бамбіза!* (На прасторах жыцця. VII, 33). Як вядома, у старажытнасці гэта дзеянне ўжывалася ў замовах знахароў, калі загаворваўся зубны боль, і пры гэтым хворы забываўся на яго і менш пакутаваў. Адмоўна характарызуе маўленне ды і чалавека ў цэлым СФ *званіць зубамі* ‘разносіць непрыемныя чуткі, весткі, плёткі’, што выразна бачна ў кантэксце: – *Ах ты, чортава шлюндра! Пайшла па вуліцы зубамі званіць, языком мянціць, каб ён табе высах ды выпетраў, – крычала Акуля* (У палескай глушы. IX, 51). Акуля ўжывае адначасова два СФ *зубамі звінец* і *языком мянціць*, што яшчэ больш узмацняе характарыстыку маўлення жанчыны з адмоўнага боку.

4. Маўленчую дзейнасць чалавека ў фразеалогіі мовы твораў Якуба Коласа характарызуюць ФА з кампанентам *горла* (‘храстковая трубка, якая змяшчаецца ў пярэдняй частцы шыі і з’яўляецца пачаткам стрававода і дыхальных шляхоў’ [8, с. 71]) ці *глотка* (‘частка стрававальнага апарату – мышачная трубка, якая злучае поласць рота са страваводам’ [8, с. 57]). У семантыцы ФА дадзенага семантычнага тыпу з назойніковым кампанентам *горла* дамінуе сема маўленчай дзейнасці ‘крычаць, лаяцца’: *драць горла* ‘вельмі моцна гаварыць, крычаць, спяваць’, *на ўсё горла* (*ва ўсё горла*) (крычаць, гукаць) ‘вельмі моцна (крычаць, гукаць)’. Напрыклад: – *Што дзярэш тут горла? – грозна накінуўся ён [пісар] на Лукаша* (На ростанях. IX, 424); *А Анцыпік крычаў на ўсё горла: – Пусці мяне да Ганны!* (На ростанях. IX, 433).

У якасці асноўнага сродку перадачы інфармацыі чалавек выкарыстоўвае не толькі органы моўнага апарату, але і *голас* – ‘гукі, якія ўзнікаюць пры размове, крыку або спеве дзякуючы хістанню галасавых звязак’ [8, с. 67]. Яго інтанацыя можа паказваць на эмацыйны стан чалавека падчас гутаркі: *падаваць голас* (*падаць голас, падаваць галасок*) ‘адзвацца (азвацца), заяўляць (заявіць) пра сябе, пра сваю прысутнасць; рашуча выказаць сваю думку’, *падымаць голас* (*падняць голас*) ‘рашуча выказаць (выказаць) сваю думку; выступаць (выступіць)’, *узнесці голас* ‘выказаць застольнае пажаданне, сказаць тост’, *узнямаць голас* (*узняць голас*) ‘рашуча выказаць (выказаць) сваю думку’. Падчас гутаркі суразмоўцы могуць таксама гаварыць у *адзін голас* ‘аднадушна, дружна, згодна’. Напрыклад: – *Кінь, Андрэіч, абы што казаць, – у адзін голас загаманілі члены камісіі і замахалі рукамі, – перастань ты курэй смяшыць* (Курская анамалія. V, 101). Так, у дадзеным кантэксце СФ у *адзін голас* не толькі характарызуе якасць маўлення людзей, але і ўказвае на згоду ў іх думках.

5. Своеасаблівым «сховішчам» любой інфармацыі з’яўляецца *галава* – ‘верхняя частка цела чалавека, якая заключае ў сабе мозг’ [8, с. 15]. Менавіта таму, калі неабходна данесці нейкія звесткі так, каб яны надоўга захаваліся ў памяці, чалавеку неабходна гэтую інфармацыю ўдзяўбіць у *галаву* ‘пераканаць каго-н. у чым-н.’, як гэта газіраецца ў кантэксце

Ды станоўкі быў гэты дзед: нічым яго не пераставіш, ніяк не ўдзяўбеш яму ў галаву, што схадней зрабіць новы кажух (Кажух старога Анісіма. V, 472). Як відаць, чалавек прымае не ўсякую інфармацыю, а толькі тую, якая з'яўляецца для яго важнай і неабходнай. У такім выпадку суразмоўца падчас маўлення можа пайсці на розныя хітрыкі, *дурыць галаву* 'надакучаць каму-н. глупствамі, прыставаць з дробяззю да каго-н.', як Насця з кантэкста: – *Збудзеш адзін клопат, другі набяжыць, праўдзівей – Насця выдумае яго. Так вось і цяпер: дурыць галаву, каб купіў сабе паліто* (Адукацыя. V, 200).

Сродкам атрымання інфармацыі пра навакольны свет, як вядома, з'яўляюцца органы пачуццяў – вушы, вочы, нос. **Вочы** – «найважнейшая частка галавы і твару чалавека» [9, с. 150]. Менавіта праз іх «праходзіць» большая частка інфармацыі з навакольнага асяроддзя. Вочы – орган зроку, які ў народных уяўленнях успрымаецца як «уваход у цела чалавека» [10, с. 92]. Нездарма яшчэ з даўніх часоў у беларусаў вачам надавалася таямнічая магічная сіла. Па тым, як чалавек гаворыць – у *вочы* (гаварыць) 'у прысутнасці каго-н., адкрыта і нічога не хаваючы (гаварыць, ляяць і пад.)' ці *за вочы* 'завочна, у адсутнасць каго-н. (гаварыць аб ім што-н., нагаворваць на яго, смяяцца з яго і пад.)', можна меркаваць пра яго маральныя якасці. Напрыклад, у кантэксце *Убіраў юнак у сэрца З'яў тых сумныя акорды, Каб у вочы крыважэрцам Кінуць слова гневу цвёрда* (Янку Купалу. II, 79) менавіта праз спосаб маўлення мы назіраем смеласць і адкрытасць юнака. Ці, наадварот, у кантэксце *Там жа пакручваўся памочнік начальніка, знаёмы Лабановічу белабрысы хлопец, якога за вочы называлі Цвілым* (На ростанях. IX, 532) указваецца на негатыўны бок маўлення людзей, якія нагаворвалі, смяяліся з хлопца. Злы чалавек заўсёды стараецца *выкідаць (выкінуць) на вока* 'наўмысна і зласліва нагадаць (нагадаць) каму-небудзь пра што-н. непрыемнае, пра няўдачу': *Ну й надаедная ж кабета: Вось так і выкіне на вока!.. Міхал абураны глыбока, І гнеў мяняе яго вочы* (Новая зямля. VI, 96). У сітуацыі, калі патрабуецца захаваць прадмет размовы ў сакрэце ад іншых, гавораць *з вока на вока* 'без сведак, без пабочных асоб': *Адзін з маіх аднафамільцаў [...] прасіў перадаць мне, каб я прыехаў [...] пагутарыць з імі [землякамі] з вока на вока, шчыра і проста* (Дарагія землякі. XI, 214).

Своеасаблівым «каналам» прыняцця інфармацыі для чалавека з'яўляюцца **вушы**, паколькі маўленне, як патока гукавой інфармацыі, успрымаецца выключна на слых. Паводле народных уяўленняў, «вушы, акрамя адыгрывання фізіялагічнай функцыі – слухання, разумеліся як адтуліна, што вядзе ўнутр чалавечага цела, і таму ўспрымаліся як канал інфармацыі будзённа-сакральнага зместу з вонкавага свету» [10, с. 98]. Менавіта таму вушы пастаянна падвяргаюцца знешняму «ўздзеянню», што знайшло выражэнне ў СФ *лезці ў вушы* 'неадступна, назойліва дакучаць каму-н.', *мазоліць вушы* 'дакучаць, назаліць каму-н. пастаянным паўтарэннем чаго-н.', *увесці ў вушы* 'падказаць каму-н. неабходнасць якога-н. дзеяння, свядома паведаміць, расказаць пра што-н.' Інфармацыю пры гэтым чалавеку могуць паведамляць *на вуха* (гаварыць, шаптаць) (*на вушка* (шапнуць)) 'таемна, па сакрэту, ціха (сказаць)': *Дзямяню так намазоліць вушы гэтае «тэм-латадэм», што ён зрываецца ў адных портках і кашулі, хапае качаргу і вылятае, як бура, на вуліцу* (На начлезе. IV, 168–169).

Якасць маўлення чалавека характарызуе СФ *рэзаць вушы* 'непрыемна раздражняе слых'. У аснове вобраза дадзенай ФА ляжыць метанімія «орган слыху – слых». Здольнасць чалавека чуць атаясамліваецца са здольнасцю эмацыйна рэагаваць на што-небудзь. Вобраз СФ ў цэлым ствараецца рэчавай і цялеснай метафарамі, якія прыпадабняюць гучанне слова, маўленне да вострага прадмета, а сам працэс слухання – да рэзання вострым прадметам па чым-небудзь жывым. СФ *рэзаць вушы* перадае стэрэатыпнае ўяўленне аб непрыемным уздзеянні на слухача чаго-небудзь несапраўднага, грубага, недарэчнага.

Нос, як орган пачуццяў чалавека, не ўдзельнічае ў маўленні, аднак лексема *нос* ('выступ паміж вачамі і ротам на твары чалавека, які з'яўляецца пачаткам дыхальных шляхоў і органам нюху' [1, с. 415]) выкарыстоўваецца ў якасці структурнага кампанента ФА са значэннем маўленчых паводзін для характарыстыкі невыразнага маўлення: *пад нос* (бубніць, буркаць, гусці) 'вельмі ціха, незразумела (бубніць, бурчаць, гусці)': *Пан-ягомасць паліць нітку, Сам сабе пад нос гудзе* (Сымон-музыка. VI, 415).

Такім чынам, маўленчая дзейнасць чалавека ў фразеалогіі мовы твораў Якуба Коласа найбольш выразна прадстаўлена СФ, галоўнымі рэпрэзэнтантамі якіх выступаюць кампаненты *язык, рот, губы, вусны, зубы, горла, глотка, голас, галава, вочы, вушы, нос*, якія дазваляюць аўтару сцісла, ёміста абазначыць і даць ацэнку, ахарактарызаваць маўленне сваіх герояў. Нацыянальна-культурная аснова зместу большасці ФА прааналізаванага семантычнага тыпу ствараецца шляхам метафарызацыі. У аснове разгледжаных СФ ляжаць моўныя вобразы-эталоны, вобразныя асацыяцыі. СФ для абазначэння маўлення, маўленчай дзейнасці беларуса ўжываюцца з адмоўнай канатацыяй і найбольш перадаюць адмоўныя з'явы. Бо, як вядома, станю́чае – гэта норма, а негатыўнае – гэта тое, чаго патрэбна пазбягаць. СФ якраз і канцэнтруюць увагу на адмоўным, а вобраз, унутраная форма фразеалагізма выключна наглядна, вобразна даводзяць без маралі і натацыі, асуджае такія якасці чалавека, як пустаслоўе, балбатлівасць, пляткарства. Прааналізаваныя СФ, што рэпрэзэнтуюць маўленчую дзейнасць, дазволілі раскрыць толькі адзін аспект вобраза беларуса ў фразеалогіі мовы твораў Якуба Коласа.

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома П. М. Гапановіч. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1979. – Т. 3. Л–П. – 672 с.
2. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
3. Ляшчынская, В.А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія: вучэб. дапам. / В.А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 230 с.
4. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Якуба Коласа: звыш 6000 слоўн. арт. / уклад. А.С. Аксамітаў [і інш.] ; пад рэд. А.С. Аксамітава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома М. Р. Суднік. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1984. – Т. 5. Кн. 2: У–Я. – 608 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома М. П. Лобан. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1977. – Т. 1: А–В. – 503 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1980. – Т. 4. П–Р. – 768 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома А. Я. Баханькоў. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1978. – Т. 2: Г–К. – 768 с.
9. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 256 с.
10. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 504.

Писатели-фронтовики в современном информационном пространстве

В.В. ГОНЧАРОВ

Рассматривается творческая деятельность писателей-фронтовиков в контексте современного информационного пространства с проекцией на их историческое прошлое.

Ключевые слова: писатель-фронтовик, война, поколение, концепция, современность.

Creative activity of writers-veterans in the context of modern information space with a projection to their historical past is considered.

Keywords: writer-veteran, war, generation, concept, present.

Писатели-фронтовики – это целая генерация многое перенесших, бесстрашных, ответственных и талантливых людей. Они не только попытались постичь основополагающие уроки истории, но и отразили само историческое событие в подробных деталях. Для этого поколения Великая Отечественная война является достоверной реальностью.

Война выпала на молодые годы писателей, оставив в их душах неизгладимый след. Нельзя не согласиться с А.М. Адамовичем в том, что свидетелям и участникам война дала такой эмоциональный заряд, открыла им мир и человека в таких высоких и страшных проявлениях, что не писать об этом нельзя просто по причинам внутреннего – нравственного и психологического – порядка.

На долю писателей-фронтовиков выпала невероятная тяжесть войны. Но они не только остались несломленными, сохранили в себе лучшие человеческие качества, но и чутко передали душевное и духовное состояние людей, перенесших самую кровопролитную войну в истории.

Один из значимых представителей русской военной литературы Ю.В. Бондарев пишет: «Наше поколение – те, что остались в живых, – вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, непреходящую веру в будущее, в молодость, в надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена кровью, обжигающей душу ненавистью ко всему черному, жестокому, античеловеческому» [1, с. 54].

В современной литературной жизни писателям «военного призыва» представилась возможность осмыслить войну как пройденный этап биографии, взглянуть на свою судьбу и судьбу своих товарищей с учетом опыта прожитой жизни. По сути дела, речь идет о литературно-художественном конструировании исторической реальности, «тех образов прошлого, которые обрели социальную значимость, будучи субъективно переживаемые как воспоминания и воспринимаемые как знания» [2, с. 5–6].

По мнению Е.С. Сеньявской, такие конструирования «позволяют получить индивидуально пережитые и осмысленные сведения по определенному кругу вопросов, относящихся не только к объективным анкетным данным о самом респонденте, но и к обстоятельствам его участия в боевых действиях, особенностям фронтовой жизни и быта, к широкому спектру ценностных характеристик респондента» [3, с. 9]. И.В. Реброва отмечает: «При этом интерес представляют не только восстанавливаемые в памяти события военного времени и возникшие в тот период мысли и чувства, но и проблемы, связанные с выходом респондентов из войны, ее влиянием на их судьбу, включая мировоззрение, ретроспективное отношение к тому, что происходило с ними в годы войны» [4, с. 18].

Сегодня еще сохраняется уникальная возможность создать многообразное представление о событиях Великой Отечественной войны, проследить влияние господствующей идеологии, средств массовой информации, визуальных образов, опираясь на воспоминания писателей-фронтовиков, но, вместе с тем, – сквозь призму современности.

Г.Я. Бакланов отмечал: «Когда говорят о жизни серьезно, когда ищут и рассматривают пружины событий – нравственные, социальные, – это всегда современно. Но, кроме того, у писателя, – рассказывающего ныне о прошлом, например, о войне, происходит незримое наложение сего-

дняшних тревог, сегодняшнего желания понять жизнь, сказать людям нужное слово с тем, что он знает о прошлом... Я рассказываю о войне, о людях той поры, а мой сегодняшний взгляд и сегодняшнее знание помогают лучше понять ушедшее время. И наоборот, понимание закономерностей прошлого помогает увидеть закономерности нынешнего бытия» [5, с. 119–120].

Данная цитата уместна и по отношению к статусу «военного» писателя в современном информационном пространстве, так как вскрывает механизм творческих поисков художников, работающих над военной тематикой.

А.Г. Бочаров писал: «Фиксируя поступательное движение военной прозы, мы не мыслим его как беспрестанный подъем вверх, при котором любое произведение, написанное позже, уже в силу преимуществ исторической перспективы превосходит ранее написанное» [6, с. 10].

Ярким примером попытки беспристрастного осмысления прожитого является повесть А.М. Адамовича «Vіхі». Событийный ряд произведения составляют воспоминания писателя, связанные с историей и политикой. «В данной книге автор выразил на бумаге все пережитое в военные и послевоенные годы, все то, что оставило тягостные, горькие и угнетающие воспоминания. Также А.М. Адамович поднимает непростые вопросы современности, размышляет о перспективах государственного управления в рамках демократии, о гуманизме и высших силах мироздания» [7, с. 27].

Политические события, показанные с экрана телевизора, раздражали писателя, поэтому в его поле зрения – история времен «дадэмакратычных і датэлевізійных». Среди других историко-политических событий, описываемых автором, – пропажа Гитлера, которого искали в Берлине, Испании, Аргентине; деятельность партии.

Несмотря на самые сумрачные предчувствия, автор остается оптимистом: что было, то было, не вернешь назад, жизнь он прожил не зря, сумел немало хорошего и нужного совершить и в литературе, и в науке, и в гражданской сфере, а поэтому есть надежда на благодарность и светлую память потомков. Повесть завершается на высокой ноте, как и начиналась: «Так, жыццё пражыць – не поле перайсці. Як усё проста, але сказана назаўсёды, пра ўсіх. З Вечнасці перабегчы ў Вечнасць. А па шляху – столькі ўсяго» [8, с. 428].

Интересным представляется творческий путь В.П. Астафьева, талант которого прошел становление и закалку среди суровых фронтовых будней. Каждодневным кропотливым трудом, упорством и настойчивостью В.П. Астафьев развивал свои творческие способности. Свои первые неуверенные шаги как писатель он подкреплял беззаветной любовью к родине, выстраданной солдатом.

Эволюцию творческого пути В.П. Астафьева можно рассматривать в разных ракурсах: проблемно-тематическом, стилевом, жанровом и т. д. Но основная эволюция его творчества заключается в движении от собственно «деревенской» и военной прозы к исследованию губительного воздействия исторических процессов (петровского самодержавия, Великой Отечественной войны, революционных потрясений, распада СССР и т. д.) на российское общество.

Доминирующим пространством его военных произведений становятся «сырые, мрачные, бесконечно длинные и глубокие, как братская могила, склепы (казармы)», в которых «дослуживают и теснятся хромоногие, больные, припадочные, гнилобрюхие и гнилодыхие солдаты» [9, с. 89].

В произведениях позднего В.П. Астафьева лейтмотивом является образ народа, стремительно теряющего общественное самосознание, моральные устои, добродетель и достоинство.

В 1997 г. В.П. Астафьев пишет послесловие к рассказу «Ловля пескарей в Грузии» (1984), где выносит заключение о болезни России: «Страна с почти нетрудоспособным населением... массой больных физически и психически; <...> ...страна, где воровство и пьянство сделались нормой жизни; <...> ...страна, захлестнутая пошлостью, с цепи сорвавшимся блудом, давно уже отравленная потоком суесловия и торжествовавшей прежде и торжествующей поныне лжи, полупрофессиональности, лени...» [10, с. 111].

Таким образом, опыт собственной жизни, усиленный коренными изломами в природе человека 20 века, привел В.П. Астафьева в современной литературной жизни к переосмыслению бытия, в процессе которого писатель отчаянно искал ответ на вопрос: почему в мире постоянно самопроизвольно растет многоликое зло и убывает добро? И в результате нашел ответ. Причина заключается в стержневом процессе постепенного отстранения народа от христианских заповедей, а вследствие этого и от Бога.

Подведение итогов отличает книгу воспоминаний Г.Я. Бакланова «Жизнь, подаренная дважды». Она состоит из 42 частей, освещающих события из жизни писателя в хронологической последовательности: «Начало», «Школа», «Дача», «Год 1939-й», «Техникум», «Война», «Северо-западный фронт», «Училище» и т. д. Повествование о прошедших событиях регулярно прерывается размышлениями, оценочными комментариями автора с точки зрения современности. Попутно автор включает в повествование различные диалоги, рассказывает о видных деятелях культуры.

Данная книга представляет собой попытку целостного осмысления и анализа событий 20 века, непосредственным участником и свидетелем которых довелось быть автору. С этого признания писатель начинает свое произведение: «Из нынешнего дня в прошлое смотришь, как в перевернутый бинокль: все такое уменьшенное, а многое и не разобрать» [11, с. 3].

На протяжении всей книги писатель пытается ответить на вопрос: хотел бы он жить в другое время? Ведь его поколение жило в кровавые годы, которые будут памятны войнами и великим одичанием.

И в конце книги Г.Я. Бакланов находит ответ. Автор полон надежды на лучшее. Он верит, что подвиг его поколения не прошел бесследно, а стал надежным фундаментом и основой для строительства светлого и счастливого будущего. И с полной уверенностью и искренностью отвечает себе и всем окружающим: «Я бы не хотел. Это мой век. Мне хочется верить, что от многих ослеплений мы все же избавили человечество, заслонив его собой, и оно не повторит безумств нашего времени. Мне хочется верить, что мужество и человечность пребудут с ними, как не покидали они нас в самые тяжкие часы испытаний. Мне хочется верить, что в будущем веке не будет ни победителей, ни побежденных. И, глядя на детей, я мысленно говорю всякий раз: мир входящему» [11, с. 445].

Исключительным по активности и широте сфер деятельности в культурной жизни стал писатель-фронтовик Б.Л. Васильев. Тема войны и судьбы фронтового поколения нашла художественное воплощение не только в литературных произведениях, но и в кинофильмах. По сценариям и книгам Б.Л. Васильева снято более 15 кинофильмов.

В 2005 г. Центральным телевидением Китая был выпущен телевизионный сериал по одноименной повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие». Для последней серии фильма не хватало материала повести. В связи с этим автор лично принимал участие в редактировании и дополнении сценария к новому телесериалу. Данная лента существует в двух вариантах: для русских и для китайских телезрителей. В отечественном варианте по желанию Б.Л. Васильева из кинофильма были вырезаны эпизоды чрезмерно драматизированные и неправдоподобные. Фильм вызвал противоречивые эмоции и различные отзывы у наших соотечественников. Одни придерживаются мнения о том, что лучше советской классики ничего быть не может априори. Другие считают, что современные режиссеры, оторванные от событий Великой Отечественной войны временем, не могут снять достойной киноленты в силу эпохальных перемен, произошедших в природе человеческого мироощущения. Сам Б.Л. Васильев отреагировал на обращение к нему китайских кинематографистов с желанием переснять его произведение так: «Прошло так много времени, никак уж я не думал, что вы, китайцы, решите снимать мою повесть. Будьте спокойны, когда вы приедете снимать меня, я буду в отличной форме!» [12, с. 67].

В результате данный телесериал был признан в Китае лучшей картиной года, а просмотрело его более 400 млн. человек. В апреле 2015 г. вышел новый полнометражный фильм, снятый режиссером и продюсером Р.Ф. Давлетьяровым. Он не является ремейком на фильм 1972 г., снятый режиссером С.И. Ростоцким. Создатели новой версии, по их признанию, стремились достучаться до молодежи, поскольку выросло поколение, которое никогда не слышало о старшине Васкове и девушках-зенитчицах.

Однако присутствие писателей-фронтовиков в современной культурной реальности не исчерпывалось только произведениями военной тематики. Например, Б.Л. Васильев выступил как автор художественных произведений и публицистических статей, охватывающих различные стороны нашей жизни. Один из его последних романов – «Отрицание отрицания» – вошел в десятку самых покупаемых книг 2005 г.

На вопрос корреспондента газеты «Новые Известия» в 2013 г., следит ли писатель за тем, что пишут сегодня о войне, Б.Л. Васильев ответил: «Редко. К сожалению, о войне пока не может

быть серьезного романа. Каждый из нас видел войну из своего окопа. Почему роман “Война и мир” был написан спустя 50 лет после Отечественной войны 1812 г.? Потому что отсеялось все ненужное, отсеялись вот эти окопы, и только тогда Толстой написал прекрасное полотно. Я не ожидаю, что при моей жизни появится что-то такое про последнюю войну» [13, с. 44].

Значимым представителем писателей лейтенантского призыва был В.О. Богомолов. Исключительность данного автора заключается в том, что он не терпел любые досужие выдумки и потому всегда был предельно точен в описании характеров, портретов героев и деталей окружающего быта. В связи с этим он писал очень медленно и кропотливо, но всегда вызывал особый интерес у читателей. Доказательством тому является, например, тот факт, что повесть «Иван» безоговорочно занимает первое место по числу переизданий среди огромного количества других современных художественных произведений. Одна из самых знаменитых работ В.О. Богомолова – «В августе сорок четвертого...». В данном произведении автор выводит современную парадигму отношений к послевоенной реальности.

В современной литературной жизни В.О. Богомолов участвовал, не только создавая новые произведения, но и активно отстаивая свои гражданско-общественные позиции. В период распада СССР писатель выступал против неприемлемо пренебрежительного отношения новых властей и интеллигенции к доблестной истории и заслугам Советской Армии. В работе 1995 г. «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия...» В.О. Богомолов резко и смело выступал с критикой всех печатных изданий и органов государственного управления, занимающихся фальсифицированием и очернением событий не только сталинского периода, Великой Отечественной войны, но и всех ее живых и мертвых участников. Кроме того, В.О. Богомолов непрестанно изучал, штудировал и анализировал сотни документов, рапортов и показаний бойцов и командиров из военных архивов, чтобы документально подтвердить свою правоту и восстановить так невежественно попираемую славу советского народа. Свою упомянутую работу автор завершает следующими словами: «Может, если бы россияне, как молодые, так и люди среднего поколения, осознали, от чего в 1941–1945 гг. спасли Россию и уберегли ныне живущие поколения эти старые – отходы истории! – опущенные сегодня в нищету, унижения и полное бесправие участники войны, они бы не называли их “доходягами”, что стало в последнее время нормой, и не говорили бы им в лицо, как теперь слышится нередко: “Хоть бы скорее вы все передохли!..”» [14, с. 74].

Классиком современной литературы является Д.А. Гранин. Он активно участвует не только в литературной работе, но и в общественной жизни. Д.А. Гранин стал первым инициатором создания ленинградского общества «Милосердие». Кроме того, писатель является президентом общества друзей Российской национальной библиотеки и председателем правления Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева, членом Всемирного клуба петербуржцев.

В 2014 г. Д.А. Гранин выступил в Берлине на торжественной церемонии в память о жертвах национал-социализма и рассказал депутатам бундестага и руководству Германии беспощадную правду о блокаде Ленинграда и войне. В своем выступлении писатель справедливо отметил: «Солдаты должны воевать с солдатами, война – это чисто солдатское дело, – а здесь был заслан голод, который воевал вместо солдат». И честно признался: «Я долго не мог простить немцам этого ожидания капитуляции, ожидания гибели города» [15].

В 2011 г. был опубликован роман Д.А. Гранина «Мой лейтенант». Это произведение стало лауреатом ежегодной российской премии «Большая книга». В романе Д.А. Гранин вновь возвращается к теме войны и блокадного Ленинграда. По словам самого автора, этим произведением он хотел показать войну изнутри, глазами самих очевидцев и участников боевых действий. Писателю мастерски удастся сделать частную жизнь фактом истории, а историю – трагедией каждой отдельной личности.

В 2012 г. вышла книга Д.А. Гранина «Заговор», в которой писатель позволяет каждому читателю ощутить себя частью огромной истории. Автор анализирует и сопоставляет прошлое, нынешнее и грядущее, переплетает художественное и документальное. Автор с болью описывает мучительные будни военного времени и беспощадное крушение надежд на счастливую жизнь в послевоенное время. Особое внимание Д.А. Гранин уделяет современной реальности, которая также видится ему далекой от совершенства.

Данная книга продиктована искренним желанием поделиться с читателем драгоценным опытом, где автор без всякого дидактизма и готовых ответов на сложные и волнующие вопросы показывает, как не избежать судьбы, а следовать ей, не совершая ошибок предыдущих поколений.

Подведем итог. Произведения о Великой Отечественной войне, созданные непосредственными ее участниками, – это книги, написанные самой жизнью. Писатели-фронтовики представляют собой уникальное явление в масштабах мировой литературы. Стараясь разгадать основные вопросы философии военных событий, они не только воспроизводят в подробных художественных деталях всю действительность тех лет, но и воссоздают эпохальный смысл целого исторического эпизода, что способствует восприятию художественного материала новым поколением читателей как целостной системы фактов, взаимоотношений и ценностей.

Писатели «военного призыва» с течением времени обрели материально-чувственное восприятие и мудро-взвешенное понимание пройденного исторического этапа. Приобретенный опыт занимает особое место в современной истории и является своеобразной кульминацией всемирной культуры. Писатели-фронтовики предстают посредниками между историческим событием и литературой, что чрезвычайно важно с учетом специфики современного информационного пространства, где в погоне за коммерческой выгодой и рыночным спросом литераторы стремятся удовлетворить ожидания невзыскательной публики и создают произведения, оторванные от исторических фактов и документальной достоверности.

И.Н. Афанасьев отмечает: «Литература, разлученная с историей, писательство, освободившееся от события, заменившее сакральное действие имитацией его игровой доступности, влекут человека к духовной катастрофе. В итоге самой истории надлежит исчезнуть из оценочного ряда» [16, с. 8].

Многое, что человеку, лично не участвовавшему в Великой Отечественной войне, кажется неважным, писателями-фронтовиками воспринимается иначе, так как у них существует своя проверенная жизненным опытом иерархия ценностей, своя эстетическая и этическая концепция мира.

Характерной и общей чертой восприятия прошлого и настоящего для «военных» писателей в современной литературной жизни является возвращение к своему внутреннему «я», к своей совести. Индивидуальное выступает на первый план, доминирует показ человеческой личности и ее психологического состояния, рассматривается проблема спасения души. Война предстает как реальность жизненного опыта, как переживание, вызванное угрозой будущему.

Литература

1. Бондарев, Ю.В. Взгляд в биографию / Ю.В. Бондарев. – М. : Сов. Россия, 1971. – С. 172–204.
2. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Наука, 2003. – 154 с.
3. Сенявская, Е. Психология войны в XX в. : исторический опыт России / Е. Сенявская. – М. : Просвещение, 1999. – С. 9–12.
4. Реброва, И. Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне / И. Реброва // Былые годы. – 2012. – № 3. – С. 15–23.
5. Бакланов, Г.Я. Время собирать камни: Статьи, портреты, беседы / Г.Я. Бакланов. – М. : Агентство печати «Новости», 1989. – 364 с.
6. Бочаров, А.Г. Человек и война. Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне / А.Г. Бочаров. – М. : Сов. писатель, 1973. – 394 с.
7. Гончаров, В. Віхі А. Адамовича в контексті літератури про Велику Вітчизняну війну / В. Гончаров // Актуальні проблеми філології: збірник наукових статей / редкол. : А.В. Бредихіна (гл. ред.) [і др.] ; М-во освіти і науки РБ, Гомельський гос. ун-т ім. Ф. Скоріни. – Гомель : ГГУ ім. Ф. Скоріни, 2015. – Вип. 8. – С. 22–27.
8. Адамовіч, А. Выбранные творы / А. Адамовіч. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 608 с.
9. Астафьев, В.П. Так хочется жить / В.П. Астафьев. – М. : Книжная палата, 1996. – 132 с.
10. Астафьев, В. Ловля пескарей в Грузии / В. Астафьев. – М. : Художественная литература, 1984. – 143 с.
11. Бакланов, Г. Жизнь, подаренная дважды / Г. Бакланов. – М. : Вагриус, 1999. – 213 с.

12. Эйльбарт, Н. Китайская киноверсия повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» как пример развития русско-китайского межкультурного диалога / Н.В. Эйльбарт // Литературная учеба. – 2014. – №5. – С. 65–70.
13. Морозов, А. Каждый видел войну из своего окопа. Писатель Борис Васильев / А. Морозов // Новые Известия. – 2013. – 12 марта. – С. 43–64.
14. Богомолов, В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия... / В. Богомолов // Свободная мысль-XXI. – 1995. – № 7. – С. 79–103.
15. Гранин, Д. Беспощадная правда о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс] / Д. Гранин. – Режим доступа : u.focus.lv/kultura/literatura/daniil-granin-v-bundestage-besposhchadnaya-pravda-o-blokade-leningrada. – Дата доступа : 17.01.2016.
16. Афанасьев, И. Сакрализация литературы и вызовы XXI века / И.Н. Афанасьев // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2009. – № 3 (54), ч. 2. – С. 83–86.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.03.2016

Модальные семантические реализации корня *vel-//*vol- (на материале русского языка)

Ю.С. ИВАНЧИКОВА

Рассматривается реализация рефлексам праславянского корня *vel-//*vol- модальных семантических направлений 'желать', 'приказывать', 'принуждать', возникших на основе базового модального значения корня. Устанавливается тесная метонимическая связь данных направлений семантики корня.

Ключевые слова: этимологическое гнездо, рефлекс корня, модальное значение, семантическое направление, метонимический перенос.

The implementation of the reflexes of the Proto-Slavic root *vel-//*vol- modal areas of semantic 'to wish', 'to order', 'to force' that have arisen on the basis of the basic modal value of the root is discussed. Close metonymic link of these areas of semantics of root is determined.

Keywords: etymological nest, reflexes of root, modal value, semantic direction, metonymic.

Праславянский корнеслов, являющийся основой современных славянских языков, претерпел значительные семантические трансформации. Сравнение семантики лексем, входящих в состав одного этимологического гнезда, позволяет определить основные направления семантического развития того или иного праславянского корня.

Важность изучения древнейшей языковой базы, корнеслова языка подчеркивается в трудах В.В. Виноградова, Р.А. Будагова и др. Вместе с тем следует согласиться со справедливым замечанием А.И. Корнева, что «в работах по изучению истории слов в русистике сложилась традиция рассматривать или историю отдельного слова, или историю группы слов, объединенных по понятийно-тематическим или стилистическим признакам. Изучение в историческом аспекте слов, объединенных этимологическим родством, еще только начинается» [1, с. 7].

Исследование истории корневых групп позволяет подойти к решению основной задачи современной исторической лексикологии – описанию русской лексики в целом как развивающегося явления, определению качественных (собственно семантических) и количественных изменений в словарном составе языка на всем протяжении его развития. Рассмотрение генетического гнезда в диахронии прежде всего выявляет динамику семантического развития данного корня и дает основание для суждений о разрыве живых на стадии формирования словообразовательного гнезда в праславянском языке словообразовательных связей и превращении их в этимологические.

Целью работы является установление модальных направлений семантической эволюции праславянского корня *vel-//*vol-.

Праславянский корень *vel-//*vol- восходит к индоевропейскому корню *uel- 'желать, хотеть; выбирать, предпочитать', 'давить, напирать' (Черных, I, с. 139). Эта семантика является первичной. Индоевропейский корень *uel-//*ual- реконструируется со значением 'иметь силу', 'быть сильным' (Черных, I, с. 156–157). Значение корня 'иметь силу', 'быть сильным' (отраженное в производных от праславянского корня *vold- (владеть, власть, владыка)) метонимически тесно связано с исходным 'давить, напирать', сравн. о.-с. *davitī 'душить, умерщвлять' (Черных, I, с. 230), совр. давить 'налегать тяжестью', 'стискивать, сжимать', 'душить', 'надавливая, ломать' и др. (СРЯ, I, с. 361), т. е. применять силу). Модальное семантическое направление 'желать, хотеть' является основным, так как оно характерно для праслав. корня, имевшего исходную форму *vel-//*vol- без распространителя в виде детерминатива, а активное, целенаправленное физическое воздействие (сравн. *ual- 'напирать, давить'), без сомнения, обусловлено ярко выраженным, превалирующим желанием (стремлением) добиться чего-либо. Диффузность (синкретичность) индоевропейского корня обусловила широкую сеть производных.

На современном хронологическом срезе единое этимологическое гнездо с корнем **vel-//vol-* ‘желать’ вследствие деэтимологизации, разрыва мотивационных семантических отношений в дериватах корня представлено рядом отдельных самостоятельных словообразовательных гнезд, вершинами которых являются исторически родственные слова.

Семантическая специфика корня **vel-//vol-*, связанная с проявлением желания, послужила источником формирования модальных направлений семантики корня. В этимологическом гнезде формируются следующие модальные значения: ‘желать’, ‘приказывать’ и ‘принуждать’. Значения ‘приказывать’ и ‘принуждать’ обнаруживают метонимическую связь с ‘желать’, отражая один из способов удовлетворения желания.

1. Желать, хотеть. Вершиной этимологического гнезда с корнем **vel-//vol-* является о.-с. глагол **velēti*, продолжениями которого в др.-рус. и ст.-сл. языках является глагол *велѣти* ‘приказывать’, ‘хотеть’, ‘желать’, ‘позволять’ (Черных, I, с. 139). Данный глагол, помимо семы ‘желать, хотеть’, имеет семантический оттенок ‘физически и/или психологически воздействовать, дабы осуществить желание, волю’ (сравн. *приказывать*).

В «Словаре русского языка» (гл. ред. А.П. Евгеньева) глагол *велеть* зафиксирован со значением ‘приказывать (приказывать), распоряжаться (распорядиться)’ (СРЯ, I, с. 146). В говорах рассматриваемый глагол представлен в следующих значениях: ‘звать’, ‘разрешать, позволять; разрешить, позволить’ (СРНГ, 4, с. 106), ‘приказать, повелеть, указать, наказать’, ‘объявить чью-либо волю, требовать исполнения, распорядиться властью’, ‘позволить’ (Даль, I, с. 434), ‘просить, поручать (поручить) что-либо сделать, распорядиться’, ‘разрешать (разрешить) что-либо сделать’, ‘советовать, желать чего-нибудь’, ‘приглашать куда-нибудь’ (АОС, 3, с. 95). Только в говорах глаголу *велеть* свойственны лексические значения ‘советовать, желать’, ‘приглашать’, которые близки к первоначально реконструируемому значению глагола *велеть* ‘хотеть, желать’.

Многие языки имеют лексические соответствия рус. глаголу *велеть*: лит. устар. *velmi* ‘желаю’, ‘хочу’, ‘позволяю’, *pavelti* ‘желать’, ‘хотеть’, *viltis* ‘надежда’, *viltis* ‘надеяться’; гот. *wiljan* ‘хотеть’; др.-в.-нем. *wellen, wollen*, нем. *wollen* ‘хотеть’; др.-англ. *willan* ‘хотеть’ (сравн. англ. *I will* ‘я хочу’); латин. *volō* ‘хочу’, *velle* ‘хотеть, желать’ (Черных, I, с. 139). М. Фасмер сопоставляет глагол со следующими лексемами: словен. *vóliti*, чеш. *voliti* ‘избирать’, слов. *volit*, польск. *wolić* ‘предпочитать’ (Фасмер, I, с. 338). Продолжения глагола в различных славянских языках также сохраняют семантику этимологического корня **vel-//vol-* ‘желать, хотеть’. В современном сербскохорватском языке корень **vol-* с исходным значением ‘желать, хотеть’ «формирует основной лексикон любви: **volēti, voliti* ‘любить’» [2, с. 590]; в других славянских языках семантический «оттенок любви» можно усмотреть в тех регулярных употреблениях, где **vol-* выражает идею предпочтения (с естественной положительной оценкой предпочитаемого) (сравн. одно из реконструируемых значений и.-е. корня **uel-*, к которому восходит о.-с. **vol-*, – значение ‘выбирать, предпочитать’), как в польском *woleć* ‘предпочитать’ (БПРС, II, с. 553), укр. *воліти* ‘желать, хотеть; предпочитать’ (СУМ, I, с. 249), или же идею выбора на основе предпочтения, как в в.-луж. *wolba* ‘выбор’, чеш. *volba* ‘выборы’, *volební* ‘избирательный’, словац. *volit* ‘выбирать’, словен. *voliti* ‘выбирать’, *volitev* ‘выбор’ и т. п. [2, с. 591].

Ядерная сема ‘желать’ нашла продолжение в лексическом значении древнерусского глагола *волѣти* ‘желать, хотеть’ (Срезн., I, с. 290), не сохранившегося в современном русском языке, но продолжающего свое существование в говорах: *вѣлѣти* ‘хотеть’, ‘желать’, ‘требовать’, ‘приказывать’ (Даль, I, с. 584–588). В говорах функционируют многочисленные глагольные дериваты от *волѣти*: *зволѣти* ‘захотеть, пожелать’ (Даль, I, с. 472), *заволѣти* ‘захотеть’ (Даль, I, с. 1403), *волѣтся* (безл.) ‘хочется, желается’ (Даль, I, с. 568), *волѣться* ‘хотеться, желаться’ (СРНГ, 5, с. 39), *наволѣться* ‘нахотеться вдоволь’ (Даль, II, с. 1012), *переволѣти* ‘расхотеть, изменить желание’, *переизволѣти* ‘перехотеть, изменить желание’, *поволѣти* ‘захотеть, пожелать’ (Даль, III, сс. 130, 132, 370).

В современном русском языке зафиксированы следующие лексемы, в семантике которых заключено значение ‘желать, хотеть’: *изволить* (устар.) несов. ‘желать, хотеть’ и *изволе-*

ние (устар.) 'воля, желание' (СРЯ, I, с. 639), *соизволить* 'изъявить желание, милостиво согласиться' (СРЯ, IV, с. 185), *воля* 'способность добиваться осуществления целей', 'сознательное стремление к избранной цели', 'желание, хотение, требование', *волеизъявление* 'проявление воли, изъявление желания' (СРЯ, I, сс. 209, 204).

Полисемантическая др.-рус. лексема *воля* (связана чередованием гласных с *велѣть*, *довлѣть*) 'возможность поступать по своему произволу', 'желание, хотение', 'свобода от зависимости' (СЦСиРЯ, I, с. 157), в современном русском языке функционирующая со значением 'одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления целей', 'желание, требование', 'власть, право распоряжаться по своему усмотрению', 'отсутствие стеснений, ограничений, свобода' (СРЯ, I, с. 209), выступает производящей базой для глагола *волить*. Др.-рус. *воля* 'желание, согласие, возможность, свобода' (Срезн., I, с. 298-300) восходит к праслав. **volja* 'выбор' (Цыганенко, с. 67), от которого в числе прочих произошли укр. *во́ля*, болг. *во́ля*, сербохорв. *во́ља*, словенск. *vólja*, чешск. *vůle*, словацк. *voľa*, польск. *wola*, др.-польск. *wolá*, в.-луж., н.-луж. *wola*. Родственно лит. *valià* 'воля', латышск. *vaļa* 'сила, власть', др.-исл. *val* (ср. р.), др.-в.-нем. *wala* (ж. р.) 'выбор', нов.-в.-нем. *wahl* – 'выбор', *wollen* 'хотеть', др.-инд. *vāras* 'желание, выбор', авест. *vāra-* 'воля, отбор', валлийск. *guell* 'лучше' (Фасмер, I, с. 347–348).

Общеслав. существительное **volja* образовано при помощи продуктивного в общеславянском языке суффикса *-ja- [3, с. 289] от основы о.-с. глагола **velĕti*. «С точки зрения характерности для суффиксальных имен существительных, соотносительных с глаголами, для праславянской морфологии могут быть существенны три ступени вокализма: *o, *e, ступень редукции» [4, с. 141], – таким образом, данная словообразовательная модель **velĕti* → **volja* демонстрирует регулярное чередование корневого вокализма *e//*o. Указанный тип чередования был характерен также для отглагольных бессуффиксальных имен. «Значительная группа праславянских имен, соотносительных с глаголами и восходящих к праиндоевропейским образованиям, связана с основами настоящего времени качественным чередованием корневого гласного: ступень *o в бессуффиксном тематическом имени при ступени *e в основе настоящего времени» [5, с. 44]. Аналогично праслав. **lože* (ст.-сл. *ложе*, болг. *ложе*, русск., укр. *ложе*) – в сопоставлении с **ložiti* и **legti* [6, с. 94]. В соответствии с этим правомерно предположение о чередовании **volja* (**voliti*): **velti* > **velĕti* (М. Фасмер указывает, что глагол первоначально был атематическим (Фасмер, I, с. 288)).

Такие значения существительного *воля*, как 'способность добиваться осуществления поставленных целей', 'сознательное стремление к осуществлению чего-либо, настойчивость в достижении чего-либо', 'власть', 'свобода' развились из исходного значения 'желание, хотение'. Они объединены семьей 'желание', но условно их можно разделить на две семантические группы, одна из которых связана с желанием и способностью его осуществить, а другая – с состоянием, характеризующимся отсутствием ограничений, давления (*власть*, *свобода*). При этом во втором блоке понятие *власть* ('право управления государством', 'органы государственного и местного управления', 'право и возможность распоряжаться, повелевать', 'могущество, господство, сила' (СРЯ, I, с. 184)) мыслится, в первую очередь, как состояние, право, *дающее* свободу субъекту, а ограничение свободы объекта отходит на второй план.

Таким образом, праслав. корень **vel-//*vol-* продолжает семантику и.-е. корня **uel-* 'желать, хотеть'. Данное значение корня **vel-//*vol-* является первым и основным семантическим направлением, организующим центр при образовании «производных» модальных значений, отраженных рефлексам корня.

2. Приказывать, требовать выполнить что-либо в соответствии с чьей-либо волей.

Непосредственным продолжением исходного модального значения корня **vel-//*vol-* 'желать, хотеть' является комплекс значений, связанных с приказанием, требованием совершить что-либо для удовлетворения чьей-либо воли, желания.

Глагол *велеть*, как уже отмечалось, в современном русском языке имеет значение 'приказывать (приказывать), распоряжаться (распорядиться)' (СРЯ, I, с. 146). Современное слово продолжает др.-рус. *велѣти* 'выражать волю, желание' (Срезн., I, с. 242). Др.-рус.

vel̃ti восходит к праслав. **velēti* ‘велеть’ (Цыганенко, с. 50) (сравн. укр. *veliti*, болг., макед. *вѣля* ‘говорю’, сербохорв. диал. *вѣљу*, словенск. *velēti*, чешск. *velet*; родственно лит. *vėlti*, *pavelti* ‘хотеть, позволять’, *pavelt* ‘он хочет’, *pavelmi* ‘я хочу’, другая ступень чередования: лит. *viltis* ‘надежда’, *viliuos* ‘надеюсь’, др.-сакс. *williu* ‘я хочу’, лат. *volo* ‘хотеть’, др.-инд. *vr̥ṇāti* (*vr̥ṇītē*) ‘выбирает себе, предпочитает’, *vāras* ‘желание’, авест. *vərəntē* ‘он выбирает себе’, кимрск. *guell* ‘лучше’, греч. *ἔλδωρ* ‘желание’, *ἔλδομαι* ‘желаю’, (Фасмер, I, с. 287); лтш. *vala* ‘сила, власть’ (Цыганенко, с. 51)).

В современном русском языке глагол *велеть* возглавляет самостоятельное словообразовательное гнездо (Тихонов, I, с. 147), компоненты которого объединены общей семой ‘приказывать, выражать свою волю, желание’: *веление*, *веленье* (заимствовано из старославянского языка (СЦСиРЯ, I, с. 110)) ‘приказание, требование’ (СРЯ, I, с. 146), *повелеть* (*повелевать*) ‘приказать кому-либо; дать распоряжение’, *повелитель*, *повелительница* ‘тот, кто повелевает, правит; властелин, владыка’, *повелительный* ‘высказывающий повеление, приказание’, *повелительно* наречие от прилаг. *повелительный*, *повелительность* сущ. от прилаг. *повелительный* (СРЯ, с. 851).

Др.-р. языку были известны безл. возвратные глаголы *повелеваться* (*повелеться*) ‘быть повелеваемому’, прич. *повеленный*, сущ. со значением лица *повелеватель* ‘наставник, учащий с властью’ (СЦСиРЯ, III, с. 238), *велитель* и *повелительница* (СЦСиРЯ, I, с. 109), не функционирующие в современном русском языке.

Некоторые лексемы, не зафиксированные в современном литературном языке, известны в говорах: *велитель*, *велец* ‘повелитель, указчик, распорядитель’, первое употребляется в речи о больших и высоких властях, второе – в укор или насмешку (Даль, I, с. 434], *повелевание* ‘приказ, наказ, указ’, *повелеватель* ‘владетельная, коронованная особа’, *повелительство* ‘право, власть, состояние повелителя’ (Даль, III, с. 358).

В число лексем, обнаруживающих значение ‘выражение приказа, требование’, входит многозначное существительное *воля*, одним из значений которого является ‘желание, требование’ (СРЯ, I, с. 209).

Слова, представляющие данное семантическое направление, сохраняют исконный фонетический облик корня. Модальная семантика ‘приказание, требование’ сформирована на основе метонимической смежности значений ‘хотеть, желать’ и ‘стремиться к исполнению желания, удовлетворению потребностей путем распоряжения, приказа’.

3. Принуждать. Данное модальное семантическое направление также является результатом метонимического преобразования исходного значения корня **vel-*/**vol-* ‘желать, хотеть’.

Принуждать человека – значит лишать его свободы: свободы выбора, волеизъявления. Семантические блоки «приказ, требование» и «принуждение» близки. Требование и приказ – условия, в рамках которых «субъекту разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей» [7, с. 19]. Если приказ – это распоряжение выполнить что-либо с учетом личных обстоятельств объекта, который *волен* приказ оспорить или даже отклонить, то принуждение имеет место в случае явного несовпадения интересов субъекта и объекта, при этом *принужденный* (‘лишенный естественности’ (СРЯ, III, с. 428)), повинаясь **негативному** психическому и/или физическому воздействию, выполняет требования другого лица. Таким образом, принуждение является «интенсивным» проявлением приказа.

В корне **vel-*/**vol-* заключена сема ‘желание, выбор’, чем обусловлено возникновение большого количества производных, отражающих не только свободу и отсутствие ограничений при проявлении желания, но и отсутствие свободы, навязывание чьей-либо воли другому человеку, принуждение к действиям.

Современное словообразовательное гнездо, возглавляемое существительным *воля*, включает большое количество производных, отражающих основные значения вершины гнезда. Входящие в состав некоторых дериватов отрицательные приставки, *обез-*, *без-* и *не-* привносят в семантику компонент ‘отсутствие свободы’: *обезвольт*, *обезвольтить*, *неволя*, *неволей* (нареч.), *неволюшка*, *невольник*, *-ница*, *невольничество*, *невольничий*, *невольнический*,

поневоле, подневольный, подневольно, подневольность, подневолие, неволить, неволиться, поневолить, приневолить, приневолиться, приневоливание (Тихонов, I, с. 189–190).

Однако семантически не все дериваты, имеющие данные аффиксы, связаны с отсутствием свободы в связи с внешним принуждением. Так, прилагательное *безвольный* и образованное от него абстрактное имя существительное *безволие* обозначают ‘отсутствие воли, нерешительность, слабохарактерность’ (СРЯ, I, с. 70), а обнаруживающие множественную мотивацию глаголы *обезвольт, обезволить* (возможно объяснение на базе прилагательного *безвольный* и предложно-падежной словоформы *без воли*) функционируют со значением ‘лишиться воли; стать безвольным’ и ‘лишить воли; сделать безвольным’ (СРЯ, II, с. 525), т. е. семантика глаголов связана с принуждением, подавлением воли кого-либо.

Значение прилагательного *невольный* (нареч. *невольно*) ‘совершаемый или совершенный без умысла, нечаянно, случайн’ (СРЯ, II, с. 429) связано не со свободой, а скорее с желанием, волей, стремлением совершить что-либо. Семантика прилагательных *безвольный* и *невольный*, в морфемный состав которых входят синонимичные приставки *без-* и *не-*, обозначающие отсутствие чего-либо, отличается ввиду многозначности корневой морфемы. Оба слова имеют отношение к отсутствию воли, но в прилагательном *безвольный* на первый план выходит *воля* в значении ‘свобода, самостоятельность’, а прилагательное *невольный* отражает исконное значение корня *vel-//*vol- ‘желать, хотеть’. В значении наречия *поневоле* ‘по необходимости, вопреки желанию’ (СРЯ, III, с. 288) совмещено отсутствие личного желания выполнить что-либо и отсутствие свободы, так как делать что-либо вопреки желанию можно как по собственной воле, так и в связи с внешним принуждением.

В старославянском и древнерусском языках функционировали следующие лексемы, не сохранившиеся в современном русском литературном языке, но известные в говорах русского языка: *заневолю* нареч. ‘принужденно, поневоле’ (СЦСиРЯ, II, с. 39), *изневолить* ‘повергнуть в неволю, лишить свободы, поработить’ (СЦСиРЯ, II, с. 118), *поневолить* ‘несколько приневолить’ (СЦСиРЯ, III, с. 338), *поприневолить* ‘несколько приневолить’, *поприневолиться, поприневоленный* (СЦСиРЯ, III, с. 337).

В говорах функционирует ряд приставочных глаголов и их производных от глагола *невольт*: *выневольт* ‘вынуждать’, *заневольт* ‘начать невольт, стать принуждать’, *заневоление* ‘полонение, обращение в неволю’ (Даль, I, сс. 741, 1519), *наневольт* ‘поневольт вдоволь’, *обневольт* ‘покорить безусловно и подчинить своей воле; заставить делать что неволею’, *обневоливание, обневоление, обневолька* действие по глаголу, *обневоливатель, -литель, -ница, обневольщик, -щица* ‘лицо, подчиняющее своей воле’, *обневолю, обневоль* нареч. ‘поневоле, силою, насильно, по принуждению’ (Даль, II, сс. 1156, 1554), *сневольт* ‘соединить неволей, насильно, принудить жить, быть вместе, приневольт к какому-либо союзу’, *сневоление, сневолька* действие по глаголу (Даль, IV, с. 317–318).

Дериваты данной лексико-семантической группы, образованные по сходным словообразовательным моделям, сохраняют в своей структуре сему ‘желание’, ‘свобода’, заключенную в корневой морфеме, развивая при этом при помощи префиксов *обез-, без-, не-* противоположное семантическое направление ‘отсутствие свободы, принуждение’.

Таким образом, модальное значение этимологического корня *vel-//*vol- ‘желать, хотеть’ предопределило спектр модальных значений, реализуемых рефлексам данного корня. С основным модальным значением ‘желать, хотеть’ метонимически тесно связаны два семантических направления – ‘приказывать, требовать’ и ‘принуждать’, отражающих способы исполнения желания. Основанием для разграничения указанных направлений (‘приказывать’ и ‘принуждать’) служит различная степень интенсивности прилагаемых усилий для исполнения воли, желания, требования.

Принятые сокращения

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. – Вып. 1–15. – М., 1980. – 2013.

БПРС – Гессен, Д. Большой польско-русский словарь: в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2001.

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль; под ред. проф. Бодуэна-де-Куртене. – 3-е изд. – СПб.–М. : Т-во М.О. Вольф, 1903–1909. Репринтное издание : М. : Цитадель, 1998.

Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1902. Репринтное издание : М. : Книга, 1958.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–45. – СПб. : Наука, 1965–2012.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.

СУМ – Словарь української мови: в 4 т. / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. – К. : АН Української РСР, 1958.

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / сост. 2-е отд-е Императорской АН. – СПб. : Типография императорской АН, 1847. Репринтное издание : М. : Литература, 1995.

Тихонов – Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1990.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.

Цыганенко – Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К., 1989. – 511 с.

Черных – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1999.

Литература

1. Корнев, А.И. Историко-этимологические разыскания в области семантики русских глаголов (*бить, брить, бросать* и однокоренные с ними слова): Автореф. дис. канд. филол. наук / А.И. Корнев. – Л., 1971. – 53 с.

2. Толстая, С.М. Лики любви в зеркале славянских языков / С.М. Толстая // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – С. 587–598.

3. Мейе, А. Образование имен / А. Мейе // Общеславянский язык: пер. с фр. / А. Мейе. – М. : Прогресс, 2001. – С. 272–303.

4. Варбот, Ж.Ж. Корневой вокализм суффиксальных имен существительных / Ж.Ж. Варбот // Древнерусское именное словообразование. – М. : Наука, 1969. – С. 135–153.

5. Варбот, Ж.Ж. Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка / Ж.Ж. Варбот // Исследования по русской и славянской этимологии. – М., СПб. : Нестор-История, 2012. – С. 41–57.

6. Варбот, Ж.Ж. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах / Ж.Ж. Варбот // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов, Варшава, 1973. Доклады советской делегации // С.Б. Бернштейн. – М. : Наука, 1973. – С. 91–118.

7. Берлин, И. Две концепции свободы / И. Берлин // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндол, Тейлор, Уолдрон / Л.Б. Макеева (сост.). – М. : Прогресс – Традиция, 1998. – С. 19–44.

Отношение к поэзии как индикатор духовной зрелости

Г.Л. КАЗИМИРСКИЙ

Предметом рассмотрения в данной статье является отношение современной молодёжи к творчеству белорусских поэтов. Исследуются причины снижения интереса к лирике как виду искусства. Делается вывод о необходимости преобразований в системе литературного образования учащейся молодёжи. Новизна исследования подкреплена результатами проведённого анкетирования студентов-филологов, слушателей подготовительного отделения и школьников выпускных классов.

Ключевые слова: цель искусства, критерий, поэзия, культурные ценности, воспитание, нравственность, духовность, авторская идея, абстрактное мышление, исследование, чувственное познание мира, психологизм, эстетический вкус.

The attitude of today's youth to the Belarusian poets' creation is considered. The reasons for the decline of interest in the lyrics as a form of art have been studied. The conclusion about the need for reforms in the student youth's system of literary education has been made as well. The novelty of the research is supported by the results of the survey conducted by philologist students, as well as the preliminary department applicants and senior classes' pupils.

Keywords: purpose of art, criterion, poetry, cultural values, education, morality, spirituality, author's idea, abstract thinking, research, perceptual knowledge of the world, psychology, aesthetic taste.

*Цель художества есть идеал, а не нравоучение.
А.С. Пушкин*

В последние десятилетия рост технических возможностей Интернета стал значительно опережать духовное развитие современной молодёжи, в связи с чем задача воспитания личности, обладающей художественным вкусом, становится чрезвычайно важной. Современные школьники выпускных классов в большинстве своём не способны самостоятельно анализировать произведения мастеров слова, не могут отличить настоящее искусство – живопись, музыку, поэзию и т. д. – от низкопробных китчей.

Культурная составляющая влияет на становление человека в целом, поэтому уровень общей культуры обучающейся молодёжи необходимо развивать во взаимодействии с художественно-эстетическим наследием отечественного и мирового искусства. Заметим также, что культурный человек не тот, кто читает много и всё подряд, а тот, кто умеет выбирать – и тем самым отказываться от некачественного интеллектуального продукта.

Виды искусства, писал академик Д.С. Лихачёв, «...не только <...> возвышают чувства, но и [позволяют] заметить в обычном необычное. <...> Понимание искусства и развитие в себе хотя бы начатков творческих способностей в художественной области способствует не только нравственной стабилизации личности, её общей интеллигентности, но и развитию интуиции, столь необходимой во всех областях человеческой деятельности» [1, с. 483]. Поэтому обязанность искусства – распространение высшего смысла, воспитание нравственности.

Однако следует отметить, что искусство существует вовсе не для того, чтобы давать нравственные уроки обществу; оно не должно, например, проповедовать благопристойное поведение или призывать к соблюдению моральных заповедей – это задача церкви. Цель искусства в нём самом, и в поэзии важно не только *что* рассматривается в стихотворении, но и *как*, какими средствами. «Намерения поэта могут быть сколь угодно высокими и благородными, но дурное исполнение способно их дискредитировать и превратить в пустые и бессодержательные. Об идейной и художественной содержательности произведения мы должны судить не по цели, преследуемой поэтом, а исходя из эстетической оценки произведения, – пишет литературовед В.И. Коровин и далее отмечает: – Если же мы наслаждаемся произведением, несмотря, как нам кажется, на никчёмное содержание, то либо нам изменил вкус, либо наше представление о ничтожности содержания ложно [2, с. 3].

Тем не менее воспитательная роль литературы и поэзии в частности, неоспорима. Воспитание читателя, способного воспринимать идейный, нравственный, эстетический потенциал классической и современной литературы, осознаётся как одно из слагаемых воспитания гражданина и человека. Особое значение в этом плане отводится лирическим произведениям.

Проявление интереса к поэтическому творчеству является показателем духовности, эмоциональной и нравственной отзывчивости. В настоящей поэзии присутствуют красота, добро, правда. Настоящая поэзия способна пробуждать у читателей «души прекрасные порывы», она зовёт «на бой за честь отчизны, за убеждения, за любовь», помогает увидеть красоту в каждом проявлении бытия, делает души людей более восприимчивыми к добру и красоте. Но при этом поэзию нельзя превращать в простую служанку нравственности. А.С. Пушкин считал, что цель поэзии – поэзия; она имеет внутренне присущее ей предназначение и поэтому вполне самодостаточна. Никакая иная высокая посторонняя цель не сможет оправдать плохие стихи и плохую поэзию, а следовательно, нравственное воздействие на человека художественного произведения напрямую зависит от его эстетического совершенства. Отсюда вывод: любое произведение искусства, в том числе и поэзия, лучше выполняет свою воспитывающую функцию, если его художественная составляющая совершенна.

И в русской, и в белорусской поэзии можно найти бесконечное множество «волшебных звуков, чувств и дум». Но нередко такое богатство проходит мимо тех, кому оно предназначено и кому оно так необходимо.

Чтобы правильно понять и верно оценить состояние современной литературы, необходимо обратиться к критериям воплощения авторской мысли, идеи в художественную форму произведения. Наиболее полно духовно-нравственные идеи представлены в произведениях литературы, поскольку именно в ней читатель имеет возможность проследить образ героя во времени, поставить себя на его место, что связано с проявлением абстрактного мышления.

Литераторы задаются вопросом: как приобщить молодёжь к поэзии? Психологи выявили, что эстетическое воздействие лирики на человека возрастает, если обращаться к ней чаще, а не от случая к случаю. Здесь, как и в музыке: для того чтобы научиться слышать и понимать музыку, её нужно слушать регулярно. Приходится констатировать, что уровень понимания поэзии современной молодёжью носит разнородный характер.

Нами было проведено исследование, цель которого – определить отношение современной молодёжи к поэзии и выявить, каково, по мнению учащихся, состояние лирического рода литературы на отечественном Парнасе. Опрос проводился в учебных группах филологического факультета УО «ГГУ им. Ф. Скорины», на подготовительном отделении (ПО) и подготовительных курсах (ПК) в г. Ветка. Для исследования нами использовался опросный лист (анкета) «Отношение к поэзии».

В опросе было задействовано 162 человека. Тест содержит 17 вопросов с выбором ответа и 3 вопроса для свободного ответа.

Подавляющее большинство опрошенных считают поэзию в повседневной жизни *излишеством, ненужностью, пустой забавой для восторженных юнцов и никогда не заглядывают на полку с поэтическими сборниками в книжных магазинах.*

Многие отметили, что *бывают на вечерах поэзии (встречах с поэтами), которые устраиваются в нашем городе (школе, университете)... принудительно, вместо учебных занятий, а встречу с современным гомельским поэтом считают пустой тратой своего времени, но если бы получили приглашение на «утренний кофе с поэтом», то... немногие согласились бы, считая это хорошим поводом больше узнать о поэзии в непринуждённой обстановке; большинство не согласилось бы, так как предпочитает разделение: кофе – отдельно и дома, а поэзия – отдельно и на книжной полке в библиотеке; были и те, кто согласился бы, если кофе предложат «на халаву».* Такова реальность. Но перейдём к статистике.

При статистической обработке анкет подсчёту подверглись ответы на наиболее значимые вопросы – № 10 и № 15, а также вторая часть опросного листа. Ответы испытуемых распределились следующим образом.

10. Вам нравится поэзия? Какое тематическое поле Вас привлекает больше всего?

1) Отметим, что *«магия природных и чувственных стихий»* привлекает большинство опрошенных: русские филологи – 50 %, белорусские – 90 %, слушатели ПО – 53 %, учащиеся г. Ветки – 50 %.

2) Удивительное дело, но *«национальная идея – история славянства, роль православия, единство и величие подвига народа, то есть Родина во всех её проявлениях»* мало интересует белорусских филологов (всего 7,5 %), но очень волнует студентов, изучающих русскую филологию (23,9 %), а также слушателей ПО (22,6 %) и ПК (20 %).

3) *«Экзотика иносказаний и литературно-лингвистического экспериментаторства»* в подавляющем большинстве привлекает русских филологов (32,6 %), в некоторой степени слушателей ПО (19,6 %) и ПК (20 %), а среди белорусских филологов на этот вопрос дали положительный ответ лишь 2,5 %.

Это, бесспорно, говорит о том, что люди, молодёжь в частности, устали от негативной социокультурной и политической информации. Даже тема подвига их не вдохновляет. А потому (как в эпоху Ренессанса после средневековой стагнации или в эпоху Романтизма после методологического Просвещения) современная молодёжь «уходит» в магию стихий, желая увидеть нечто необычное: то ли по-земному прекрасное, то ли фантастически ужасное.

15. Как Вы оцениваете состояние современной белорусской поэзии?

Весьма провокационным оказался этот вопрос анкеты не только для респондентов, но и для самих исследователей. Рассмотрим ответы студентов-филологов отдельно от анкет, заполненных абитуриентами, которые ещё только выбирают свою будущую профессию и уж точно не филологическую – большинство из них будут поступать на естественнонаучные специальности.

1) *Очень высоко оценивают состояние современной белорусской поэзии*, как ни странно, русские филологи – 32,6 % и школьники г. Ветки – 30 %; чуть меньшее количество положительных оценок показали белорусские филологи – 27,5 % и слушатели ПО – 17,8 %.

2) Считают, что *«поэтов много, но уровень поэзии оставляет желать лучшего»* 60,8 % русских и 72,5 % белорусских филологов, а также 51,7 % слушателей ПО и 40 % опрошенных учащихся г. Ветки.

3) На третий вопрос этого пункта анкеты: *«А что, у нас есть современные белорусские поэты? Никогда о них не слышал(а)»*, – ответы распределились следующим образом: русская и белорусская филология – 0 %, слушатели ПО – 23,2 %, слушатели ПК в г. Ветке – 30 %.

В том, что современная белорусская поэзия «оставляет желать лучшего» есть доля правды, но целиком с этим утверждением согласиться нельзя. Просто в школе опять-таки обращаются к творчеству далеко не современных белорусских поэтов, а тех, кто себя уже давно зарекомендовал и использует свой статус для продвижения нужных идей. А что требуется молодым читателям? Правильно – пейзажная, воспевающая красоты Родины, и любовная, помогающая формулировать чувства и желания лирика.

Ответы на вопросы второй части анкеты нужно было вписать в бланк. Посмотрим, как восприняли эту часть опросного листа наши респонденты.

1) Назовите известных Вам белорусских поэтов-классиков.

Отметим, что знание имён белорусских поэтов-классиков показали почти все опрошенные: лидерами опросного листа стали Янка Купала – 82,6 %, Якуб Колас – 73,9 %, Максим Богданович – 73,9 %. Чуть меньшее количество голосов получили Максим Танк, Рыгор Бардулин, Нил Гилевич. Не назвали ни одного белорусского классика 24 % слушателей ПО и ПК. Здесь комментарии, думается, излишни.

2) Назовите известных Вам современных белорусских поэтов.

Этот вопрос не вызвал затруднений у филологов: самым популярным (известным) среди белорусских поэтов они назвали Анатолия Сыса: 47,8 % – русская филология и 30 % – белорусская. Белорусские филологи отметили также поэзию Леонида Дранько-Майсюка (42,5 %), Адама Глобуса (30 %), Алесь Рязанова (20 %). Были названы и такие белорусские поэты, как Ольга Куртанич, Эдуард Акулин, Людмила Рублевская, Владимир Некляев и некоторые другие, получившие, правда, единичные ответы. А вот слушатели подготовительного отделения и подготовительных курсов в большинстве своём дали ответ «Не знаю» (58,9 % и 25 % соответственно).

3) *Назовите причины непопулярности современной белорусской поэзии у читателя.*

Более 50 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос; 7 % считают, что белорусская поэзия непопулярна из-за отсутствия рекламы. Почти 20 % отметили, что поэзия не интересна читателю из-за непопулярности белорусского языка (10,4 %) и из-за непопулярности поэзии как таковой (23,9 %); нет времени на чтение у 12,5 % и 10 % респондентов утверждает, что молодёжь не читает вообще. Отмечали также низкое качество и неинтересную тематику белорусской поэзии.

С этим можно согласиться и в то же время возразить. Да, большинство стихов белорусских поэтов-классиков призывают любить родину и сочувствовать обездоленному белорусскому народу. И это не побуждает полюбить поэзию. Но есть стихи, которые не призывают прямо к борьбе за чистоту родного языка и любви к родной литературе, но на уровне подсознания вызывают мощнейший эмоциональный сдвиг, вызывают сопереживание, сочувствие и восхищение – ту гамму чувств, которые открываются в душе и сердце, когда читаешь *незаданное* поучение. Такие стихи написаны восторженным духом, а не сердечным нытьём, и они читаются.

Опрос показал, что не всё столь однозначно, хотя и не так всё плохо, как думают обыватели, но преподавателям и учителям есть о чём подумать.

Можно сделать вывод о том, что с творчеством современных белорусских поэтов знакомы в большей степени филологи – и это естественно, так как филология – их будущая профессия, и не интересуются поэзией школьники выпускных классов негуманитарного профиля – и тут множество причин. Школьники не знают современной белорусской лирики не потому, что не знают родного языка или отсутствует реклама произведений отечественного поэтического творчества и их авторов, а потому, что школьная программа чаще всего преподносит ученикам те лирические произведения, в которых прочитывается только идеологическая заикленность на тяжёлой мужицкой доле. У человека, воспринимающего такое искусство, снижается эстетическое чувство, так как он понимает, что его принуждают к эстетическому наслаждению, которое у него, увы, не возникает. Безусловно, *заставить* любить поэзию нельзя, но можно на примерах настоящих поэтических шедевров, развивающих чувство прекрасного, показать, как красивы стихи, как естественны в них образы родной природы и переживаний лирического героя.

Таким образом, главная причина безразличного отношения к поэзии нам видится в недоработке чиновников от Министерства образования, не сумевших скорректировать школьные учебные программы, и школьных учителей и родителей, которые вовремя и достойно не показали детям замечательные произведения белорусской литературы, неоспоримую прелесть и пользу поэзии как вида искусства, способствующего эмоциональному просветлению. А учителям, конечно, не до поэзии, тем более белорусской, – им бы успеть учебную программу дать своим ученикам и «натаскать» их на сдачу ЦТ по русскому и белорусскому языкам. Это, вероятно, важнее, чем воспитание эстетического вкуса и сохранение эмоционального (психического) здоровья детей.

Считаем необходимым отметить, что искусство, и в том числе поэзия, должно не столько удовлетворять желания и запросы публики, сколько – всё же! – воспитывать её, но делать это настолько аккуратно, незаметно и ненавязчиво, чтобы воспитуемый не заметил психолого-педагогического указующего «перста» при целенаправленном формировании его эстетического вкуса.

Путь литературы и поэзии, как одного из её видов, – это приближение к светлому и восторженному чувству. У поэзии особая миссия, торжественная и величественная, – воодушевлять и эмоционально приближать читателя к миру литературы. А *зачем* нужно читать книги классиков литературы? учить стихи? Для будущей успешной социализации, для общения к национальному – славянскому – культурному коду, для умения поддерживать умный разговор в обществе нужных людей. Так что ответ возникает не в уме, а в сердце, потому что *вера* не требует доказательств [3, с. 29]. Просвещая и приобщая людей к прекрасному как средству, способному в значительной мере изменить и преобразить внутренний мир души человека, искусство может дать живительную пищу для интеллектуальной деятельности не уснувшего ещё мозга и разбудить спящий.

Так, иерархия ценностей классической и современной поэзии остаётся неизменной. В погоне за временем нельзя забывать о том, что делает человека человеком, объединяет нас в единый народ. Поэзия всегда интересна и актуальна, так как она обращена к душе каждого. Нужно внимательно всматриваться в творчество каждого художника слова, стремиться понять его картину мира, но не для жёстких оценок, а для восприятия того ценного, что есть у классиков и современных поэтов: нравственного и духовного опыта, поиска, стремления к идеалу и осознанию несовершенства мира и человека в нём.

Литература

1. Лихачев, Д.С. Книга беспокойств: воспоминания, ст., беседы / Д.С. Лихачев. – М. : Новости, 1991. – 526 с.
2. Коровин, В.И. Татьяна Ларина и Евгений Онегин / В.И. Коровин // Литература в школе. – 2015. – №2. – С. 3.
3. Фёдоров, А.В. Зачем изучать литературу? / А.В. Фёдоров // Литература в школе. – 2015. – № 8. – С 29.
4. Авдоница, Т.В. Развитие художественно-эстетических потребностей студентов университета / Т.В. Авдоница, Е.П. Гончарова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник научных статей / редкол. : Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – Вып 7. – С. 137–142.
5. Гребенюк, О.С. Основы педагогики индивидуальности: учеб. пособие / О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2000. – 572 с.
6. Тесты для выбирающих профессию / Сост. А.М. Кухарчук, В.В. Лях, С.Г. Макарова. – Минск: «Соврем. слово», 2005. – 288 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 21.02.2016

О некоторых национально-специфических характеристиках концепта «любовь» в русском и французском языках

А.А. КИРЮШКИНА

Данная статья представляет собой попытку выявить лингвокультурную специфику концепта, репрезентируемого в русском языке лексемой «любовь», а во французском лексемой «amour», поскольку такая эмоциональная универсалия как любовь, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней. Автор приходит к выводу, что в сопоставляемых языках изучаемые концепты сгруппированы по разным признакам. Кроме того, лексема «amour» способна представлять в речи концепты, воспринимаемые как разные носителями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: эмоции, эмоционально-оценочная лексика, концепт «любовь».

Some national-specific characteristics of the «love» concept in Russian and French are considered. The sphere of feelings and emotions is generally recognized as one of the most difficult areas in the description of linguistic and cultural specificity of this or that people. Having made an attempt to reveal the linguistic and cultural specificity of a concept represented in Russian by a lexeme «любовь», and in French by a lexeme «amour», the author comes to conclusion, that in compared languages the studied concepts are grouped according to different criteria. Besides, the lexeme «amour» is capable of representing in speech the concepts which are perceived as different by the native speakers of Russian linguistic culture.

Keywords: emotions, emotional vocabulary, concept of «love».

С антропоцентрической точки зрения человек, использующий систему языка, сводится к понятию «говорящий субъект»: акцентируется его роль как главного действующего лица мира, о котором он говорит. При этом каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира или языковую картину мира. Как следствие, всякая языковая личность, участвующая в процессе коммуникации, обладает набором признаков, маркирующих ее определенным образом. Иными словами, у говорящих языковых личностей – представителей разных культур – существуют различные «ментальные схемы». С точки зрения психологов культуроносным является каждое слово, участвующее в процессе межкультурного общения, поскольку восприятие коммуникантами обозначенного этим словом объекта основывается на разных ассоциациях.

Одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа является сфера эмоций. Будучи неотъемлемой частью речевой деятельности и человека в целом, эмоции являются в то же время и одной из важнейших характеристик последнего, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность.

Специфика эмоций, по определению В.В. Шаховского, заключается в том, что они одновременно являются и объектом отражения в языке, и средством отражения самих себя и других объектов действительности, а также в том, что их невозможно отделить от отражающего субъекта. С.Л. Рубинштейн отмечает, что чувства человека отражают строение его личности, выявляя ее направленность, ее установки; что оставляет человека равнодушным и что затрагивает его чувства, что его радует и что печалит, обычно ярче всего выявляет – а иногда выдает – истинное его существо.

Для лингвиста интерес представляют языковые средства, используемые при выражении чувств говорящего и воздействующие на эмоциональную сферу слушающего, а также изучение эмоциональных фрагментов языковой картины мира представителей разных культур.

Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний, и принимается в качестве обязательной носителями языка.

Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значениях слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними.

Анна Зализняк анализирует концепт специфически русского чувства обиды, отмечая отсутствие точного эквивалента этому слову в таких языках как английский, французский и немецкий. Действительно, такие слова, как английские 'to offend', 'offense', французские 'offenser', 'offense', немецкие 'beleidigen', 'Beleidigung', приводимые в словарях в качестве перевода слов 'обидеть', 'обида', на самом деле имеют значение, соответствующее русскому 'оскорбить', 'оскорбление', т. е. заключают в себе иной концепт.

Е.В. Димитрова на примере другого типично русского концепта 'тоска' убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются посредством частичных эквивалентов, только в своей совокупности способных к репрезентации смыслового потенциала русского концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей.

Вл. Набоков отмечает, что, как и в случае со словом-концептом 'тоска', русское слово-концепт 'пошлость' имеет множество смысловых оттенков, которые рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного целого.

Эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты облакает в свои формы, то он облакает в них и эмоциональный отпечаток, который национально специфичен, оригинален.

Объектом нашего интереса является такая эмоциональная универсалия как любовь, которая, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней, так как «некие общечеловеческие (если не универсальные) концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, и фиксируются в разных значениях» [1, с. 84].

Сопоставляя набор признаков концепта, обозначенного в русском языке лексемой 'любовь', а во французском языке лексемой 'amour', мы обнаружили следующие различия.

В русском языке лексема 'любовь' имеет семему 'любовь-болезнь', не отмеченную у лексемы 'amour' (Страдать, сохнуть умирать по кому-либо от любви. То, что мы называем любовью, простолудин называет порчей, сухотой (В. Даль). От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу, Стала желтой и припадочной, Еле ноги волочу (А. Ахматова).

Концептуальный признак 'преданность', свойственный концепту 'любовь' не выражен у концепта 'amour'. Он не фигурирует ни в качестве семы языкового знака, ни в качестве синонима, как это имеет место в русском языке.

Кроме того, только в русском языке существует противопоставление 'любовь-влюбленность'. Согласно определению О.М. Воеводской, объединение лексем, их словоформ и дериватов входит в лексико-грамматическое поле лексемы, репрезентирующей концепт [2, с. 111]. На наш взгляд лексемы 'любовь' и 'влюбленность' представляют два разных концепта.

Попытаемся обосновать нашу точку зрения. Анализ словарных дефиниций показал, что лексема 'влюбленность' среди своих смысловых составляющих не содержит сем 'преданность' и 'глубина чувства'. Однако семантическое пространство языка – это только часть концептосферы, получившей выражение с помощью языковых знаков. Поскольку «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [3, с. 58], совокупность признаков, полученная из семантического анализа языковых знаков, объективирующая концепт, не представит нам содержания концепта полностью. Для описания последнего нами был проведен эксперимент. Носителям русского языка, семидесяти молодым людям в возрасте от 19 до 23 лет было предложено описать свой чувственный образ, связанный со словами 'любовь' и 'влюбленность'. Признак засчитывался, если его отметило более половины опрошенных.

В первом случае были выявлены признаки:

1. уникальность человека, выбранного объектом любви и, как следствие, готовность мириться с возможными недостатками, полное принятие (незаменимость, один раз в жизни, забота, терпение, жертва, прощение);

2. значимость человека, выбранного объектом любви (боязнь потерять, невозможность жить без него/нее, смысл жизни);

3. готовность видеть его спутником жизни (семья, брак, дети);

4. длительный и неизменный характер отношений (до конца жизни, вечно, навсегда, до старости, устойчивость, постоянно);

5. исключительная близость (единое целое, половинка, взаимопонимание);

6. наличие доверительных отношений (доверие, уверенность, верность, постоянство, преданность);

7. их основательный характер (уважение, защищенность, надежность);

8. противопоставляется концепту ненависть.

Для чувственного образа, связанного со словом влюбленность характерны следующие признаки:

1. периодичность и повторяемость данного состояния (часто, периодически, иногда, частота, в очередной раз, очередное свидание);

2. недолговечность (недолговременно, кратковременно, мгновение, мимолетно, временно, недолго);

3. неглубокие отношения (легкость, легкомысленность, несерьезно, игра, хорошее времяпрепровождение, дискотека, внешность);

4. непрочность (нестабильность, непостоянство, неуверенность, наверное, несерьезность);

5. преходящий характер (расставаться, находить, новые ощущения, сейчас, мимолетно, кажется, что навсегда);

6. выраженные спутствующие физические ощущения и состояния (состояние невесомости, полет, летать, учащенное сердцебиение, взыграли гормоны, искрящиеся глаза, дрожь, страх, взбудораженность, худеть, улыбка без причины, качели, прыжок с парашютом, перепады настроения, хорошее настроение, розовый цвет);

7. опрометчивость (делать глупости, бесшабашные поступки, безрассудство, иллюзии, идеализировать, разочарование);

8. неожиданность (хаос, вспышка, сюрприз, спонтанность);

9. не предполагает исключительности человека, выбранного объектом (сравнивать, раньше, другие).

Как видим, описываются два разных образа, каждый со своими признаками, т.е. два разных концепта. Отметим, что выделенные признаки пронумерованы только для большей наглядности и не могут быть упорядочены, поскольку постоянно «перетекают и переливаются внутри концепта» [3, с. 75]. Отсутствие подобной оппозиции во французском языке доказывает, что носители французской лингвокультуры репрезентируют концепт «amour» иначе.

Общеизвестно, что эмоционально-оценочная лексика тесно связана с национальным сознанием, с разного рода национальными факторами, национальной культурой, традициями, обычаями и т. п. Язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта. Иначе говоря, эмоциональный концепт культурно обусловлен.

Можно предположить, что для французов, о которых принято говорить, что они влюбчивы и легкомысленны [4, с. 91], более значимым является сама возможность получения удовольствия, положительных эмоций от взаимоотношений любого рода. Тогда как носителям русского языка свойственно пристальное внимание к нюансам человеческих отношений, являющееся одним из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира [5, с. 16]. Как результат, русское языковое сознание продемонстрировало бóльшую дифференциацию в лексикализации рассматриваемого эмоционального концепта, бóльшую нюансированность в концептуализации эмоций. Приведем пример того, как французский язык прибегает к одинаковой лексической объективации разных с точки зрения носителей русского языка концептов.

Je ne sais pas si c'était de l'amour que j'avais pour lui en ce moment – j'ai toujours été inconstante et je ne tiens pas à me croire autre que je ne suis - mais en ce moment je l'aimais plus

que moi-même, j'aurais donné ma vie pour lui [S., p. 86]. – Не знаю, было ли мое чувство к нему в эту минуту любовью, – я всегда была непостоянной и не хочу прикидываться другой. Но в эту минуту я любила его больше, чем себя самое, я могла бы отдать за него жизнь [С., с. 2].

Je lui devais donc mes premières élégances et mes premières amours et lui en avais beaucoup de reconnaissance [S., p. 78]. – Словом, ей я была обязана первыми элегантными нарядами и первой влюбленностью и была преисполнена благодарности к ней [С., с. 96].

Показательным является и еще одно выявленное расхождение в сфере языкового представления все тех же любовных отношений. В русском языке слова 'влюбленный' и 'любовник' представляют два совершенно разных типа взаимоотношений, две разные модели поведения. Если в первом случае налицо положительно оцениваемая идея человека очарованного, всецело увлеченного, испытывающего любовное влечение, то второе является носителем негативной коннотации, поскольку предполагает в первую очередь плотские, физические отношения, необязательно сопровождаемые отношениями личностными и не одобряемые окружающими. Эти коннотации нашли подтверждение и в данных ассоциативных словарей. Причем далеко не всегда 'влюбленный' будет являться 'любовником' для объекта своих чувств, равно как и 'любовник' совсем необязательно будет 'влюбленным'.

Однако при наличии отдельных лексем для обозначения и того, и другого французский язык допускает использование одного и того же языкового знака для их представления.

Погоди... зайдем в этот дворик и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь из знакомых увидит меня и потом скажут, что я была с любовником на улице [Б., с. 477]. – *Attends... entrons dans cette cour pour réfléchir, sinon, j'ai peur que quelqu'un de connaissance ne me voie et n'aille ensuite raconter à mon mari que je me promène dans la rue avec un amoureux.* [В., p. 503].

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку [Б., с. 479]. – *Le premier des deux hommes arracha aussitôt la bourse des mains de Judas. Au même instant, dans son dos, un couteau fendit l'air et se planta sous l'omoplate de l'amoureux* [В., p. 506].

Как видим, одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже концепты, воспринимаемые как разные носителями другой лингвокультуры – в зависимости от коммуникативных потребностей, объема, количества и качества информации, которую говорящий хочет передать в своем коммуникативном акте.

Данное положение вещей осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. Если эмоции могут быть вызваны не только взаимодействием с другими людьми, то коммуникация неразрывно связана с эмоциональными переживаниями. Однако их репрезентация и интерпретация варьируются в разных лингвокультурах и потому заслуживают изучения и осмысления. В процессе коммуникации общающиеся должны владеть хотя бы базовыми знаниями об эмоциональных культурных концептах речевого партнера. Проникновение в концептосферу позволяет лучше осмысливать миропонимание и поведение людей, раскрывает универсальные черты, присущие концептосферам всех народов и национально-специфические черты концептосфер. За пределами родной культуры этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям. Решение этой задачи, по-видимому, требует разработки соответствующих учебных пособий или спецкурсов, ориентированных на подготовку к межкультурной коммуникации.

Источники примеров

S. – Sagan, F. *Bonjour, tristesse* / F. Sagan. – P. : Julliard, 1969. – 135 p.

С. – Саган, Ф. *Пруд одиночества: повести и рассказы* / Ф. Саган. – Вильнюс : Полина, 1993. – 327 с.

Б. – Булгаков, М. *Избранные произведения* / М. Булгаков. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 540 с.

В. – Boulgakov, M. *Le maître et Marguerite* / M. Boulgakov. – P. : Édition du groupe «Ebooks libres et gratuits», 1989. – 631 p.

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
2. Воеводская, О.М. Лексико-грамматическое поле концепта / О.М. Воеводская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд-е / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 111–113.
3. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 193 с.
4. Николаева, Ю.В. Исторические корни национальных стереотипов / Ю.В. Николаева // Русская и европейская философия: пути схождения: сб. материалов конф. – СПб : научно-издательский центр «Кафедра», 1997. – С. 94–105.
5. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 12–24.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.05.2016

УДК 37.091.3:811.161.1'373.611:373.5

Особенности морфемного и словообразовательного анализов в школьном курсе словообразования

Н.И. ЛАПИЦКАЯ

Рассматриваются некоторые сложные вопросы морфемного и словообразовательного анализов в школе и вузе, отмечаются отличия школьной и вузовской схем данных типов разборов, указывается важность владения методикой проведения данными разновидностями анализов. Морфемный и словообразовательный разборы являются одними из самых эффективных приёмов, которые способствуют уяснению основных понятий морфемики и словообразования, активизации мыслительной деятельности студентов и учащихся, развитию их творческого мышления и воспитанию интереса к предмету.

Ключевые слова: словообразование, упражнения по словообразованию, морфемный анализ (разбор слова по составу), словообразовательный анализ, схема разбора.

Some of the difficult questions of morphemic and word-formation analysis in schools and universities are considered. Differences between the school and university schemes of analysis of these types are marked. The importance of being the master of the method of different kinds of analysis is indicated. Morphemic and derivation dissections are one of the most effective techniques that contribute to the elucidation of the fundamental concepts of morphemics and word formation, activation of mental activity of students and pupils, development of their creative thinking and raising interest in the subject.

Keywords: derivation, word formation exercises, morphemic analysis (analysis of word structure), word-formation analysis, parsing scheme.

Словообразование – раздел науки о языке, который изучает образование слов и словообразовательные связи между словами. Безусловно, данный раздел языка является одним из самых сложных в плане преподавания учителем. С многими проблемами могут столкнуться и студенты-филологи при прохождении в школе педагогической практики. Данным фактом и определяется необходимость описания некоторых сложных моментов работы по словообразованию в школе.

Цель данной статьи – показать, с какими трудностями в преподавании словообразования в школе могут встретиться студенты-филологи как будущие учителя русского языка. Предмет статьи – особенности преподавания словообразования в школьном курсе русского языка.

Словообразование изучается в школе поэтапно: 1) начальный этап (1–4 классы); 2) систематический (6 класс); 3) сопутствующий (7–8 классы); 4) заключительный (9–11 классы). Почти в самом начале курса 6 класса школьники получают представление об общих понятиях, связанных с осмыслением механизма образования слов в русском языке; затем по мере усвоения морфологии учащиеся знакомятся со спецификой образования слов различных частей речи.

Задачи изучения раздела в курсе 6 класса:

– расширять знания учащихся о значении и роли морфем, обращая особое внимание на те из них, семантика которых на совпадает в русском и белорусском языках (приставки *в-*, *у-*, *воз-*, *при-*, *про-*, *со-*, *о-*);

– формировать понятие об исходных единицах словообразовательного процесса, открывать перед школьниками многообразие способов образования слов, показывая решающую роль словообразовательных процессов в пополнении словарного запаса языка и раскрывая специфику словопроизводства в системе именных частей речи и глагола;

– продолжать совершенствовать орфографические навыки, основывающиеся на понимании морфемного состава слова.

Изучение словообразования способствует:

а) осмысленному обогащению учащимися собственного словарного запаса, так как знание строения слова и понимание значения составляющих его элементов обеспечивает понимание значения слова в целом;

б) осознанию стилистической окраски служебных морфем (*воин – вояка, лётчик – летун, чтение – читка, старик – старец – старикашка*).

В школьном курсе словообразования работа организуется по трём группам понятий:

- 1) понятиями, связанными со структурой слова;
- 2) понятиями, связанными с механизмом образования слов;
- 3) понятиями, связанными со словообразовательным и морфемным анализом слов.

К *первой* группе относятся значимые части слова: морфема, морфема словообразовательная и формообразовательная; основа слова, окончание; корень, приставка, суффикс, постфикс, соединительная морфема.

К *второй* группе относятся непроизводное слово, производное слово, производящая часть (производящее слово, производящая основа), словообразовательное средство; способы образования слов: приставочно-суффиксальный, постфиксальный, переход слов из одной части речи в другую, сложение, сложение основы и целого слова, сложение в сочетании с суффиксацией, слияние нескольких слов, сложение сокращённых основ, нулевая суффиксация.

К *третьей* группе относятся такие понятия, как словообразовательный разбор слова, разбор слова по составу (морфемный).

Часть понятий первой группы, а также разбор слова по составу изучается в начальной школе, повторяются в курсе 5 класса при изучении орфографии как системы единообразных написаний.

Обычно в методике преподавания русского языка все упражнения по словообразованию делят на 4 группы:

1. *Морфемные* упражнения развивают у учащихся умение видеть структуру слова: выделение основы и окончания; выделение суффиксов и выяснение их значения; сопоставление слов с приставками, имеющими противоположное значение; выделение в производных словах всех составных частей; подбор родственных слов; составление с анализируемыми словами словосочетаний и предложений; графический диктант и др.

2. *Словообразовательные* упражнения развивают у школьников умение устанавливать структурно-семантические связи и определять способ образования искомого слова: определение, от какого слова и с помощью чего образовано данное слово; составление цепочек однокоренных слов; определение способа образования слова; подбор однокоренных слов к данному слову; образование от данных слов новых при помощи приставок, суффиксов, соединительных гласных и др.

3. Упражнения, сочетающиеся с лексической работой, когда слово анализируется в составе предложения.

4. Упражнения, связанные с упражнениями по орфографии: словарный диктант с выборочным или полным морфемным анализом слов; выборочный диктант на какие-либо приставки или корни с чередующимися гласными и т.д.

На протяжении всего школьного курса русского языка самыми эффективными упражнениями по словообразованию в школе являются морфемный и словообразовательный анализы. Оба названных разбора представляют определённые трудности для учащихся, студентов и преподавателей. Остановимся на некоторых вопросах названных анализов.

Морфемный разбор (с.) (*разбор слова по составу*) – это выделение в слове значимых частей.

Словообразовательный (сл.) *разбор* – это выяснение того, каким способом и при помощи каких словообразовательных средств образовано данное слово.

Схема школьного морфемного анализа следующая:

1. Определите, изменяется или не изменяется слово.
2. Если слово изменяется, отделите формообразовательные морфемы – окончание и (если есть) формообразовательный суффикс.
3. Выделите основу.
4. Выделите корень, сравнивая с другими однокоренными словами.
5. Выделите (если есть) иные морфемы, находя их в других словах [1, с. 79].

Порядок словообразовательного разбора следующий:

1. Поставьте слово в начальную форму.

2. Назовите лексическое значение слова, объяснив его через производящее слово. Например, *светлеть* – «становиться светлым». Значит, слово *светлеть* образовано от прилагательного *светлый*.

Светлеть – производное, *светлый* – производящее.

3. В производном слове выделите часть, от которой образовалось производное: *светлый*.

4. Сравните производное и производящее слова и определите морфему, с помощью которой образовалось производное: *светлый* → *светлеть*.

5. Назовите способ словообразования: суффиксальный [1, с. 78].

При выполнении морфемного и словообразовательного анализа следует учитывать целый ряд сложных моментов.

1. Перед тем, как приступить к словообразовательному анализу, следует убедиться, что слово может быть объектом данного анализа (является производным или при производности всё равно не может быть проанализировано, например, *обуть*, *разуть*).

2. Нельзя переносить результаты морфемного анализа на словообразовательный при определении способа словообразования слова. Так, в слове *пригородный* выделяются приставка *при-* и суффикс *-н-*, однако способ образования слова – суффиксальный от *пригород*.

3. Следует учитывать, что во многих случаях мы имеем дело с живыми словами, в составе которых произошли и происходят исторические изменения и далеко не всегда очевидна грань между этимологическим и современным составом слова (например, слово *обед* в современном русском языке не имеет приставки).

4. Нужно стараться постоянно подчёркивать детям, что в словообразовании не всегда срабатывает однотипность:

– так в словах *пушка*, *черёмушка* *-к-* в одном случае входит в корень, в другом – является суффиксом (это можно выяснить путём подбора родственных слов, например, *черёмуха*);

– в словах *плавательный* и *усилительный* суффиксы *-тельн-* и *-тель-* и *-н-*, т. к. есть промежуточное звено – *усилить* → *усилитель* → *усилительный*;

– слова *вазочка*, *шапочка*, *курточка*, *Сонечка*, *дружочек*, *ёлочка* и *покупочка* также по-разному членятся на морфемы (следует учитывать алломорфы *-оч-* и *-к-* (*шапочка* и *шапка*)).

5. Постоянно следует акцентировать внимание детей на том факте, что при выделении окончания необходимо определить часть речи и её изменяемость. Иначе получим одно и то же окончание в словах *красная* и *думая*, *небо стало голубей* и *стая голубей*. Следует также заострять внимание на том, что у неизменяемых слов *нет* и *не может быть* окончания.

В качестве упражнений для отработки перечисленных выше моментов А.Г. Балакай предлагает использовать следующие упражнения:

– Как найти окончания в словах: *учился*, *смеркается*, *четыреста пятьдесят*?

– Есть ли окончание в словах: *петь*, *нести*, *сжечь*, *пасть*, *задумчиво*, *грустно*, *(в)следствие*, *караул*, *батьюшки*?

– Сколько значимых частей в словах: *читал*, *нёс*, *нас* (глагол), *нас* (существительное), *нас* (междометие или в значении сказуемого: *Я – нас!*)?

– Одинаковы ли по строению слова-омонимы: *бабочка* (простореч. ласкат. к *баба*) и *бабочка* (насекомое), *байка* (ткань) и *байка* (короткая сказка, побасенка); многозначные слова *косточка* (1. маленькая кость, 2. семя плода), *скобки* (1. маленькие скобы, 2. знак препинания)?

– Какие суффиксы в словах: *учительство*, *строительство*, *обстоятельство*, *предательство*, *разбирательство*, *свидетельство*; *пепельница*, *чернильница*, *капельница*, *плевательница*?

– Аналогично ли членятся по составу слова: *голубоватый*, *розоватый*, *лиловатый*? *Прибегу*, *приду*? *Чайник*, *кофейник*?

– Есть ли суффиксы в прилагательных: *свежий* и *медвежий*, *молодой* и *золотой*?

– Каким способом образованы существительные *синь* и *синева*?

– Можно ли не прибегая к фонетической записи (транскрипции), разобрать по составу слова: *пью*, *пьющий*, *чья*, *лебяжьего* [2, с. 86]?

6. Нужно внимательно ознакомиться со схемами разборов. Вузовский и школьный морфемный и словообразовательный анализы имеют некоторые отличия:

– так, формообразовательные морфемы (суффикс неопределённой формы *-ть*, суффикс прошедшего времени *-л-* и др.) не включаются в основу (*освежить*). В связи с этим перед выделением основы отделяется окончание и формообразовательный аффикс;

– постфикс имеет обозначение, обратное приставке;

– третьим пунктом словообразовательного анализа стоит нахождение части, общей для производного и производящего слова. В школьном учебнике даётся следующее определение этого понятия: «часть слова или всё слово, к которому присоединяется суффикс, приставка или другая морфема при образовании нового слова. Основа слова может совпадать или не совпадать с частью слова, к которой присоединяется морфема». Например, *светлѣть* ← *светлый*; *расписать* ← *писать* [1, с. 69].

Чтобы научить школьников правильно обнаружить часть, к которой присоединяется суффикс, приставка или другая морфема при образовании нового слова, нужно сформировать у них умение правильно определять значение производного слова.

Для этого можно использовать семантические схемы, которые разработаны.

О.Г. Ревзиной [3] и усовершенствованы для школы И.А. Ширшовым [4, с. 39]. Так, все одушевлённые существительные имеют схему «тот, кто» (строитель – тот, кто строит), неодушевлённые существительные, выступающие только в форме единственного числа, – схеме «то же, что и» (смелость – то же, что и смелый); неодушевлённые существительные, употребляющиеся в формах обоих чисел, – несколько схем (мельница – то, где мелют; подпорка – то, что подпирают; росток – то, что растёт).

Т. е. выделение производящей части начинается с поиска лексического значения слова. Для того чтобы легче было увидеть морфему, при помощи которой образовано слово, можно предлагать детям записывать слова в столбик:

Бежать	город	мыть	лес
Прибежать	пригород	мыться	лесной

Такую же запись можно использовать и при работе над производящей частью:
читать

читатель (упр. 158).

Общее у производного и производящего и есть та часть, к которой присоединяется суффикс, приставка или другая морфема при образовании нового слова. Её и отделяют вертикальными линиями:

вода	борода
подводный	подбородок.

Таким образом, трудные вопросы словообразовательного и морфемного анализов способствуют уяснению основных понятий морфемики и словообразования, овладению методикой данных типов анализа, активизации мыслительной деятельности студентов и учащихся, развитию их творческого мышления и воспитанию интереса к предмету.

Литература

1. Русский язык : учеб. пособие для 6 кл. общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / Л.А. Мурина [и др.]. – Минск : Нац. ин-т образования, 2010. – 272 с.
2. Балакай, А.Г. Некоторые спорные вопросы морфемного анализа в вузе и в школе / А.Г. Балакай // РЯШ. – 1992. – № 4. – С. 81–86.
3. Ревзина, О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках / О.Г. Ревзина. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 156 с.
4. Ширшов, И.А. Приёмы поиска производящей основы / И.А. Ширшов // РЯШ. – 1978. – № 2. – С. 34–39.

Сімвальнае значэнне фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам *сцяна/сценка*

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

Праведзены лінгвакультуралагічны аналіз фразеалагічных адзінак беларускай літаратурнай мовы з кампанентам-лексмай *сцяна/сценка*, якая ў свабодным сваім выкарыстанні з'яўляецца найменнем аднаго з ключавых сімвалаў у беларускай карціне свету, што і стала асновай яе адбору пры ўтварэнні фразеалагізмаў. А ўведзены ў склад фразеалагізмаў кампанент-найменне сімвала надзяляе культурнай семантыкай гэтыя другасныя адзінкі мовы, утвораныя на вобразнай аснове і ў выніку пераасэнсавання выразаў з гэтым словам.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент *сцяна*, сімволіка, культурная інфармацыя, катэгорыя прасторы, стэрэатыпы, эталоны і сімвалы.

The linguistic and cultural analysis of Belarusian phraseological units with the component «*сцяна*» is presented. In its free usage the lexeme denominates as one of the key symbols in Belarusian world-view, which provided the ground for its use in phraseological units. When introduced in the structure of phraseological units, the name of the symbol endows cultural semantics upon these secondary language units that are created on an imaginative basis and as a result of re-thinking of the expressions with that word.

Keywords: phraseological unit, component «*сцяна*», symbolics, cultural information, category of space, stereotypes, samples and symbols.

Адным са складнікаў архітэктурна-будаўнічага кода культуры беларусаў (разумеецца як сукупнасць імёнаў, якія абазначаюць жыллё чалавека як цэлае ці асобныя яго часткі, што нясуць функцыянальна значныя для культуры сэнсы, надаюць гэтым імёнам ролю знакаў «мовы» культуры), адлюстраванага сродкамі фразеалогіі беларускай мовы, з'яўляецца група фразеалагізмаў з кампанентам *сцяна/сценка*. Актualнасць вывучэння фразеалагізмаў увогуле абумоўлена найперш тым, што гэтыя другасныя адзінкі выступаюць пры іх уважлівым «прачытанні» своеасаблівымі тэкстамі культуры (нездарма іх лічаць найбольш «культураноснымі» адзінкамі кожнай мовы), а выбар фразеалагізмаў з кампанентам *сцяна/сценка* ў якасці аб'екта вывучэння ў межах артыкула тлумачыцца неабходнасцю вызначэння архітэктурна-будаўнічага кода культуры беларусаў увогуле ў беларускай фразеалогіі і ўстанаўлення месца і ролі кампанента *сцяна/сценка* з яго сімволікай у працэсе ўтварэння фразеалагізмаў і наданні ім дадатковага, сімвальнага значэння. Зварот да фразеалагізмаў з кампанентам *сцяна/сценка* тлумачыцца яшчэ і колькасным паказчыкам: выдзелена 19 фразеалагізмаў з кампанентам *сцяна/сценка* толькі ў «Фразеалагічным слоўніку» І.Я. Лепешава [1]. Важна і тое, што абраная група фразеалагізмаў не была аб'ектам лінгвакультуралагічнага даследавання.

Лексема *сцяна*, як адзначаецца ў найбольш поўным тлумачальным слоўніку беларускай мовы, фіксуецца як мнагазначная: 1) 'вертыкальная частка будынка, якая служыць для падтрымкі перакрыццяў і для падзелу памяшкання на часткі', 2) 'высокая агароджа з каменя, цэгля і пад.', 3) 'строгая бакавая паверхня чаго-н.', 4) *перан*. 'тое, што аддзяляе, раздзяляе каго-, што-н.; перашкода для чаго-н.', 5) *перан*. 'цесны рад або суцэльная маса чаго-н., якія ўтрымліваюць заслону, перашкоду для чаго-н.'/'самкнуты строй людзей' [2, с. 425].

З прычыны таго, што *сцяна* абазначала важнейшы канструктыўны элемент хаты, а хата, дом, як вядома, – «гэта не толькі матэрыяльны аб'ект. У традыцыйным грамадстве жыллё – адзін з ключавых сімвалаў культуры» [3, с. 3], менавіта за гэтай часткай хаты замацавалася сімвальнае значэнне: *сцяна* – гэта вертыкальная мяжа паміж «сваім» (засвоеным, чалавечым) светам жылога памяшкання і іншасветам вонкавай прасторы» [4, с. 468]. У выніку слова *сцяна* стала найменнем сімвала «мяжа» (параўн. дзверы з той жа сімволікай і фразеалагізмы з кампанентам *дзверы*, пра якія ўжо пісалі [5]). Менавіта гэта адметнасць і стала прычынай адбору лексемы *сцяна* ў якасці кампанента фразеалагізмаў для абазначвання новых,

абстрактных паняццяў, захавання і перадачы ў прасторы і часе культурнай інфармацыі, выпрацаванага культурнага вопыту народа, а значыць наданню пэўнай сімволікі ўтвораным фразеалагізмам, што ілюструе лінгвакультуралагічны аналіз выдзеленых фразеалагізмаў.

Так, вобраз фразеалагізма ў *чатырох сценах* сядзец, жыць і пад. – 1) ‘не маючы ні з кім зносін, у адзіноце’; 2) ‘не выходзячы з дому, з памяшкання’ ствараецца прасторавай метафарай, якая прыпадабняе знаходжанне чалавека ў замкнутай прасторы, у чатырохвугольніку дома, хаты, што ўтвараюць чатыры сцяны, адзіноцтву, адасобленасці чалавека ад знешняга свету. Праз лічэбнік кампанент *чатырох* фразеалагізм суадносіцца з лічбавым кодам культуры, праз кампанент *сценах* – з архітэктурна-дамабудаўнічым, а ў спалучэнні з прыназоўнікам *у* – з прасторавым. У фразеалагізме захавана архетыпічная апазіцыя «ўнутраны – знешні» і «свой – чужой». Тут чатыры сцяны ўтвараюць замкнутую ўнутраную асвоеную прастору і служаць для аддзялення «сваёй» ад знешняй, «чужой» прасторы, ці з’яўляюцца мяжой паміж імі. У фразеалагізме чатыры сцяны на аснове метафары сімвалізуюць дом як цэлае, як месца адасоблення, ізаляцыі ад знешняга свету, што, несумненна, выклікае адмоўную ацэнку і неадабрэнне, параўн., напрыклад: *Штодня не будзеш сядзец у чатырох сценах, як асуджаны, хадзіць сцёжкам, а не вуліцай*. А. Алешка; *Хто ж у гэтыя гады выседзіць летам у чатырох сценах*. В. Супрунчук [1, т. 2, с. 478]. Фразеалагізм у *чатырох сценах* выяўляе стэрэатыпнае ўяўленне беларусаў пра ізаляванасць чалавека, адасобленасць ад другіх людзей.

Выразнае сімвальнае значэнне мяжы прасочваецца і ў фразеалагізме *сцяна ў сцяну* жыць (пражываць) і пад. – ‘зусім побач, у непасрэднай блізкасці, па суседству’, які ствараецца прасторавай метафарай, заснаванай на выкарыстанні прыназоўніка ў і сімвальнай функцыі сцяны як мяжы. Але вобраз фразеалагізма як размяшчэнне сцяны адной абжытай прасторы побач з другой сцяной-мяжой суадносіцца яшчэ і з духоўным кодам культуры, бо захоўвае і перадае ўяўленні і маральныя ўстаноўкі пра жыццё побач, па суседстве. Фразеалагізм адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне аб пражыванні людзей побач, жыццё па-суседску, але ў сваіх сценах, якія сімвалізуюць хату, дом як «сваю» тэрыторыю, як асвоеную прастору. Напрыклад: *Дзед Андрэй і дзед Халімон – суседзі... Пражылі яны, можна сказаць, сцяна ў сцяны ўсё сваё жыццё. А кожнаму з іх цяпер па восем дзясяткаў адгрукала* Ваданосаў [1, т. 2, с. 478].

А вось у аснове вобраза прыслоўнага фразеалагізма *як/што за каменнай/мураванай сцяной* быць, жыць ‘пад надзейнай аховай каго-н., спакойна’ ляжыць аналогія «дом – чалавек», праўда, дом праз яго частку – сцяну. Фразеалагізм пабудаваны на аснове метафары, якая прыпадабняе па аналогіі каменную сцяну таму чалавеку, які з’яўляецца надзейнай аховай, аберагае ад трывог, хваляванняў, ад пагроз і цяжкасцей, небяспечнасцей знешняга свету (параўн. прыказку *У сваёй хаце/сваім доме і вуглы сцены памагаюць*). Акаляючы свет па-за сценамі дома ўяўляецца чужым, а таму невядомым, небяспечным, што і абумоўлівае важнасць умацавання мяжы паміж «сваёй» і «чужой» прасторай, якая ў вобразе фразеалагізма знайшла сімвалічнае ўвасабленне ў кампаненце *сцяна*, галоўнай функцыяй якой з’яўляецца забеспячэнне непранікальнасці з боку знешняга свету. А камень/мур як матэрыял ці вынік пабудовы сцяны служаць сведчаннем моцы, надзейнасці і ўстойлівасці такой аховы. Фразеалагізм выступае ў ролі эталона бяспекі, аховы ад ўздзеяння знешняга свету.

Блізкім да папярэдняга выступае кампаратыўны фразеалагізм *як на каменную сцяну/гару* ‘поўнасцю, цалкам (спадзяваюцца і пад. на каго-н.)’, асновай пабудовы якога выступае метафара «каменная сцяна – чалавек», паводле якой такія якасці чалавека, як надзейнасць, вернасць, стойкасць, прыпадабняюцца да каменнай сцяны. Такая роля сцяны ўзыходзіць да мінулых часоў і абавязана старажытнай традыцыі будаваць сцены вакол гарадоў, манастыроў з асноўнай мэтай укрыцця і абароны ад ворагаў, ад нашэсцяў чужакоў. Фразеалагізм выступае ў ролі эталона надзейнасці і вернасці чалавека.

Да месца і ў дадатак да папярэдніх узгадаем фразеалагізм *кітайская сцяна* – ‘неадольная перашкода; поўная ізаляванасць ад каго-, чаго-н.’, які ўзнік у выніку фразеалагізацыі тэрміналагічнага словазлучэння, што называе крапасную сцяну ў Паўночным Кітаі, якая будавалася ў IV–III стст. да н. э. і служыла аховай і перашкодай ад набегу ворагаў.

У фразеалагізме кампанент *сцяна* сімвалізуе мяжу, з аднаго боку, як надзейную ахову, а з другога – перашкоду. Фразеалагізм *кітайская сцяна* выступае ў ролі эталона, узора абароны ці перашкоды для негатыўнага ўздзеяння звонку ад чужакоў і ворагаў.

Вобраз і сімволіка папярэдняга фразеалагізма паслужыла для ўтварэння фразеалагізма *адгароджвацца кітайскай сцяной*, які мае празрыстую матывацыю, але зусім новае значэнне – ‘вельмі моцна, наглуха адасабляцца, адмяжоўвацца ад каго-, чаго-н.’ Паводле кампанента *адгароджвацца* фразеалагізм суадносіцца з антропным, уласна чалавечым кодам культуры, паколькі сам чалавек з’яўляецца выканаўцам дзеяння, стварае мяжу. Таму фразеалагізм служыць для выражэння неадабрэння, нясе адмоўную ацэнку такога дзеяння аднаго чалавека ці некалькіх, як адасобленасць ад іншых людзей ці ад чаго-небудзь, што цікава ці патрэбна іншым. Фразеалагізм *адгароджвацца кітайскай сцяной* выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення аб адасобленасці, адмежаванні, аддзяленні, адчужанасці.

Відавочна, дзякуючы запазычанню з рускай мовы ў беларускай мове маем прыслоўны фразеалагізм *сценка на сценку* ‘адзін на аднаго групамі (хадзіць, сыходзіцца ў кулачны бой)’, асновай вобраза якога паслужыла метафара «каменная сцяна – чалавек» (гл. *як на каменную сцяну/гару*). Вытокі ўтварэння гэтай адзінкі прасочваюцца ўжо ў семантыцы фразеалагізма, які сваёй вобразнай формай захоўвае інфармацыю пра мінулыя кулачныя баі, калі адна група людзей ішла супраць другой, адна вёска, вуліца на другую і інш. І тут кампанент-лексэма *сцяна* выступае з сімвальным значэннем сілы і моцы, паколькі такую сцяну ўтвараюць людзі, што стаяць, вобразна кажучы, цесна прытуліўшыся адзін да аднаго, галоўнае, дзейнічаюць заадно, прадстаўляюць адзінства, супрацьпастаўленае другому такому ж адзінству людзей. Напрыклад: *Дарослыя самі сценка на сценку пайшлі: аляксеўцы – тыя, што жылі за гарой, – на тых, чые дамы стаялі ў цэнтры сяла*. Гніламёдаў [1, т. 2, с. 476].

У аснове вобраза фразеалагізма *станавіцца сцяной* ‘дружна, аднадушна выступаць (у абарону чаго-н., супраць чаго-н. і пад.)’ ляжыць формула фразеалагізаванага выразу з творным параўнання, дзе сукупнасць людзей у іх адзінстве дзеянняў, імкненняў, меркаванняў прыпадабняецца да сцяны, за якой замацавана сімвальнае значэнне мяжы, а значыць аховы, моцы і сілы (параўн. *як за каменнай сцяной*). Фразеалагізм адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне пра важнасць, ролю адзінства людзей для абароны, адстойвання ці выступлення супраць чаго-небудзь.

А вось прыслоўны фразеалагізм *як сцяна* маўчаць ‘зацята, упарта’ праз кампанент *сцяна*, як і ў іншых фразеалагізмах, суадносіцца з архітэктурна-домаўладкавальным кодам культуры, дзе сцяна як найменне часткі дома функцыянуе ў ролі знака «мовы» культуры. Але ў аснове вобраза фразеалагізма ляжыць метафара, паводле якой адсутнасць маўлення, дакладней зацятасць маўчання чалавека прыпадабняецца да сцяны, за якой замацавана сімволіка сілы, моцы і якая задае сістэму іх вымярэння. Фразеалагізм выступае ў ролі эталона вытрымкі чалавека не загаварыць, не сказаць ні слова.

Кампанент *сцяна* як найменне важнейшай канструкцыі хаты, дома скарыстаны і ў фразеалагізмах, якія служаць для наймення, характарыстыкі і ацэнкі эмацыянальнага стану чалавека. Гэта два фразеалагізмы – *палезці на сцяну* ‘пачаць крайне ўзрушацца, раздражняцца, злавацца’ і *лезці на сцяну* ‘крайне ўзрушацца, раздражняцца, злавацца’, – якія служаць для перадачы высокай ступені выражэння эмоцыі злосці ў яе праяўленні. Па-першае, фразеалагізмы захоўваюць і даносяць да новых пакаленняў іх носьбітаў інфармацыю пра скрытыя веды аб войнах у далёкім мінулым, калі ўмацаваныя гарады абносіліся высокімі каменнымі ці драўлянымі сценамі, а зверху на тых, хто штурмаваў гэтыя сцены – лез на сцяну, як адзначаецца адносна фразеалагізма *на стэнку лезць* у рускай мове, «стралялі, іх калолі, аблівалі кіпнем і гарачай смалой, закідвалі камянямі. *Лезці на сцяну* азначала праяўляць выключную смеласць, а таксама – іншым разам – і безразважную гарачнасць» [6, с. 667]. Па-другое, фразеалагізмы ілюструюць метафарычнасць мыслення, дзякуючы чаму становіцца зразумелым, як ад станоўчай ацэнкі канкрэтнага дзеяння чалавека, што называюць словазлучэнні *лезці на сцяну* ці *палезці на сцяну* ў іх прамым значэнні, назіраецца пераход пры іх метафарызацыі ў працэсе фразеалагізацыі да наймення абстрактнага паняцця – эмоцыі і да адмоўнай ацэнкі такога эмацыянальнага стану чалавека, як узбуджэнне, раздражненне ці злосць, які быў характэрны воінам, што абаранялі «сваю» тэрыторыю, «сваю» прастору – уласны дом, зямлю, радзіму.

Для наймення такога эмацыянальнага стану чалавека, як безнадзейнасць, немагчымасць зрабіць што-небудзь, каб выйсці з крайне цяжкага становішча, служыць фразеалагізм *хоць галавой аб сцяну біся*, што наглядна ілюструе наступны прыклад: *Настрой у Лаўрыка ўсе гэтыя дні быў вельмі цяжкі. Часам было яму так нудна – хоць галавой аб сцяну біся* [1, с. 105]. Несумненна, што сваім утварэннем фразеалагізм абавязаны назіранню за паводзінамі чалавека ў стане адчаю, вялікага гора. Такі вобраз фразеалагізма з'яўляецца агульным не толькі для беларусаў, але і для рускіх і многіх іншых народаў, вызначаючы тым самым інтэрнацыянальны характар гэтай адзінкі, параўн.: руск. *биться/колотиться головой об стенку*; польск. *walic głową w/o mur*; англ. *Knock (run) one's head against a brick (a stone) wall*; ням. *Mit dem Kopf durch die Wand wollen*; чэш. *Bit se hlavou proti zdi* і інш.

Яшчэ адзін кампаратыўны фразеалагізм – *як/што гарох аб сцяну/сценку* ‘нічога не дзейнічае на каго-н.’ выкарыстоўваецца для выражэння неадабрэння і адмоўнай ацэнкі пра ўздзеянне з боку аднаго чалавека на другога, ці тых вынікаў і намаганняў уздзеяння, якія параўноўваюцца з вынікам удару гарошын аб сцяну, на якой ад іх не застаецца і знаку. Тут фразеалагізм, акрамя архітэктурна-домабудаўнічага кода культуры, суадносіцца з прасторавым праз кампанент *аб* і раслінным праз кампанент *гарох*, выбар якога, несумненна, звязаны з малымі памерамі гарохавага зерня ў параўнанні і супастаўленні з памерамі, а галоўнае з уяўленнем пра моц сцяны. Фразеалагізм *як/што гарох аб сцяну/сценку* набывае ролю стэрэатыпнага ўяўлення пра неспрыманн, нерэагаванн на ўздзеянне, жаданне паўплываць на каго-небудзь.

Блізкім да папярэдняга паводле вобраза і семантыкі ў беларускай мове выкарыстоўваецца фразеалагізм *як/што гарох ад сцяны/сценкі* ‘безвынікова для каго-н.’, які, як і папярэдні, праз кампанент *гарох* суадносіцца з раслінным кодам, праз кампанент *сцяна* – з архітэктурна-будаўнічым і з прасторавым кодам культуры праз адметны кампанент *ад*, які разам з формай роднага склону назоўніка *сцяны/сценкі* вызначае супрацьлеглы накірунак руху гароху, у адрозненне ад прыназоўніка *аб* у фразеалагізме *як/што гарох аб сцяну/сценку*. Тут маецца на ўвазе, што ніякія дзеянні адной асобы ці некалькіх ў дачыненні да другой асобы ці некалькіх не дзейнічаюць, усё безвынікова. Абстрактнае паняцце ў міжасобасных адносінах набыло выразную форму праз параўнанне з гарохам, які не аказвае ніякага следу на сцяне пры ўдары аб яе. Кампанент-лексема *сцяна* з яе сімвальным значэннем моцы, абраны вобраз, унутраная форма новай адзінкі надаюць сімвальнае значэнне фразеалагізму *як/што гарох ад сцяны/сценкі*, які набывае ролю эталона, меры безвыніковасці ўздзеяння.

Як вядома, нягледзячы на ўсю моц сцяны можа быць прабітай, таму і ў фразеалогіі для абазначэння і ацэнкі аднаго з абстрактных паняццяў у жыцці чалавека быў скарыстаны вобраз з гэтым дзеяннем – гэта фразеалагізм *ілбом/лбом сцяну прабіваць* ‘рабіць гранічныя намаганні для дасягнення чаго-н.’, які суадносіцца з некалькімі кодамі культуры: *ілбом/лбом* – з саматычным, ці цялесным, *сцяну* – з архітэктурна-домабудаўнічым і *прабіваць* – з акцыянальным. Тут сцяна сімвалізуе мяжу-перашкоду, якую чалавек прабівае для дасягнення чаго-небудзь важнага, значнага для яго. Маецца на ўвазе, што для ажыццяўлення задуманага, неабходнага, важнага ці складанага патрэбна прыкладзі шмат намаганняў, якія прыпадабняюцца да прабівання сцяны. Вобраз фразеалагізма ўтрымлівае метафару, якая прыпадабняе імкненне чалавека дасягнуць жаданага пераадоленню такой перашкоды, як сцяна, якая сімвалізуе моцную перашкоду на гэтым шляху. Фразеалагізм адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне аб дасягненні жаданага, праўда, часцей з адмоўнай ацэнкай, асновай чаго выступае спосаб ці абраны ў фразеалагізме сродак дасягнення (*ілбом/лбом*).

Фразеалагізм *падпіраць сцяну* ‘не ўдзельнічаць у танцах, стаяць у памяшканні’ мае празрыстую матывацыю і служыць для вобразнага наймення і характарыстыкі са знакам, як правіла, «мінус» тых, хто пасіўна ўдзельнічае ў адным з актыўных відаў адпачынку чалавека – у танцах. Выкарыстанне кампанента *сцяну* пры ўтварэнні новых адзінак з пераносным значэннем яшчэ раз паказвае, наколькі важнае месца ў карціне свету беларусаў адыгрывае паняцце сцяны з яго моўным абазначэннем і набыццём сімвальнага значэння, дзякуючы якому скарыстана пры ўтварэнні фразеалагізмаў. У прыведзеным фразеалагізме кампанент *сцяна* суадносіць гэту адзінку з архітэктурна-будаўнічым кодам, а дзеяслоўны кампанент *падпіраць* – з акцыянальным кодам культуры беларусаў. Фразеалагізм адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне аб адсутнасці ўдзелу ў танцах як відзе дзейнасці чалавека ў пэўны час.

Фразеалагізм *ставіць да сценкі/сцяны* ‘расстрэльваць’ праз прыназоўнік *да* суадносіцца з прасторавым кодам культуры, праз кампанент *сценкі* – з архітэктурна-дамабудаўнічым, а праз кампанент *ставіць* – з антропным, паколькі дзеянне выконвае чалавек у адносінах да другога. Вобраз фразеалагізма ўтрымлівае прасторавую метафару, заснаваную на сімвальным успрыманні сцяны: сцяна прыпадабняецца моцнай перашкодзе, мяжы адлегласці паміж тым, каго расстрэльваюць, і тым, хто расстрэльвае. Узнікненне фразеалагізма *ставіць да сценкі/сцяны*, відавочна, абавязана і можа быць вызначана як эўфімістычны выраз, паколькі характарызуецца ў той ці іншай меры некаторай семантычнай непаўнатой, недагаворанасцю, няпэўнасцю, што ўласціва эўфімістычным выразам як замены вострых, грубых, непрыемных, ці табуіраваных слоў, і выкарыстоўваецца замест слова *расстрэльваць*.

Яшчэ адным беларускім фразеалагізмам з выдзеленым кампанентам з’яўляецца *прыпіраць/прыціскаць да сценкі/сцяны* ‘ставіць у бязвыхаднае становішча’, які суадносіцца з дзейнасным (*прыпіраць/прыціскаць*), архітэктурна-дамабудаўнічым (*сценкі/сцяны*) і праз прыназоўнік *да* – з прасторавым кодам культуры. Метафарычны вобраз фразеалагізма прыпадабняе безвыходнасць прыціснутаму да сцяны чалавеку, пазбаўленага такім чынам выконваць якія-небудзь дзеянні, паколькі ён заціснуты: з аднаго боку, дзейнічае сіла прыціскання, з другога – сцяна, якая сімвалізуе перашкоду, мяжу і моц. Фразеалагізм перадае стэрэатыпнае ўяўленне аб стварэнні цяжкага, бязвыхаднага становішча.

І, нарэшце, адметным фразеалагізмам у беларускай мове выступае метафарычны выраз *на сцяне размазваць* ‘суро́ва распраўляцца з кім-н., караць каго-н.’, які, як і папярэдні, суадносіцца з трыма кодамі культуры – з прасторавым праз прыназоўнік *на*, з архітэктурна-дамабудаўнічым праз кампанент *сцяна* і антропна-дзейнасным праз дзеяслоўны кампанент *размазваць*. Вобраз фразеалагізма ствараецца акцыянальнай метафарай, якая перадае «спосаб» кары (расціранне, размазванне) і такім чынам асабліва суровае знішчэнне, пакаранне чалавека. Фразеалагізм перадае стэрэатыпнае ўяўленне аб жорсткім спосабе справы, кары чалавека.

Такім чынам, лінгвакультуралагічны аналіз фразеалагізмаў з кампанентам *сцяна/сценка* ў беларускай мове выяўляе вытокі частковай канцэптуалізацыі катэгорыі прасторы, звестак аб прасторы – доме як адным з найбольш актуальных паняццяў жыццядзейнасці чалавека праз яго частку – сцяну. Сцяна выступае адным з найбольш вызначальных агульных паказчыкаў прасторавых каардынатаў чалавека (*у чатырох сценах*), сімвалізуе мяжу паміж «сваёй» і «чужой» прасторай, перашкоду і абарону, моц і сілу, месца, апору і інш., што і стала крытэрыем адбору лексемы *сцяна* як наймення сімвалаў у склад фразеалагізмаў пры іх утварэнні і крыніцы, вытоку ўласцівай для кожнага фразеалагізма культурнай інфармацыі, магчымасці скарыстоўваць фразеалагізмы ў ролі сімвалаў, эталонаў і стэрэатыпаў.

Літаратура

1. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2: М–Я. – 704 с.
2. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. / Рэд. тома : М.Р. Суднік. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1983. – Т. 5, кн. 1: С–У. – 663 с.
3. Байбурын, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурын. – Л. : Наука, 1983. – 188 с.
4. Лобач, У. Сцяна / У. Лобач // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік ; склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
5. Ляшчынская, В.А. Дзверы – сімвальны кампанент фразеалагізмаў архітэктурна-дамаўладкавальнага кода культуры / В.А. Ляшчынская // Скарынаўскія традыцыі: гісторыя і сучаснасць : зборнік навук. артыкулаў: у 2 ч. ; рэдкал. : А.М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2015. – Ч. 1. – С. 194–202.
6. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.

УДК 821.161.3-31.09«20»

Абнаўленне прыёмаў паэтыкі рамана ў беларускай прозе ХХІ стагоддзя (на прыкладзе твораў Віктара Казько «Бунт незапатрабаванага праху» і Юрыя Станкевіча «Ліст у галактыку “Млечны шлях”»)

Г.В. НАВАСЕЛЬЦАВА

Такія прыклады сучаснага беларускага рамана, як «Бунт незапатрабаванага праху» Віктара Казько і «Ліст у галактыку “Млечны шлях”» Юрыя Станкевіча, ілюструюць эстэтычную тэндэнцыю да абнаўлення прыёмаў паэтыкі раманных тэкстаў. Запатрабаваным літаратурным прыёмам, які выяўляе не толькі адметнасць творчай манеры, але і мыслення аўтара, выступае раманная іронія.

Ключавыя словы: раман, паэтыка, іронія, Віктар Казько, Юрый Станкевіч.

The works of modern Belarusian authors are considered. Such examples of modern Belarusian novel as «Riot of unclaimed ashes» Victor Kazko and «Letter to the galaxy “Milky Way”» Yuri Stankevich, illustrate the trend towards aesthetic renewal receptions poetic novel of passion texts. Novel irony is demanded aesthetic technique that detects not only feature of creative manner, but also thinking of the author.

Keywords: novel, poetics, irony, Victor Kazko, Yuri Stankevich.

Уводзіны. У беларускім рамане апошніх гадоў праблема чалавека распрацоўваецца як на сюжэтна-кампазіцыйным узроўні, так і праз узаемадзеянне аўтара і героя, асобных вобразаў і элементаў вобразнага цэлага. Аўтар не толькі імкнецца паказаць героя і яго час, але і выявіць уласную мастацкую канцэпцыю рэчаіснасці праз сатыру, камізм або дыдактыку, для чаго выбірае адметныя формы раманнай апавядальнасці або іншасказальнасці, звяртаецца да тых ці іншых прыёмаў паэтыкі. Сучасная мастацкая практыка пераканаўча ілюструе, што такі прыём, як раманная іронія, выкарыстоўваецца ў тэкстах розных жанравых разнавіднасцяў, дазваляе пісьменніку выявіць і дыдактычныя погляды, і сатырычнае бачанне рэчаіснасці. Гэта і абумоўлівае мэта даследавання: вызначыць мастацкую спецыфіку абнаўлення прыёмаў паэтыкі рамана ў беларускай прозе ХХІ стагоддзя (на прыкладзе твораў Віктара Казько «Бунт незапатрабаванага праху» і Юрыя Станкевіча «Ліст у галактыку “Млечны шлях”»).

Асноўная частка. У сучасным айчынным літаратуразнаўстве праблема раманнай іроніі выступае маладаследаванай з'явай паэтыкі. Іронію традыцыйна вызначаюць як адну з найважнейшых рыс эпічнай творчасці, уласцівую ў тым ліку і раманам. Гэта спецыфічны кампазіцыйны прыём, пад якім звычайна разумеюць «насмешку, падман або вымову, нейкі іншасказальны, двухсэнсоўны выраз, у якім за знешнім адмаўленнем хаваецца сцвярджэнне» [1, с. 7]. На двухсэнсоўным характары іроніі акцэнтуюць увагу розныя азначэнні гэтага прыёму маўлення, а таксама дэфініцыі іроніі як тыпу адносінаў суб'екта да акаляючай рэчаіснасці. Гэта адметная форма камічнага, якая займае прамежкавы стан паміж гумарам і сатырай. Так, сатыра падначалена найперш маралізатарскім мэтам: «З ідэйна-эмацыйным накалам атакуе яна зло і несправядлівасць, імкнецца выклікаць у чытача гнеў і рашучае асуджэнне высмеяных ёю з'яў» [2, с. 101]. Іронія ж вызначаецца больш стрыманым, разважлівым тонам, выяўляе інтэлектуальны пачатак: «Яна ў большай меры імкнецца падштурхнуць да самастойнага мыслення, часцей апелюе да крытычнага ўспрымання, чым да пачуцця справядлівасці» [2, с. 101], а таксама іронія не схільная да маралізатарства, яна не настолькі сацыяльна афарбаваная, як сатыра, і менш эмацыйная, чым гумар. Усё пералічанае дае падставы даследчыкам вылучыць тры прынцыпова адрозныя творчыя метады, у якіх знаходзіць сваё адлюстраванне пазіцыя аўтара: гумарыстычны, сатырычны і прамежкавы, які можа быць названы насмешліва-іранічным [2]. У сваю чаргу размяжоўваюць такія тыпы іроніі, як сатырычны, нігілістычны і трагічны [1, с. 6], што выяўляе рознасць падыходаў да тэарэтычнай распрацоўкі праблемы. Разам з тым большасць даследчыкаў сыходзяцца ў тым,

што тон іроніі хоць і можа вар’іравацца ад бунтарскага пратэсту да пасіўнага непрымання рэчаіснасці, аднак заўсёды паказвае ў нейкай меры адцягненыя адносіны да праблемнай з’явы і выяўляе супярэчлівы агульнапрынятаму сцвярджэнню пошук ісціны.

Як слушна сцвярджае М.Т. Рымар адносна раманных тэкстаў класічных заходнееўрапейскіх аўтараў, іранічны прынцып можа быць звязаны з філасофскім разгортваннем рамання-дыялагічнай па сваёй сутнасці канцэпцыі асобы: «З пункту гледжання індывіда іранізуецца абмежаванасць стыхійнага калектыўнага вопыту, з іншага боку, сам індывід іранізуецца з пункту гледжання гэтага калектыўнага вопыту» [3, с. 225–226]. Заглыбляючыся ў канкрэтны матэрыял чалавечага жыцця, іронія з лёгкасцю пераходзіць у раманны гумар, выступае не толькі прыёмам, але і рэпрэзентуе адметнае раманняе мысленне пісьменніка. Спецыфічнае ўвасабленне атрымлівае іронія ў творах, якія адпавядаюць патрабаванням постмадэрнізму, паколькі ў іх гэты прыём раскрываецца ўжо не столькі праз двухсэнсоўнасць, колькі праз шматзначнасць, у мастацкі тэкст прыўносіцца дадатковы сэнс, абыгрываюцца стэрэатыпы масавай свядомасці, адбываецца правакацыя чытача адносна ўстойлівых жыццёвых нормаў. Постмадэрнісцкая сатырычная проза шырока выкарыстоўвае інтэртэкстуальнасць, гульню з чытачом, прыём змены апавядальніка, псеўдафактаграфічнасць і інш. У беларускай прозе іронія выступае запатрабаваным прыёмам, які ўжываецца на сэнсаўтваральным узроўні ў буйных мастацкіх палотнах.

Як вядома, дамінантная эстэтычная прыкмета твора абумоўлівае яго прыналежнасць да пэўнай жанравай разнавіднасці. У прыватнасці, псіхалагічны раман раскрывае характары персанажаў, а сюжэт падначалены таму, каб даць мажлівасць героям выявіць свой адметны ўнутраны свет. У рамана «Бунт незапатрабаванага праху» (2001) Віктар Казько ў значнай меры працягвае традыцыю псіхалагічнай прозы, паказвае шматгранны малюнак савецкай і постсавецкай эпох, стварае партрэт галоўнага героя, за якім угадваецца вобраз цэлага пакалення.

Лёс пакалення, якое нарадзілася ў Вялікую Айчынную вайну, жыло пры савецкім ладзе, а напрыканцы жыцця зведала яго разбурэнне, і выступае прадметам паглыбленага псіхалагічнага асэнсавання. Паказальным з’яўляецца тое, што Говар, які ўвасабляе гэтае пакаленне, не мае пастаяннага імя: «Увогуле ж ён быў зусім не Германн, а калі і Германн, то абсечаны, з адным толькі «н». Другое ўпісаў сабе сам у пропуску ў сваю шарашкіну кантору. Па пашпарце ж ён Георгій, што значыць Жора. А прасцей – Юрка. Але сябры гэтага Жорку-Юрку перакроілі ў Герку. Ён жа перахрысціў сябе ў Германа, спачатку з адным «н», а пасля – з двума» [4, с. 31]. Говар і яго знаёмыя паказваюцца пісьменнікам не без іроніі. Так, яны хадзілі па планеце толькі галопам, заўсёды ў першых шарэнгах і на пярэднім краі вялікай хіміі, энергетыкі, вугалю і руды. Гісторыю рабілі самі з дапамогаю пяцігодак, на якія і было размеркавана іх прыватнае і грамадскае жыццё. Пасля палёту Гагарына планета і ўвогуле сусвет у разуменні тыповага чалавека-працаўніка пачалі імкліва звужацца: «Космас быў побач. Космас можна было паляпаць па плячы, памацаць іхнімі не вельмі чыстымі рукамі, знявечанымі драпінамі і маразам. Памацаць, а калі нехта не даглядзіць, штосьці і адламаць, адрэзаць, адкусіць, як пайку казённага хлеба» [4, с. 33]. Асваенне космасу асэнсоўваецца ў творы як варыянт мажлівай будучыні чалавецтва, тыповыя прадстаўнікі якога не задумваюцца над сваёй сучаснасцю і не памятаюць мінулага. Невыпадкава сам Говар лічыць сябе сапраўдным монстрам, пачварай дваццатага стагоддзя, што ўмудрыўся без каранёў з’явіцца на зямлі і нідзе не ўкараніцца.

Разам з тым герой чуйна прыслухоўваецца да акаляючага свету і людзей. А пасля трыццаці трох гадоў, што выступае па-хрысціянску сімвалічнай датай, ён пераасэнсоўвае ранейшае жыццё, усвядомлена вядзе пошук сваіх каранёў. У прыватнасці, Говар даведваецца, што з’яўляецца не родным, а прыёмным сынам у сваіх бацькоў. Да яго мінулага прычынілася Вялікая Айчынная вайна ў большай меры, чым думалася раней: з-за трагічных абставін памірае родная маці, а хлопчыка выпадкова ратуе партызан, які ўцякае ад паліцыяў. Пакінула свой след і сацыяльная неўпарадкаванасць пасляваеннага часу: роднага бацьку, які ледзь паспеў пабачыць сына, арыштоўваюць і адпраўляюць у сібірскі лагер, дзе ён праз нейкі час памірае. Знакава, што Германн Говар у час усесаюзнай камсамольскай ударнай будоўлі ўзводзіць у той сібірскай мясцовасці гігант айчыннай індустрыі. Мажліва, што ён жыве ў тым самым бараку, дзе памёр бацька, наведваў могількі, дзе той пахаваны, але тады яшчэ не ведаў пра гэта.

Вобраз вялізных могілак Сіблага раскрываецца ў творы на ідэйным узроўні. Так, «на могілках было так мала крыжоў і чырваназорных абеліскаў. Больш чагосьці падобнага на ўбіты ў зямлю, часам нават абструганы асінавы кол, на які чаплялася, мацавалася цвіком сёння гнілая ўжо шыльда. І зноў жа, большай часткай без якога б там ні было надпісу: прозвішча, даты з'яўлення на свет і смерці. Толькі на некаторых з іх, і тое з цяжасцю, можна было прачытаць два горкія і незразумелыя словы: «Прах незапатрабаваны». І тое, два гаротныя гэтыя словы, удавалася разабраць толькі таму, што былі яны выпалены ці то гарачым дротам, ці то надрапаны цвіком» [4, с. 176]. Пісьменнік такім чынам мэтаскіравана выяўляе пратэст: маладыя людзі, якія працуюць на будоўлі, не любяць глядзець у вочы сваёй будучыні, адмаўляюць мінулае, живуць толькі сённяшнім і тое па прымаўцы «жыць – як набяжыць». Могілкі Сіблага асацыятыўна супастаўляюцца з Чарнобыльскай катастрофай, наступствы якой закранулі і малую радзіму галоўнага героя: яна стала, паводле слоў самога аўтара, зонай адчужэння, чорнай зонай, зонай за калючым дротам, дзе пануе цішыня, нібы на могілках апоўначы. Могілкі выступаюць паказальным вымяральнікам маральна-этычных прынцыпаў грамадства і чалавека, што раскрывае Віктар Казько праз апісанне вясковага пахавання. Былога паліцая, які ў вайну служыў немцам, хаваюць па-за могілкамі, за іх агароджаю. У гэтым пераконвае аднавяскоўцаў Сцяпан Говар, прыёмны бацька галоўнага героя, які кажа, што людзі павінны быць з людзьмі. Сцяпан па-прачы прадказвае будучую Чарнобыльскую трагедыю, калі гаворыць, што чалавеку суджана баяцца роднай зямлі, «баяцца ягады і яблыка, ліста лазовага і ігліцы...» [4, с. 81]. Але самае страшнае ў прадказанні тое, што чалавек будзе сцерагчыся чалавека. Такім чынам тэхнагенная катастрофа атаясамліваецца з трагедыяй бездухоўнасці, што адмаўляе эвалюцыю чалавека ў цэлым, таму што без маральных каштоўнасцяў не можа існаваць і матэрыяльных.

Віктар Казько спалучае ў адзінае цэлае часавыя пласты мінулага, сучаснага і будучага, што належыць не толькі Говару, але і ўсяму чалавецтву дзякуючы паскоранаму тэхнічнаму прагрэсу і асваенню касмічнай прасторы. Захаваць у гэтых умовах чалавечае аблічча нашаму сучасніку мажліва толькі праз радаводную традыцыю, памяць пра тых, хто жыў на роднай зямлі раней. Падсвядома цягнецца да мінулага жонка Говара Надзея, якой недастаткова духоўных здабыткаў свайго часу. Яшчэ малой дзяўчынкай яна даведваецца, што ў яе хаце раней жылі высланыя дзекабрысты, і гэта змяняе ўнутраны свет гераіні. Надзея ўяўляе сябе ў дзевятнаццатым стагоддзі, бачыць у вобразе княгіні Марыі Валконскай і марыць сустрэць у рэальным жыцці некага, хто будзе падобны да дзекабрыста. Нягледзячы на ўсе намаганні герояў жыць сучасным, яны ўсё ж не могуць пазбегнуць зваротаў да мінулага. Невыпадкава ўжо ў сталым узросце Говар разам з Надзеяй вяртаецца да сялянскай працы, успамінае спадчыннае ганчарнае рамяство, а фінал рамана набывае сімвалічнае гучанне: «На старажытнай слыннай зямлі Турава-Пінскага княства ўжо ўбіралася ў сілу трэцяе тысячагоддзе ад Нараджэння Хрыстова. Была Вербная нядзеля, а праз тыдзень – Вялікдзень» [4, с. 287]. Пісьменнік такім чынам пераканаўча даводзіць, што далейшае жыццё не мажлівае без духоўнага адраджэння чалавека. У цэлым Віктар Казько адлюстроўвае не столькі падзеі, колькі характар галоўнага героя, тыповага прадстаўніка сваёй эпохі, паказвае актуальныя праблемы часу праз рэцэпцыю ўнутранага свету асобы, што дазваляе вызначыць твор «Бунт незапатрабаванага праху» як псіхалагічны раман, створаны ў рэчышчы класічнай традыцыі беларускай прозы.

Звяртаецца да пераацэнкі савецкага вопыту апошніх дзясяцігоддзяў у рамана-фантазмагорыі «Ліст у галактыку “Млечны шлях”» (2002) Юрый Станкевіч, які выбірае для свайго твора адметную кампазіцыйную арганізацыю, творча эксперыментуе з часавай парадыхмай. У адрозненне ад Віктара Казько, пісьменнік выкарыстоўвае як дамінантны сатырычны метаад адлюстравання рэчаіснасці, ужывае іронію як асноўны прыём паказу падзей і характараў. Несумненна, што «алегарычная, фантастычная або гратэская форма сатырычнага твора выклікае шмат асацыяцый» [2, с. 106], адкрывае шырокія мажлівасці для інтэрпрэтацыі чытачом незвычайнага мастацкага свету.

Пісьменнік аддае перавагу падзейнаму пачатку, які дапаўняе псіхалагічнай рэфлексіяй, актыўна выкарыстоўвае прыём змены апавядальніка. Напрыклад, гэта Анёл, астранаўт В., актывістка Ася, выкладчык Корбат. Відавочна, што галоўным утваральнікам дзеяння ў

рамана выступае Андрэй Корбат, выкладчык фізікі і астраноміі ў сярэдняй школе, які напісаў шчырае пасланне ў галактыку «Млечны шлях» і перадаў яго астранаўту В. – аднаму з першых даследчыкаў гэтай галактыкі. У космасе гэты ліст ніколі і нікім не будзе прачытаны, але яго перахопліваюць супрацоўнікі службы бяспекі і пачынаецца следства, якое прыносіць шмат непрыемнасцяў Корбату: «Напісаўшы той ліст, меркаваў настаўнік, сам ён не набыў аніякіх гарантый, каб пазбавіцца ад сваіх комплексаў, страху і адзіноты. Яны будуць з ім заўсёды, і тут нічога не зробіш. Але ж камусьці трэба было напісаць пра тую праўду, ад якой, успамінаючы штодня, усе даўно з пагардай адракаюцца, быццам спаборнічаючы навывперадкі, хто яшчэ больш адступіцца ад яе» [5, с. 51]. Разам з тым Андрэй Корбат не выступае тым галоўным героем, праз якога б паказваўся час і пакаленне. Юрый Станкевіч стварае дэцэнтралізаваны раман у рэчышчы постмадэрнісцкай прозы, дзе паказваюцца не столькі асобы на фоне часу, колькі праблемныя сітуацыі з удзелам розных герояў. Як і галоўны герой рамна «Бунт незапатрабаванага праху», Корбат чуйны да навакольнага асяроддзя, аднак няшмат кантактуе з людзьмі. Гэта адзіны герой у творы, якога аўтар надзяляе здольнасцю пачуць спеў Анёла, на што здатныя толькі сесітывы – выключныя істоты ў фантастычным свеце пісьменніка: да іх Юрый Станкевіч адносіць птушак, звяроў і рыб, а найперш кітоў у водах Гальфстрыма, сланоў у афрыканскіх саванах і Анёлаў на іншых планетах. У прыватнасці, Анёлы не ўмешваюцца ў справы людзей, а толькі назіраюць: «Гэтыя людзі, што ўжо выводзяць свае недасканалыя лятальныя апараты ў космас – з безабароннымі цэламі і смяхотна кароткім тэрмінам існавання, больш не могуць удасканалваць сябе, бо вычарпалі свае генныя магчымасці, а пакуль хлусяць, танчаць на бясконцых парадах і фестывалях, здараецца, ядуць адно аднае ў некаторых аддаленых горных вёсках і ў падвалах мегаполісаў, пераўтвараюць свае паселішчы ў гіганцкія сметнікі, забіваюць адзін аднаго, устанаўліваюць міны, спісваюць мільярды лістоў паперы лічбамі і літарамі, якія складаюць у словы, спілоўваюць і высыкаюць цэлую фітацывілізацыю, забруджваюць моры, азёры і рэкі і знішчаюць іх насельнікаў, нараджаюць і кідаюць дзяцей, бясконца размаўляюць, губяць сябе алкаголем і наркотыкамі... і разглядаюць карцінкі» [5, с. 80]. Такім чынам аўтар выяўляе гнеўны пратэст супраць шматлікіх заган сацыяльнай рэчаіснасці, паказвае працэс самазнішчэння чалавека і грамадства. З мэтай прыцягнення чытацкай ўвагі, уздзеяння на чытача выкарыстоўваюцца ў тым ліку прыёмы правакацыі, некаторыя з якіх дазваляюць правесці аналогію з раманам Мішэля Уэльбека «Элементарныя часціцы». З апошнім творам больш паслядоўна параўноўвалася айчыннай літаратурнай крытыкай аповесць Юрыя Станкевіча «Бесапатам» (1999).

Раман «Ліст у галактыку “Млечны шлях”» вызначаецца і некаторым тыпалагічным падабенствам з вядомым навукова-фантастычным творам «Марсіянскія хронікі» Рэя Брэдберы, дзе праз увасабленне створанай аўтарскай фантазіяй будучыні адлюстраваны актуальныя сацыяльныя праблемы амерыканскага грамадства сярэдзіны XX стагоддзя. Калі Брэдберы раскрывае гісторыю каланізацыі людзьмі іншай планеты, то беларускі пісьменнік не паказвае аўтарскай версіі ваеннай будучыні чалавецтва, аднак выкарыстоўвае дэталі, якія дазваляюць асацыятыўна супаставіць паказаную беларускім аўтарам рэчаіснасць з фантастычным светам «Марсіянскіх хронік». У прыватнасці Андрэй Корбат на заўвагу следчага адказвае, што даслаў ліст не грамадству, а ў галактыку: «Калі б наша грамадства бегала па яе прасторы, па ўсіх планетах, тыцкаючы там усім у нос выяву Правадыра, тады б складвалася іншая справа» [5, с. 15]. Як адна з галоўных праблем мастаком слова асэнсоўваецца і нівеліроўка нацыянальнай адметнасці ў дзяржаве, што выяўляецца і праз светапогляд Андрэя Корбата, які ўсведамляе сябе беларусам, і астранаўта В., які пазнае ў Корбаце свайго земляка, наведвае малую радзіму, аднак не лічыць беларусаў беларусамі. Такім чынам, выбраная Юрыем Станкевічам форма фантазмагорыі перадае сатырычны пафас, дае чытачу пэўныя варыянты інтэрпрэтацый, раскрывае шэраг праблемных з’яў грамадскай рэчаіснасці, аднак разам з тым садзейнічае таму, што твор пазбаўляецца сваёй сатырычнай адназначнасці, робіцца занадта абагульненым. Побач з фантастычнымі вобразамі раскрываюцца сітуацыі жорсткасці, у прыватнасці, аўтар апавядае пра серыйныя забойствы. У філасофска-даказным рэчышчы пісьменнік ілюструе працэс дэградацыі чалавецтва, які пачаўся з французскай і рускай рэвалюцый і асабліва пагрозлівых маштабаў дасягнуў у наш час.

Заклучэнне. Сучасная беларуская літаратура паказвае вартыя мастацкія прыклады абнаўлення прыёмаў паэтыкі ў жанры рамана, што звязана як з развіццём традыцыйнай псіхалагічнай прозы, так і з эстэтычным засваеннем на беларускай глебе вопытаў постмадэрнізму. У раманным тэксце аўтарская іронія выяўляецца на сэнсаўтваральным узроўні, раскрывае ідэю твора і адметнасць светапогляднай сістэмы пісьменніка, заглябляе інтэлектуальны пачатак. У рамане «Бунт незапатрабаванага праху» Віктара Казько іранічны прынцып паказу героя і яго часу спалучаецца з традыцыйным бытаапісальніцтвам, сімвалізацыяй асобных вобразаў, выяўляе аўтарскае непрыманняе заганаў рэчаіснасці. Прыёмы постмадэрнісцкай эстэтыкі выкарыстоўвае ў рамане «Ліст у галактыку “Млечны шлях”» Юрый Станкевіч, які рэпрэзентуе сатырычнае асэнсаванне акаляючага свету ў форме фантазмагорыі, прапануе чытачу зрабіць некалькі варыянтаў мажлівых інтэрпрэтацый сучаснасці і будучыні, актыўна звяртаецца да правакацыі і гульні з чытачом.

Літаратура

1. Пигулевский, В.О. Символ и ирония (опыт характеристики романтического мирозерцания) / В.О. Пигулевский, Л.А. Мирская. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 167 с.
2. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок ; пер. с пол. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
3. Рымарь, Н.Т. Введение в теорию романа / Н.Т. Рымарь. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 270 с.
4. Казько, В.А. Бунт незапатрабаванага праху : роман / В.А. Казько. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 287 с.
5. Станкевіч, Ю. Апладненне ёлупа : раманы, апавесці, апавяданні / Ю. Станкевіч. – Мінск : Рэд. газ. «Настаўн. газ.», 2005. – 560 с.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступила в редакцию 28.12.2015

УДК 821.161.1.-31*Г.Садулаев

Роман Германа Садулаева «Шалинский рейд»: образы измененных состояний сознания в исповеди комбатанта

О.Л. СЕВЕРИНОВА

Рассматривается проблема бытования образов измененных состояний сознания в современной «военной» прозе: определяются основные функции образов измененных состояний сознания и роль этих образов в формировании специфической картины мира художественной литературы, реализующей тему локальных войн. Исследование проводится на материале романа Германа Садулаева «Шалинский рейд».

Ключевые слова: образы измененных состояний сознания, картина мира, образ героя, современная «военная» проза.

The problem of existence of the images of altered states of consciousness in the modern «military» prose is considered: it identifies the main features of images of altered states of consciousness and identifies role of these images in formation of particular picture of the world of fiction, realizing the theme of local wars. This research is based on the novel by Hermann Sadulaev «Shalin's raid».

Keywords: images of altered states of consciousness, picture of the world, image of the hero, modern «military» prose.

Созданный автором в 2007–2010 гг. роман Германа Садулаева «Шалинский рейд» на сегодняшний день остается одним из наиболее знаковых явлений в «военной» прозе о локальных войнах. Определить положение романа на литературной карте можно было бы, ссылаясь на идеологическую специфичность творений Г. Садулаева вообще, то есть условно расположить его произведения на одной позиции с произведениями о чеченской войне Александра Проханова, и этой гранью – реконструирующей утраченный рай детства и единства (СССР) ностальгией – вписать его в литературу пост-соца: «Война как устойчивый хронотоп пост-соца, бесспорно, актуализирует советский милитарный дискурс с характерной для него риторикой силы, пафосом героического самопожертвования и танатологическим эротизмом» [1].

Однако за попыткой такой литературной регистрации следует немедленное ее отторжение другой, оборотной, стороной произведения писателя, потому как ни о самопожертвовании, ни о риторике силы по отношению к роману Г. Садулаева говорить не приходится. Их отсутствие станет еще более заметным, если реконструировать заочный межтекстовый разговор героя романа с героем кинематографического явления пост-соца, фильма Алексея Балабанова «Брат», – со «штабным писарем» на русско-чеченской войне Данилой Багровым: «Мы были и остались нищими. Это было нищее государство, Ичкерия, вот в чем правда, брат» [2]; «В одном из интервью Хаттаб говорил: “Тазават показал свою силу, и сила не в оружии”. В чем сила, брат? – спрашивал герой Сергея Бодрова. И сам отвечал: в правде. Так и Хаттаб, но у каждого здесь была своя правда» [2]. Эта фразовая перекличка, конечно, не образец диалогопонимания в искусстве, а наоборот – здесь движение мысли в поисках истины подобно движению бумеранга: бросивший вопрос получает назад не ответ, а тот же лобовой вопрос.

Роман «Шалинский рейд» представляется неоднозначным и специфическим явлением, настоящим художественным гибридом, возможно, еще и в силу сложного генезиса, обусловленного национальной и индивидуальной двойственностью писателя. Для современной «военной» прозы биографический вклад – явление парадигматическое, а случай писателя Г. Садулаева можно считать одним из самых удачных примеров взаимодействия искусства и природы. Автор «Шалинского рейда», благодаря своему «маргинальному» положению, сделал почти невозможное для «военной» прозы: он беспрецедентно зарыл художественными средствами ров между позициями участников русско-чеченского конфликта. К тому же отношение автора к вооруженному конфликту отпечаталось и на выборе «масштаба изображения» войны. Это постстолстовский образец повествования с чередованием мысли и ее иллю-

страции частными судьбами героев. Писательская наблюдательная площадка Садулаева предполагает, что картина, которую получают на выходе автор и читатель, будет неизбежно широкоформатной и четкой. Роман «Шалинский рейд» – это не белое информационное пятно или примитивное табло о географии и хронологии события. Проливая свет личной правды о войне, Г. Садулаев освещает единый пласт истории, а изобразительный результат представлен полисегментным образованием, нефтяной литературной радугой в лужах разбитой войной дороги-истории 1994–2009 гг.

Итак, «военную» прозу Г. Садулаева можно расценивать, в том числе, и как попытку установить баланс между взглядами враждующих сторон, объективировать личное. Интересно, как происходит эта объективация. То есть не изначальное целеполагание, а именно ее течение и оформление, потому как самый большой парадокс «Шалинского рейда» заключается в том, что произведение по сути представляет собой беседу «клиента» с доктором/следователем. И все, что мы узнаем из романа, автоматически переходит в формат «истины от лечащегося»; это самая невероятная и единственно возможная истина при подобных обстоятельствах. Но здесь нужно оговориться, так как сам роман не предполагает исследовательской однозначности. Есть два пути, по которым мы могли бы следовать, анализируя роман: 1) принять уже озвученное положение и уподобиться критически настроенному доктору/следователю; 2) принять позицию героя-повествователя, держащего слово, поверить его исповеди психоаналитику/адвокату/следователю, фактически сменившим в новой картине мира Бога.

Первая позиция приведет нас к тому, что образ героя Тамерлана можно будет легко поместить в позитивистскую клиническую картину, держа в руках или в уме «Общую психопатологию» К. Ясперса. Через обманы восприятия и памяти, через особенности восприятия времени и пространства героем, через специфику переживания им собственного тела и проч. Но однозначность патологичности состояния героя обернется для цели нашего исследования тупиком, и руки будут связаны скорее у исследователя, чем у героя-пациента, потому что патология не предполагает трансцендентного развития. Ей не понятен кризис с надеждой на личностный рост, эфемерную трансперсональную будущность. И сюжетный поворот – самоуподобление Тамерлана Иуде, предательство Масхадова – преследует одну цель: остановить истребление человека, искупить грех войны, прекратить ее, отдав богу войны главную жертву. Но более результативным было бы наложение финала романа как раз на второй вариант анализа: здесь придется отправиться вместе с героем в его новое географическое будущее – в Париж. Это сближение научного и художественного кажется вполне допустимым, так как оно не противоречит сюжетной и образной дуальности романа. Поэтому, исследуя образ сознания героя в произведении Г. Садулаева, мы будем утверждать порожденный как раз этим сознанием мотив двойственности, множественности, повторения, дублирования во всех возможных его проявлениях.

Однако возникает вопрос: как же укладывается в эти рамки явно присутствующая в произведении проблема душевной болезни, если ее как бы автоматически исключает второй путь анализа?

Мотивы душевной болезни и ее лечения в романе примиряются с нашей исследовательской позицией благодаря тому, что патология психики (например, часто упоминаемая шизофрения) остается областью не столько буквального, сколько фигурального. К тому же взгляд трансперсональной психологии охватывает значительно больший радиус карты человеческого сознания, включая в нее и подобные состояния сознания, закрепляя за ними адаптивную природу. Адаптивность и позволяет говорить об интегративных возможностях человека, ограничивает монополию разрушительной болезни [3], дает шанс на исцеление, рост, выздоровление.

Но все-таки образ болезни в «Шалинском рейде» не ограничен душевной сферой. Психологическая, душевная «качка» в сознании, памяти героя – одна смысловая часть романа, вторая его составляющая (упоминаемый нами выше дубль) – болезнь тела. Болеют родители героя, вследствие чего и покидают родину. Болеет сам герой, чье тело требует лечения во всех мыслимых лечебницах стран бывшего СССР. Головная боль убивает боевика «Титаника» – Салмана Радиева. И даже прадед Тамерлана, ветеран Первой мировой войны, хоть и нетрадиционно, но врачует в свое время.

Что характерно, значимость образа боли в романе Садулаева определяется местом ее локализации в организме – в голове и в сердце: «Мое сердце с тех пор болит почти постоян-

но. Я не смеюсь над омонимом, он ударил меня хорошо, мастерски. Я жив потому, что действие его удара отложено во времени. Когда-нибудь мое сердце остановится» [2]; «А потом, недели через две или три после увольнения, резко сдало здоровье. Нарушился сон, стали сниться кошмары, пропал аппетит, заболела голова. Наверное, так обрушился на меня накопившийся за два года стресс» [2]. То есть круг множественностей так велик на одном только мотивном уровне болезни/боли, что его импликацию в роман можно считать опорной для описываемой конструкции: болезни сердца, головы, слабоумие, шизофрения, паранойя, псевдомедицинская практика предка, сама исповедь доктору и др. Все это, конечно, еще один показатель парадигматического статуса образов измененных состояний сознания (далее – ИСС) в современной «военной» прозе.

Вместе с болезнями военного времени в целом, диагноз которому хаос/абсурд/нелепость/бардак/дурдом (все определения – авторские), отклонения от нормы частной дают картину сюрреалистического клипового мира: «Я долго пытался связать факты, склеить отрывки, выстроить единую непротиворечивую цепь событий. Я понял, что это невозможно. История этой войны не может быть написана. Потому что у этой войны не было истории.

У нее было телевидение.

Все, что происходило, редко попадало напрямую в сознание и память. Нет. Но – через телевизор» [2]. Отсюда возникают и по-кэрролловски фантастические образы детства, которые открывают произведение, врываясь в него из образа ИСС – сна. В нем герой, измученный жаждой, бежит по коридору грибообразной школы (в форме буквы Т), то вырастает, то снова уменьшается: «Ползти тяжело, как будто коридор поднимается в гору, а я стал таким большим и тяжелым, вдруг. Еще минуту назад я был маленьким. Это волшебный гриб, слишком быстро вырос, я, стал взрослым: а теперь мне трудно тащить свое неуклюжее тело, великана, циклопа, вверх» [2]. Наслоенные на исторический абсурд, библейскую мифологию утраченного рая, образы детства становятся еще одной страшной фантомной болью героя. И эта страна жутких огненных убивающих чудес, с ее артобстрелами, свистящими минами, зачистками, – одновременно и явь, и фикция, и реальность, и продукт сознания Тамерлана. Образ Ичкерии, страны-братской могилы и страны-TVпродукта, скроен по той же схеме. Потому что война, тесно связанная в один смысловой узел с образами ИСС, порождена отступившим от нормы человеком и ведется по таким же измененным законам времени: «И есть самолеты, вертолеты, ракеты, спутники и черт знает что еще. Только сумасшедший может вырыть окоп и оборонять его, думая, что так он выиграет войну» [2]. В любом случае, самый большой абсурд этой бойни Г. Садулаев прописал образностью ИСС: именно во сне Тамерлан видит, как небо, уподобившись его собственному отцу, отказавшему от дома сыну с оружием, сыплет страшным градом мертвых тел. Это изгнание из божественного пространства, будто оглушенного дистанционной войной, – свидетельство то ли ее бессмысленности, то ли повторной смерти Бога, так что даже некому оценить этот джихад. Но и смерть не всегда приходит в бою и не всегда к воинам. Чаше погибают мирные жители, которые в лучшем случае успели сменить гражданскую одежду на шинель [4].

Гомологичными реальности и потому наиболее частыми образами ИСС в романе выступают образы сна, кошмара. Видения, конфабуляции, алкогольное и наркотическое опьянение, акт творчества, галлюцинации, религиозный экстаз дополняют этот список форм приспособления к милитаризованной жизни. Интересно, с каким необычным противостоянием связаны и эти состояния сознания человека, и абсурд того, что Садулаев называет Третьей мировой войной, – с противостоянием силы и слабости: «Во второй чеченской “войне” было лишь несколько этапов, в самом начале, которые можно назвать боевыми действиями. Все остальное: диверсии и партизанские вылазки с одной стороны и карательные операции с другой» [2]. Баланс в противостоянии двух сил нарушается, потому что теперь один из его участников оказывается слабым. Страх и слабость, подчиненные изменениям в состоянии сознания героя, – это тоже не активная защита сильного, а пассивная бессильного. Умение приспособливаться дает шанс выжить в таких условиях (речь даже не идет о победе). Ведь не меньше, чем от обстрелов с воздуха, воины-партизаны страдают в лесу от собственной физиологической слабости – простуды, насморка и пр.: «Бывало, мы по несколько дней кряду

спали на земле, подстелив только хворост и куртки. Простываешь сразу. Федералы искали нас по синякам от приклада автомата на левом плече. Но можно было проще: полный нос соплей выдавал партизана с потрохами» [2].

Еще один случай столкновения слабого с сильным, партизанского неорганизованного движения страны с регулярной армией противника, связан с эпизодом в здании птицефабрики, в котором скрываются герои: «птичье войско» обстреливается с воздуха дьявольскими птицами (авиацией). Наше внимание к этому метафорическому зоологическому неравенству объясняется, с одной стороны, появлением чувства страха у героев и, следовательно, изменений в сознании, а с другой – тем, что в этой «птичьей стае» появляется образ двойника Тамерлана – Артура Дениева, Арчи. И далее это первое двойничество на уровне персонажей обнаруживает себя по всему роману. Так, новая картина мира без привычных правил жизни, зато с парадоксами смерти, умножается образом исторического завоевателя Тамерлана, умершего в старости от болезни, а не в бою. Усложняют образ повествователя образы Тимура, тезки героя, президента Аслана Масхадова, боевика Салмана Радуева, не говоря уже о мифологических образах Адама и Иуды. Все эти дубли героя-протагониста вписаны в произведение посредством образов ИСС: Тимур «видит» муки Радуева, рассказывает о кошмарах детства Масхадова, познает религиозный экстаз молитвы Артура, наблюдает картину смерти соседнего отряда вместе с Тимуром. Вереница персонажей будто показана нам в трюмо, где зеркало смотрится в зеркало. А в итоге все персонажи – одно типичное лицо мужчины на войне, его сознание на войне, в разрушенном доме-стране. Но такой полимерный образ воина все-таки не становится фактом жизнеутверждения. Множественность у Садулаева контрпродуктивна, она сама себя отрицает и опровергает, а потому эти образы нужно не суммировать, а вычитать (о чем свидетельствует и сюжет: большинство героев гибнет). Они – разорванное экстремальной ситуацией сознание, множество субличностей в одной. Ими же выкладывается мозаика образа шизофрении, болезни душевной. Ей сопутствуют и другие образы-обманы, ложные реальности, взращиваемые сознанием героя: «Но я и есть эта память, и если она – ложная, то меня просто нет» [2]. Эта область наполнена знаками утраченного идеального прошлого – детства, рая, школы, любви, игры – с одной стороны, и образами кошмарных видений о муках героя и его двойников – с другой. Но галерея образов героев не единственное проявление широты карты сознания. Шизофрения – метафора для описания состояния человечества, утратившего всякое представление о цельности мира: «Как ранее, в 1998 г., в Кадарской зоне провозгласили “Особую исламскую территорию” в нескольких высокогорных аулах. Наверное, от недостатка кислорода в разреженной атмосфере шизофрения прогрессирует» [2]. Скорость историко-территориальных распадов, развалов и расщеплений в сознании их наблюдателя порождают в романе странный эффект: происходит стирание границ, казавшихся ранее безусловными (начиная от линии фронта и анахронизма-окопа и заканчивая стиранием границ между своими и чужими). Слова «враг», «союзник», «чеченец», «русский» уже не срабатывают как безусловные определители своего и чужого на этой войне, где целые государства лишились трезвого взгляда на мир: «Хас-Магомед с удовольствием выдохнул прямо в лицо офицеру. Амбре из многолетнего перегара, смешанного с запахом чеснока, заставило русского сморщиться. И поверить, что пьяница не врет.

– Ребята, это не ваххабит. Ваххабиты не пьют. Это наш, нормальный алкоголик» [2]. Спившийся старик и почти толстовские обездоленные слабоумные у Г. Садулаева – это одного порядка явления, которые он поселил в кафкианский мир, мир «телевизионной республики Ичкерия». Образно говоря, этот вариант новой баталистики есть не правильный строй под знаменем, скажем, понятно-рациональной Афины, а кровавое месиво из тел воинов и мирных жителей под саваном Ареса. Бессмысленная бойня, насилие на пике его возможностей не позволяют даже предположить, что в конце предвидится пальмовая ветвь для победителя. Триумф в этой борьбе без правил (сильного со слабым) выглядит слишком сомнительным достижением, самодискредитацией. Е.С. Сеньявская [4], исследуя влияние феномена войны XX столетия на психологию человека, говорит о милитаризации общественного сознания и об истории формирования психологии комбатанта. Садулаевский человек является

рабом именно такого состояния, причем теперь уже не важно, кто этот человек – женщина, мужчина, ребенок. Военная уравниловка являет себя и в армейском строю, и в быту некогда мирного населения: «У стола лежала Лейла, в ее руке был мой пистолет, дуло “стечкина” она держала во рту, голова была прострелена, изо рта сочилась кровь» [2].

Чтобы изжить это, привитое войной, состояние сознания, Тамерлан собирается лечиться еще и переменой мест. География избавления от навязанного извне кодекса бусидо [5] происходит по аналогии с добровольной сменой имени. И даже надежды героя на будущее связаны у Тимура-Арчи с образом ИСС. Обещание написать доктору из Парижа, из новой жизни, показательно связано с надеждой на перемены в сознании: «И напишу вам, как только доберусь до Франции. Обязательно напишу. Я расскажу вам про свои новые сны. Иначе моя история закончится этой строчкой» [2]. То есть образ ИСС избран барометром личной уязвимости, измеряющим градус всевозможных перемен. Но обещанного письма нет, следовательно, и новые сны остаются неувиденными: избавиться от войны герою не под силу. Ведь самая большая переменная в его сознании – превращение бывшего студента юридического факультета в воина – уже произошла, и она необратима. Рассыпающийся мир, конечно, остановился и замер благодаря его усилиям, но эта стабильность – стабильность с трещинами, а не желанная былая целостность.

Так называемое состояние взведенного курка в обществе [4] отпечатывается на герое состоянием измененного сознания. И речь идет не об известном нам по «лейтенантской прозе» выявлении скрытых качеств личности посредством экстремальной ситуации, хотя отчасти и экзистенциальный осадок (это остаточное вещество реакции между пограничной ситуацией и личностью) сцепляет литературную баталистику в непрерывную традицию. Само-трансценденция нового поколения «военной» прозы – явление специфическое, устроенное по законам нового же образа мира. У Г. Садулаева самотрансценденция и есть центр мира, потому что именно образы ИСС творят баланс заново. Они, конечно, не организуют абсурд бойни в порядок, но зато дают возможность продлить себя во времени в будущее выжившим в ней воинам, спасают их от беспрестанного возвращения к травматическому опыту прошлого, своего и исторического. Одновременно в этих образах концентрируется и мифотворческая мысль автора. В исповеди слышен только голос героя, анализирующего самого себя. Такая рефлексивность «сеанса», с его многократными наплывами опыта человечества в сознание, как бы всеми созидательными силами культуры, мирового знания пытается облегчить последствия «Третьей мировой войны» для сознания его участника, которого также мыслят через миф – миф о свободолобивом чеченском воине, созданном русской интеллигентской мыслью времен империи [5].

Таким образом, поднимая на поверхность все то, что за время войны было накоплено и утаено идеологией в ее жертвах и от ее наблюдателей, роман Г. Садулаева «Шалинский рейд» обращается к самому верному посреднику в передаче такого экзистенциального опыта – образам ИСС.

Литература

1. Липовецкий, М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов [Электронный ресурс] / М. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – Режим доступа : <http://flibusta.is/b/362439/read>. – Дата доступа : 17.12.2015.
2. Садулаев, Г. Шалинский рейд [Электронный ресурс] / Г. Садулаев // Знамя. – 2010. – № 1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>. – Дата доступа : 19.12.2015.
3. Дремов, С.В. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии / С.В. Дремов, И.Р. Семин. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2001. – 204 с.
4. Сеньявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сеньявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
5. Чеченец в России. Герман Садулаев [Видеозапись] / Финам. – Москва, 2012. – 6 июня. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=nwJ7Ku-EkoY>. – Дата доступа : 14.12.2015.

Функционально-стилистические и семантические особенности употребления белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси

А.Л. СТРИЖАК

Анализируются функционально-стилистические и семантические особенности употребления белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси за период 2010–2015 гг. Выделяются и описываются важнейшие функции иноязычных вкраплений в русскоязычном тексте, анализируется специфика употребления таких слов в государственной и негосударственной прессе, выявляется дополнительная стилистическая, семантическая и прагматическая нагрузка белорусизмов в русскоязычной периодике.

Ключевые слова: белорусизм, русскоязычный текст, функционально-стилистические особенности, семантические особенности, прагматическая нагрузка, иноязычное вкрапление.

The functional and stylistic and semantic features of the use of belorusizms in Russian newspapers of Belarus for the period 2010–2015 are analyzed. The most important functions of foreign language insertions in the Russian-language text are allocated and described, the specifics of the use of such words in the state and non-state press are analyzed, additional stylistic, semantic and pragmatic load of belorusizms in the Russian-language periodicals is revealed.

Keywords: belorusizm, Russian text, functional and stylistic features, semantic features, pragmatic load, foreign language inclusion.

Обращение к газетным текстам для исследования закономерностей развития лексической системы русского языка обусловлено самим характером газетной публицистики, специфика которой в наибольшей степени проявляется на лексическом уровне. Как известно, газетный текст характеризуется максимальной оперативностью, ориентирован на постоянный поиск выразительных средств языка. Кроме этого, газета аккумулирует все лексическое богатство функциональных стилей русского языка, оригинальным образом сочетает элементы этих стилей, трансформирует лексические свойства языковой единицы, адаптируя иностилевые элементы и пополняя ими состав газетной лексики.

Научные исследования языка периодической печати постсоветского периода в Беларуси ограничены и представлены отдельными публикациями и диссертационными исследованиями: [1, с. 49–54], [2, с. 71–74], [3, с. 66–69], [4, с. 40–43], [5, с. 103–106]. Ряд работ белорусских лингвистов представлен сопоставительными исследованиями: [6, с. 8–10], [7, с. 101–104], [8], [9, с. 49–50], [10]. Вместе с тем анализ функционирования белорусизмов в русскоязычном газетном тексте представлен достаточно фрагментарно: [3], [5], [9].

Уникальность современной социолингвистической ситуации в Беларуси заключается в том, что более половины населения считают родным белорусский язык (60,8 %), тогда как используют его в качестве языка повседневного общения всего лишь 26 % (коммуникацию на русском языке осуществляют 69,8 % населения нашей страны) [11]. Вместе с тем можно с уверенностью говорить о том, что значительная часть населения владеет белорусским языком на достаточном уровне, позволяющим определить принадлежность того или иного слова родному языку, правильно интерпретировать его значение.

В данной статье исследуется русскоязычная белорусская периодика за период 2010–2015 гг.: государственное издание – «Советская Белоруссия» (СБ) и негосударственное – «Белгазета» (БГ). Отличительным признаком указанных изданий является ориентация на максимально широкую аудиторию, т. е. глубокая дифференциация публикуемых материалов – от узко специальных, до рекламно-развлекательных, адресуемых массовому читателю. Общий объём материала, послужившего фактической основой для настоящей статьи, составляет около 600 контекстов, извлечённых из газет «Советская Белоруссия» и «Белгазета» методом сплошной выборки.

Предметом рассмотрения является прагматический аспект функционирования белорусизмов, определение их функционально-стилистической и семантической нагрузки в текстах

периодической печати. Под белорусизмом нами понимается принадлежащий системе белорусского языка элемент, употреблённый в тексте на русском языке. К белорусизмам относятся:

а) слова белорусского языка, не имеющие полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке;

б) слова белорусского языка, имеющие соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке; слова русского языка имеют иную стилистическую окраску либо принадлежат к областной лексике;

в) слова белорусского языка, имеющие соответствия по форме в русском языке при несовпадении объёма значений [12, с. 68–69].

В ходе анализа нами была выявлена устойчивая группа белорусизмов, регулярно используемых в текстах «Советской Белоруссии» и «Белгазеты» в роли своеобразных экспрессивно-оценочных средств: *змагар, валтузня, утрыманцы, ганьба, хованка, гультай, тутэйшы, памяркоўны, шчыры, чэсны, свядомы, гамон, знянацку*. Рассмотрим входящие в данную группу лексические единицы – имена существительные.

Так, значение существительного *змагар* – ‘борец; поборник; ревнитель’ [13], где каждый из вариантов содержит позитивнооценочную семантику. Вместе с тем нами отмечено только 2 контекста в газете «СБ», где лексема *змагар* реализует собственно номинативную функцию: *Впоследствии на всех выступлениях Павлюк рассказывал о своей героической юности, о том, что с 16 лет был «змагаром-партизаном»* (СБ, дек. 2004); ср.: ... *единственная женщина в правительстве БНР и отважная революционерка-эсерка, отвергнутая таким же «палкім змагаром» Томашем Грибом, она все же не взяла верх над жизнью...* (СБ, сент. 2003).

Одна из особенностей функционирования некоторых белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси заключается в приобретении ими коннотативного компонента значения, возникающего не столько вследствие осознания такого рода вкрапления как чуждого, несвойственного русскоязычному тексту, сколько в результате апелляции к денотату – полностью скомпрометировавшему себя образу оппозиционера, активно критикующего современную социально-политическую обстановку в Беларуси: *Голосами «креативного класса» в украинский парламент прошла полуфашистская партия «Свобода». Да и доморощенные «змагары» – тоже сплошь «креативные»* (СБ, июнь 2013); ср.: ... *размахом своей деятельности этот «змагар» обязан не только откровенному очковитирательству белорусских националистов, но и... советским органам госбезопасности* (СБ, фев. 2006); или: *Зато знаю, побывали, и не раз, кто в Москве, кто в Брюсселе, кто в Берлине, кто в Стокгольме, я уже не говорю о Варшаве и Праге – туда наши «змагары» чуть ли не через день ездят* (СБ, фев. 2011). В негосударственной прессе слово *змагар* реализует схожую негативнооценочную функцию, позволяющую говорить о формировании у данной номинации нового значения ‘убежденный националист’: *Напрасно: «змагар» – не синоним оппозиционера. Скорее, змагарство – субкультура, паразитирующая на политике* (БГ, фев. 2013); ср.: *Наши собеседник – отнюдь не профессиональный «змагар»: «Терпеть не могу безголовую оппозиционность, когда все кругом д...о»* (БГ, дек. 2008).

Регулярное употребление слова *змагар* без кавычек даёт основания предположить, что коннотативный компонент прочно закрепился в его значении, в результате чего лексема используется в роли пейоративной оценочной единицы: *На это, разумеется, и рассчитывают разного рода змагары, пытаясь не мытьём, так катаньем сорвать грядущий чемпионат* (СБ, фев. 2013); ср.: ... *но змагары никак не поймут одной простой вещи: когда ты играешь на политическом поле, все личное автоматически становится публичным* (БГ, фев. 2014); или: ... *в случае необходимости внимание выкормывшей можно заострить на том, чем кончил их любимый змагар и симпатизант Польши* (БГ, янв. 2014). Усилению выразительности способствует включение рассматриваемого белорусизма в состав прецедентного высказывания: *Короче, не ходи, Таня, в ПП НС – змагар башка попадёт, совсем плохой будешь* (о путях развития политической карьеры Татьяны Короткевич) (БГ, дек. 2015).

Следующие газетные контексты иллюстрируют возникновение у номинации *змагар* нового значения ‘каратель, палач’, отправной точкой для появления которого могла послужить негативная семантика ‘националист’: *Вот только снятся ли этим престарелым «змагарам» убитые дети, Тростенец, Витебское гетто и Хатынь? Да вряд ли. Они пишут ме-*

муары... (СБ, май 2002); ср.: *Основные действующие лица из числа коллаборантов, повешенных ещё в 1945 году, давно истлели, из чудом унёсших ноги от советских танков «змагароў», доживающих иудин век в Кливленде, сыплется тяжёлый песок* (СБ, июль 2001).

Интересной особенностью белорусизма *гультай* ‘лентяй, бездельник, лодырь’ [13], в словарном значении которого уже содержатся семы негативной оценки, является его регулярное использование в русскоязычном тексте без графического выделения – как в газете «Советская Белоруссия», так и в «Белгазете»: *Да не таков он, не гультай. Надо деревню родную возродить, гостиниц, дворцов построить, чтобы заморские гости сами к нам ездить стали* (СБ, фев. 2008); или: *– Летне-осенние страдные дни самые денежные, – заключил Николай. – Тот, кто у нас в такой период по миллиону в месяц не зарабатывает, гультай, его в деревне засмеют* (СБ, сен. 2006); ср.: *Так вот, они друг друга приветствуют так: «Привет, гультай такой-то». – «Гультай» – потому, что россиянин? – Да! Это уже вбито в мозги...* (БГ, окт. 2003); или: *Но если ты «бестолковый гультай», не стоит надеяться, что этот социальный лифт готов тащить на самый верх* (БГ, дек. 2013). Подобное словопотребление можно объяснить сознательным позиционированием номинации *гультай* как своего рода «антисимвола» белорусской культуры, т.е. как компонента, принадлежащего к лексической системе белорусского языка, но не имеющего отношения к менталитету белорусов, олицетворяющего недопустимость праздного поведения.

Аналогичным образом используется белорусизм *утрыманец* ‘иждивенец’ [13], с той лишь разницей, что газетный контекст содержит редакторское пояснение иноязычного вкрапления: *Те смехотворно низкие закупочные цены, которые государство устанавливает для сельхозпроизводителей, делают его главным утрыманцам (утрыманец (белор.) – иждивенец. – «БелГазета») на шее крестьянина* (БГ, сен. 2010).

Употребление номинации *валтузня* ‘возня, суета’ [13] характерно в первую очередь для описания различных политических событий, при этом графического выделения данного слова в составе текста, как правило, не происходит: *Если начнётся валтузня, это будет война «Единой России» с какой-нибудь партией-клоном. Что коммунисты, что ЛДПР – не меньше* (БГ, март 2011); ср.: *Все рассуждают, кто кому должен подчиняться. Валтузня идёт, а дело стоит на месте* (СБ, фев. 2013). Как видим, сема ‘беспорядочная, неэффективная деятельность’ в лексическом значении белорусизма *валтузня* позволяет пишущему выразить своё мнение опосредованно, избежать прямых и однозначных оценок, что проявляется и в следующей газетной иллюстрации: *Определённым кругам в нашей стране <...> хочется шоу, перепалки у микрофонов, бури и, кажучы па-беларуску, валтузнi на площач. Абсолютному же большинству людей это не нужно. Людям нужна мирная, спокойная, благополучная жизнь* (СБ, нояб. 2011). Своеобразие данного контекста заключается также в функционировании слова *валтузня* в составе белорусскоязычного словосочетания, вплетённого в ткань повествования с помощью вводной фразы *кажучы па-беларуску*. Смысл рассмотренного приёма в полной мере раскрывается лишь с опорой на фоновые знания, входящие в языковую картину мира представителей белорусского общества – это сведения о популистском отношении представителей отечественной оппозиции к проблеме статуса белорусского языка, эксплуатации ими данной темы в угоду сиюминутным интересам, что выражается прежде всего в использовании белорусского языка для публичных обращений к «народным массам».

Белорусизм *ганьба* ‘бесславление, бесчестье, позор, посрамление’ [13] и в газете «Советская Белоруссия», и в «Белгазете» употребляется только в одном из своих значений – ‘позор’: *«Ганьба!», «Позор!», – кричали болельщики после матча киевского «Динамо»* (СБ, окт. 2007); или: *Чернобыльцы в годовщину аварии на ЧАЭС осадили Верховную Раду и скандировали: «Азарову ганьба!»* (СБ, апр. 2012). Вместе с тем значительная часть газетных контекстов иллюстрирует использование названного белорусизма как слова-ярлыка, слова-характеристики, указывающего на социальную позицию адресанта, его принадлежность к оппозиционно настроенной части общества: *Из зала послышались крики «Ганьба!»*. Какой-то делегат-националист выражал своё несогласие с тем, что Бухвостов говорит по-русски (БГ, окт. 2005); ср.: *Вообще, всем этим «пассионариям» с айфонами не важно, кому кричать «ганьба» – автобусному контролёру, милиционеру, пресс-офицеру – главное, что перед ними*

представитель власти (СБ, янв. 2016). Следующие газетные контексты также показывают, что вкрапления-белорусизмы в русскоязычный текст нередко представляют собой своеобразные индикаторы социальной позиции героя газетной публикации, при этом данный приём более характерен для издания «Советская Белоруссия»: *С. Алексиевич не могут простить, что в Стокгольме не прозвучало привычной митинговой лексики – «ганьба», «заныпад усяго на свеце» и т.п. Многочисленное – и смешное! – мнение: «яна здрадніца»... Но писатель оказалась выше навязываемого ей «партийного», читай, оппозиционного стиля* (СБ, дек. 2015); ср.: ... *«Уладам поўная ганьба», – констатирует Барыс Гарэцкі* (БГ, дек. 2015).

Анализ материала позволил выявить случаи внутриязыковой интерференции, когда тождество формы создаёт у пишущего иллюзию тождества содержания соотносимых слов. Так, очевидно влияние белорусизма *хованкі* ‘прятки’ [13] на возникновение «псевдобелорусизма» – номинации *хованка* в значении ‘то, что спрятано; клад’, производного от названия детской игры. Заметим, что в белорусском языке есть только однокоренной глагол *хаваць* – ‘прятать’, но нет слова *хованка* в указанном нами значении: *Когда под снос идет старый несвижский дом, непременно из своей фундаментной толици он являет чью-то «хованку» на черный день. Большинство из найденных в городе кладов будет представлено в будущих музейных экспозициях замка* (СБ, фев. 2003); ср.: *В конце прошлого года и начале текущего «хованка» в долларах переводилась в белорусские рубли* (БГ, март 2014).

Оригинальным примером межъязыковой фонетической интерференции служат лексемы-антонимы *чэсныя* ‘честные’ и *нячэсныя* ‘нечестные’ (белорусский аналог русского слова *честный* – *сумленны*), на возникновение которых оказали непосредственное влияние особенности фонетической системы белорусского языка: *«Знаменка» являлась постоянной кузницей кадров, оттуда родом, как из детства, почти все нынешние главные, и те, которые «чэсныя», и те, что «нячэсныя»* (СБ, нояб. 2002); или: *Все от лукавого – эти разговоры: «государственные» газеты, «негосударственные», «чэсныя» журналисты, «нячэсныя»...* (СБ, окт. 2001); ср.: *Общество – это «они» и «мы», «чэсныя» и «нячэсныя»* (БГ, сен. 2007); или: *Кирилла Живоловича так и не позвали в члены ни в «чэсны» Белорусский союз журналистов (БСЖ), ни в «нячэсную» Белорусскую ассоциацию журналистов (БАЖ)* (БГ, окт. 2006). Рассмотренные газетные иллюстрации позволяют сформулировать значение данных «псевдобелорусизмов» следующим образом: *чэсны* – ‘характерный для государственной власти’, *нячэсны* – ‘характерный для представителей оппозиции’. Вместе с тем как иноязычное фонетическое вкрапление в русскоязычном тексте, характеризующее произносительные особенности жителя Беларуси, слово *чэсныя* используется редко: *Женщина кивнула: «Самые чэсныя людзі!»* (из разговора о национальном характере белорусов) (БГ, авг. 2014).

В ряде случаев политическая ориентация издания оказывает существенное влияние на разницу в употреблении белорусизмов, что наиболее рельефно проявляется на примере лексем-прилагательных: *Зато у поколения «тутэйшых» была миссия, которую они выполнили* (СБ, июль 2013); или: *В литературном пространстве прекрасно просматривается поколение «тутэйшых», которые начинали как раз в 1980–1990-е годы, а сегодня представляют центр литературного процесса* (СБ, дек. 2010), где адъектив *тутэйшы* ‘здешний, туземный’ [13] развивает дополнительный компонент значения ‘характерный для белорусской культуры, белорусского общества’. Лексема *тутэйшы* может субстантивироваться, а также порождает контекстуальные производные: *Противопоставление «я – тут, «тутэйшы», а он – пришелец». «Тутэйшасць», на самом деле – не это* (СБ, янв. 2005).

Функционирование белорусизма *тутэйшы* в негосударственном издании «Белгазета» показывает возникновение в данном слове коннотативного макрокомпонента семантики ‘неполноценный вследствие принадлежности белорусской культуре, обществу, государству’: *Малахольный «тутэйшы» бизнес ищет у государства спасения от железной пята беспощадных транснациональных корпораций* (БГ, фев. 2013); или: *Белорусская аудитория – другое дело. «Тутэйшы» зритель при просмотре послушно смеется и напрягается в специально отведенных местах* (БГ, сен. 2008); ср.: *Тутэйшы ресторанный бизнес во многих случаях – это вообще не бизнес, если понимать целью бизнеса получение прибыли* (БГ, фев. 2015). Вместе с тем в некоторых газетных контекстах слово *тутэйшы* реализует традиционное значе-

ние ‘здесьшний’: *Тутэйшы* Куришавель обуштраиваецца. Прокуратура сьездзіла в Раубічы (БГ, окт. 2007); ср.: *Есть люди – Василь Быков, например, – благодаря просто физическому существованию которых можно гордиться тем, что ты – «тутэйшы»*. Есть авторы национальной идеи в тех или иных ее версиях (БГ, сент. 2000).

При анализе материала было установлено, что лексемы, которые регулярно употребляются для характеристики важных черт белорусского менталитета – белорусизмы *памяркоўны* и *шчыры* – обладают диффузной, нечёткой семантикой. Так, слово *памяркоўны* в зависимости от контекста реализует значения ‘покладистый, сговорчивый, терпеливый, умеренный’ [13], что почти всегда сопровождается его графическим выделением: *Чувствуют они себя в белорусской столице вполне комфортно: люди у нас, как известно, «лагодныя і памяркоўныя», не обидят, еще и подадут* (СБ, авг. 2001); или: *... говорят, что мы такие настоящие, «памяркоўныя», без фальши, искренние* (СБ, окт. 2009); ср.: *Хотя вообще у нас зритель «памяркоўны» – молча досидит до конца* (БГ, апр. 2010); или: *Более того, самый «памяркоўны» из националов был бывший редактор «Літаратуры і мастацтва» Алесь Письменков* (БГ, сент. 2002). В ряде случаев названный белорусизм развивает семантику ‘простой, непосредственный’: *Наши граждане – народ «памяркоўны», без барских замашек* (СБ, июль 2010); ср.: *Да ладно, мы – памяркоўныя, мы – жители «хрущобы»*. Сами зашпакуем (СБ, нояб. 2007), а также ‘рассудительный’: *«Памяркоўны» – это рассудительный! Так и ходим, рассуждаем* (БГ, июнь 2008).

Адъективу *шчыры* свойственна богатая палитра значений и их оттенков: ‘душевный, искренний, истинный, неподдельный, открытый, подлинный, простосердечный, прямой’ [13], самыми распространёнными из которых являются ‘душевный, искренний, открытый’: *«Мы з белай і шчырай Русі»*. Витебщину посетит делегация иностранных гостей (СБ, июнь 2006); или: *Как же иначе, – улыбались тургеновцы, – белорусы «шчыры» угощением...* (СБ, апр. 2013); ср.: *Мы пытаемся сейчас доказать, что у нас самые чистые улицы, а белорусский народ – самый «шчыры»* (БГ, сент. 2013). Вместе с тем анализ употребления белорусизма *шчыры* в негосударственном издании «Белгазета» показывает возникновение у данного слова иронично-сниженной коннотации: *Еще немного, и «цицерон» действительно развязал бы шчыры мордобой* (о неудачном выступлении политика на митинге) (БГ, окт. 2010); или: *Сом бесчестуичатый – «шчыры», душа нараспаху. Сом теплолюбив – нуждается в энергоносителях. Сом – партизан в душе* (БГ, авг. 2013); ср.: *В Донецком аэропорту был тяжело ранен нацгвардеец – тоже шчыры украинец с американским паспортом* (БГ, июнь 2014).

Значительное воздействие экстралингвистических факторов на язык проявляется в традиции использования белорусизма *свядомы* ‘осмысленный, сознательный’ [13] в русскоязычном тексте, где это определение реализует совершенно новое, негативно окрашенное значение – ‘принадлежащий к оппозиции, характерный для нее’: *Вспоминаю я и знакомых из стана «свядомых»*. Примечательны они пристрастием к бурным речам (СБ, сент. 2002); или: *И не назло кому бы то ни было мы идем вперед, а ради себя же самих и своих детей. Вот только невдомек это все тем же «свядомым» правдолюбцам* (СБ, авг. 2003); ср.: *Этот вопрос можно адресовать и части той «свядомай» интеллигенции, критикующей проводимый Беларусь курс* (СБ, окт. 2008). В следующей газетной иллюстрации белорусизм *свядомы* развивает значение ‘о том, кто отличается приспособленческим поведением’: *Не могу без отвращения вспоминать начало 90-х, когда почти все начальники начали мэкать и бэкать «на мове»*. А когда миновала надобность, из внезапно «свядомых» дружными колоннами вернулись на исходные позиции (СБ, янв. 2004). Отметим, что все рассмотренные газетные контексты относятся к государственному изданию «Советская Белоруссия». Для «Белгазеты» характерно нейтральное использование адъектива *свядомы* как самоназвания определённой части белорусского социума, критически относящейся к действиям государственной власти: *О том, кто кричал громче всех и какие отдельные руководители в этом виноваты, «БелГазете» рассказал «свядомы» минчанин Виталий Олешкевич* (БГ, янв. 2012); ср.: *Хотя свядомы Минск должен был входить предпоследним, но отдельные независимые журналисты просочились вместе с Витебской делегацией* (БГ, янв. 2013); или: *Каким образом сегодня в Беларуси можно было бы создать «нацыянальна-свядомы» бизнес?* (БГ, апр. 2010).

Использование экспрессивно окрашенного белорусизма *гамон* ‘конец, кранты’ [14] направлено на усиление выразительности высказывания, придания ему разговорного характера и своеобразного национального колорита: *У меня колесу гамон! Сплошные искры! Может, дотяну до заправки! – кричит из «Мерседеса» Сергей* (СБ, окт. 2015); или: *При таком раскладе нервам однажды тоже придет гамон. Но неврологов тогда ни о чем не спрашивали* (БГ, фев. 2013); ср.: *Это был полный гамон! Они там все валят мимо кассы! Один только Джон Лорд играл что-то внятное* (БГ, апр. 2012).

Аналогичным образом употребляется и слово *знянацку* – ‘неожиданно, вдруг’ [13], сохраняя свое словарное значение: *Легких зим в Беларуси не бывает, они готовы «знянацку» преподнести нештатные сюрпризы* (СБ, дек. 2007); ср.: *Для белорусов «знянацку» претендовать на любом из локальных рынков на долю, превышающую их долю на мировом рынке, несколько самонадеянно* (БГ, янв. 2013). Такого рода слияние книжности и разговорности, размывание границ публичного и обиходно-бытового общения объясняется стремлением журналистов реализовать основную стратегию современных СМИ – стратегию близости к адресату: «Считается, что если СМИ будут говорить на том же языке, что и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, что в обиходно-бытовой сфере человека, тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату» [15, с. 28].

Таким образом, анализ функционирования вкраплений-белорусизмов в русскоязычном газетном тексте показал, что такие элементы несут в себе дополнительную семантическую, стилистическую и прагматическую нагрузку, позволяя интерпретировать социальную позицию как издания, так и автора публикации, а также дают возможность пишущему выразить свою оценку опосредованно, избегая прямых и однозначных характеристик описываемого явления.

Литература

1. Верховцова, Т.О. Лингвокультурные особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках газет (на материале русскоязычной прессы Беларуси) / Т.О. Верховцова // Вестник Белорус. гос. ун-та. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2008. – № 1. – С. 49–54.
2. Воробьева, О.И. Экспрессивность рекламы в аспекте коммуникации / О.И. Воробьева // Вестн. Витебск. гос. ун-та. Сер. 6. Языкознание. – 2005. – № 2 (36). – С. 71–74.
3. Журавлева, Н.Н. Смысловая и стилистическая нагрузка белорусизмов в русскоязычном тексте / Н.Н. Журавлева, О.В. Потапова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 3. – С. 66–69.
4. Козловская, Л.А. Зеркало расхожей эрудиции, или инварианты восприятия прецедентных высказываний в условиях речевой масс-культуры / Л.А. Козловская // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 40–43.
5. Крицкая, Н.В. Новые речевые явления в языке газет / Н.В. Крицкая // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 2. – С. 103–106.
6. Андреева, Л.С. Сравнение приемов наименования публицистических статей на материале газет 1985–2005 гг. / Л.С. Андреева, Е.А. Кривонос // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 3. – С. 8–10.
7. Ивченкова, Е.В. Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте / Е.В. Ивченкова // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2011. – № 3. – С. 101–104.
8. Іўчанкоў, В.І. Дыскуср беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В.І. Іўчанкоў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.
9. Капуста И.Л. Языковые инновации в белорусских СМИ / И.Л. Капуста // Феномен коммуникации в социально-гуманитарном знании и образовании : мат. междунар. науч.-практ. конф., 12 мая 2002 г. / Белорус. гос. ун-т ; РИВШ БГУ. – Минск, 2002. – С. 49–50.
10. Ларина, Т.И. Феномен ономастического тропа в русском, польском и английском языках (на материале современной публицистики) / Т.И. Ларина // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 70–75.

11. Перепись населения – 2009: Выходные регламентные таблицы [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет РБ. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi3_new.php. – Дата доступа : 11.10.2010.
12. Махонь, С.В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов / С.В. Махонь // Вопросы лингвистики. – 1996. – № 1. – С. 73–78.
13. Русско-белорусский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 06.03.2016.
14. Белорусско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian2-term-10046.htm>. – Дата доступа : 06.03.2016.
15. Кормилицина, М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. : М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2008. – С. 28.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 05.03.2016

Формирование оценочной семантики у слов с приставкой *раз-* (*рас-*) в русском языке

Е.И. ТИМОШЕНКО

Рассматривается внутренняя форма слов с живой и исторической приставкой *раз-* (*рас-*) в русском языке. Выявляется обусловленность оценочной семантики характером перемещения в пространстве, отраженным приставочной морфемой. Разъединение, выступающее как результат разрушения, служит базой формирования отрицательной оценочной семантики; разъединение, представляющее собой освобождение от какого-либо стеснения или преследующее целью упорядочение, – семантики положительной оценки.

Ключевые слова: семантика, полисемия, семантическая структура слова, внутренняя форма слова, приставка, этимологическое значение, сочетаемость морфем.

The inner form of the words with live and historical prefix *raz-* (*ras-*) in the Russian language is analyzed. Conditionality of the estimated semantics is revealed by the transference in space, reflected by a prefix. Disconnection which is equal to destruction serves as the basis of formation of negative valuation of semantics; separation equals to the release of any constraint or pursuing the aim of streamlining – the semantics of a positive assessment.

Keywords: semantics, polysemy, semantic structure of the word, inner form of the word, prefix, etymological meaning, compatibility of morphemes.

Освоение человеком мира – это в первую очередь освоение окружающего его пространства. Место как пространственная категория в высшей степени значимо в жизни человека, его выбор всегда не случаен. В.Н. Топоров считает очевидной презумпцию, «что «место» по некоему провиденциальному плану, по замыслу, по открывающимся возможностям рассчитано на благое, что во всяком случае положительное *м о ж е т* в месте *с е м* случиться», – другими словами, «место» «благодаря присутствию в нем человека, вещей-артефактов и пищи обладает жизненной энергией высокого напряжения, той витальностью, которая определяет уровень жизненной силы» [1, с. 28–29].

Пространственные ориентиры и связанное с ними перемещение – основополагающие параметры языковой модели мира. Реальный мир с его пространственными характеристиками выступает как основа для осмысления других сторон жизни – социальной и нравственной.

Анализ семантики, структуры и происхождения слов позволяет утверждать, что особенности расположения предметов в пространстве друг относительно друга, а также особенности направлений перемещения оказываются той неязыковой базой, на которой зиждется формирование абстрактных оценочных значений. Наблюдения показывают, что представление о расположении вблизи чего-либо или перемещении, направленном на сближение, соединение, оказывается основой формирования абстрактного значения положительной оценки. Напротив, представление о перемещении, направленном от предмета, а также о разъединении, отделении выступает как база формирования абстрактного значения отрицательной оценки [2, с. 34–41].

Исходные пространственные семы приближения, соединения или удаления, отделения в значении слова могут быть выражены не только корневой, но и приставочной морфемой. Высокая степень лексичности приставки, высокий удельный вес ее значения в лексическом значении слова в целом не вызывает сомнений. А.Н. Тихонов, например, отмечает, что для приставки характерна «семантическая отдельность в структуре слова», что приставки «не растворяются в общей семантике слова, наоборот, обособлены в ней достаточно четко и ясно» [3, с. 33], [см. также 4, с. 37–38]. В словах со связанными корнями, например, семантика приставки является определяющей для всей семантики слова, поскольку значение подобных корней носит слишком общий характер и не может быть сформулировано – по крайней мере для современного языкового среза – достаточно определенно (сравн. *ввергнуть*, *отвергнуть*, *низвергнуть*; *выключить*, *переключить*, *подключить* и т. п.).

Предметом рассмотрения в статье являются слова с живой и исторической приставкой *раз-* (*рас-*), имеющие в своей семантической структуре абстрактные оценочные значения.

Цель исследования заключается в выявлении внутренней формы абстрактных оценочных значений и объяснении семантических трансформаций, приводящих к формированию подобных значений у слов, в которых эта приставка на современном языковом срезе выступает как живая или деэтимологизированная.

Происхождение рассматриваемой приставки не вызывает сомнений у лингвистов. Приставка *раз-* (*рас-*), *роз-* (*рос-*) (соответственно церковнославянский и древнерусский фонетический варианты), как и другие славянские приставки, имеет исконное пространственное значение, возводится к праславянскому **orz-* из **ordz-*. Она отражает идею отдельности, разъединения чего-либо на части. В этимологических словарях приводятся следующие межъязыковые соответствия для этой приставки: др.-инд. *árdhas* ‘часть, половина’, *rdnak* ‘порознь’, авест. *arəda* ‘пол-, сторона’, др.-перс. *arda* ‘то же’, осет. *ærdæg* ‘пол-, половина’, лит. *ardyti* ‘разделять’ (Фасмер, III, с. 494).

В современных толковых словарях приставка *раз-* (*рас-*), *роз-* (*рос-*) представлена как многозначная, однако этимологическая основа сохраняется как семантический инвариант, сравн. некоторые значения приставки: 1) ‘раздробление, разъединение на части’; 2) ‘разъединение (в противоположность соединению, скреплению)’; 4) ‘распространение действия в разные стороны’; 5) (с частицей *-ся*) ‘движение (многих, нескольких) из какой-л. точки в разные стороны’ и др. (СРЯ, III, с. 582–583).

Не вызывает сомнений, что отъединение, разделение целого на части может быть обусловлено различными причинами и соответственно – различно оцениваться. Во-первых, разъединение, разделение целого на части может быть равно разрушению и поэтому оцениваться отрицательно. Во-вторых, разделение может представлять собой первый – подготовительный – этап упорядочивания (то есть для того чтобы привести в надлежащий, требуемый вид, сначала надо разделить, а затем разместить, в том числе при необходимости соединить, в определенном порядке) и поэтому оцениваться положительно.

Очевидно, что представление о раздроблении, удалении друг от друга частей чего-либо некогда целого, воспринимаемое в первом смысле и ассоциирующееся с разрушением, мотивирует переносное значение отрицательной оценки или формирование отрицательных оценочных коннотаций. Подобное явление наблюдается в большинстве многозначных слов с живой на современном языковом срезе приставкой *раз-* (*рас-*), причем часто имеющих нейтральное или даже положительно окрашенное основное значение. Рассмотрим семантическую структуру следующих слов. *Разложить* – 1) ‘положить, поставить отдельно одно от другого, разместить’; // ‘положить отдельно составные части чего-л. в определенном порядке или согласно каким-л. правилам’; 6) *перен.* ‘довести до полного морального падения, расстройств, упадка’; аналогично *разложиться* – ‘дойти до полного морального падения, расстройств, упадка’ (СРЯ, III, с. 612). *Разделать* – 1) ‘обработать каким-л. образом, приготавливая для использования’; 2) *перен. прост.* ‘учинить расправу над кем-, чем-л. (избить, разругать, повредить)’; аналогично *разделаться* в переносном значении – ‘наказать кого-л, расправиться’ (СРЯ, III, с. 603). *Разменять* – ‘обменять более крупный денежный знак на соответствующее по стоимости количество мелких денежных знаков, мелких монет’, *перен.* ‘расстратить попусту что-л. (свои силы, способности, духовные качества)’; аналогично *разменяться* (СРЯ, III, с. 615). *Разнести* – 1) ‘неся, доставить многим, в разные места’; // ‘обнося, раздать что-л. присутствующим’; 3) ‘развеять, рассеять’; // *обычно безл.*; *перен.* ‘разъединить, заставить разойтись, разъехаться в разные стороны’; 7) *перен. разг.* ‘разругать, разбранить’ (СРЯ, III, с. 619). *Развалить* – 1) ‘рассыпать, раскидать что-л. собранное в кучу, сложенное’; // *разг.* ‘сломать, разрушить (постройку, сооружение)’; 2) *перен.* ‘привести в полное расстройство, в упадок’ (СРЯ, III, с. 588). *Разнузданный* – причастие от *разнуздать* ‘вынуть из рта лошади удила, отстегнув их от уздечки’; *перен. разг.* ‘дошедший до крайней степени распушенности, произвола, ничем не сдерживаемый’; // ‘не имеющий никакого разумного ограничения’ (СРЯ, III, с. 622). *Распоясаться* – ‘снять с себя пояс’; *перен. разг.* ‘утратить всякую сдержанность, стать распушенным, наглым’ (СРЯ, III, с. 656). *Распустить* – 1) ‘отпустить, освободив от занятий, обязанностей (многих, нескольких)’; // ‘дать возможность разойтись, разбежаться в разные стороны’; 2) ‘развязать, ослабить что-л. туго стянутое, затянутое’; // *разг.* ‘сде-

лать ненапряженным, расслабить'; 5) *разг.* 'ослабив надзор и требовательность, сделать недисциплинированным, плохо повинующимся, своевольным' (СРЯ, III с. 659); причастие *распущенный* имеет два переносных отрицательно окрашенных значения: 'недисциплинированный, невыдержанный, непослушный'; 'безнравственный, развратный' (СРЯ, III, с. 660). Отрицательная оценка выражается также во фразеологических оборотах, содержащих данный глагол: *распустить горло* или *глотку* (*груб., прост.*) – 'начать кричать громко, во все горло'; *распустить язык* – 'разболтаться, наговорить много лишнего'; *распустить нюни* – 1) 'расплакаться', 2) 'пасть духом, приуныть' (СРЯ, II, с. 516); *распустить слюни* – 1) 'расплакаться', 2) 'проявить нерешительность, безволие' (СРЯ, III, с. 147). *Распушить* – 1) 'растеребив, расчесав и т. п., сделать пушистым'; 2) *разг.* 'разбранить, отругать' (СРЯ, III, с. 660). *Расшатать* – 1) 'сделать шатким, неустойчивым, непрочным'; 2) 'привести в состояние упадка, ослабить'; аналогично *расшататься* (СРЯ, III, с. 683). *Развязный* – 'подчеркнуто свободный, излишне непринужденный'; // 'бесцеремонный, фамильярный'; // 'выражающий излишнюю непринужденность, фамильярность, бесцеремонность' (СРЯ, III, с. 597). *Размазня* в переносных значениях – 'о вялом, нерешительном человеке', *неодобр.* 'что-л. расплывчатое, лишенное силы, выразительности' (СРЯ, III, с. 613). *Разыграть* – *разг.* 'одурачить, ввести в заблуждение, поднять на смех' (СРЯ, III, с. 636). Аналогично *раздерганный*, *распад* и др. Именно приставка привносит отрицательную оценку в семантику таких однозначных в современном языке слов, как *размолвка* – 'небольшая ссора'; *растлить* – 1) 'изнасиловать, лишить девственности (несовершеннолетнюю)' 2) 'нравственно развратить, довести до полного разложения' (СРЯ, III, с. 674).

Гораздо реже наблюдается формирование переносных положительно окрашенных значений. Положительное переосмысление значения, выражаемого приставкой, связано с идеей расширения, освобождения (впрочем до разумного предела, за которым достоинства переходят в недостатки), а также с идеей разъединения, имеющего целью упорядочивание, гармонизацию. Так, положительная оценка свойственна переносным значениям следующих слов. *Развить* в основном значении – 'раскрутить что-л. свитое, завитое, скрученное', в переносных – 'постепенно совершенствуя, сделать сильнее, крепче, обширнее', 'сделать духовно зрелым, дать раскрыться умственным, духовным способностям, расширить кругозор', 'довести до высокого уровня, сделать более мощным' и др.) (СРЯ, III, с. 594). *Расположить* – 'разместить, расставить'; 'вызвать в ком-, чем-л. симпатию, благоприятное отношение к кому-л., привлечь на чью-л. сторону', аналогично *расположение* (СРЯ, III, с. 655). *Развязаться* – *перен.*, *разг.* 'освободиться от кого-, чего-л. (стесняющего свободу, обременительного, мешающего)', *перен.*, *устар.* 'начать свободно вести себя, утратить скованность, сдержанность' (показателен контекст употребления слова в указанном значении: *Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался: стал мил и умен, сытал остроумиями.* Гоголь. – СРЯ, III, с. 597). Сравн., однако, *развязный*, приведенное выше.

В некоторых словах с выделяемой на современном срезе приставкой *раз-* (*рас-*) наблюдается явление демотивации, т. е. отсутствие четкой семантической мотивированности производящего производным [5, с. 77], и как раз в таких случаях значение приставки оказывается предопределяющим для формирования отрицательной оценочной семантики слова. Например: *распастронить* – *прост.* 1) 'распаковать, разворошить' (*Распастронить пакет*); 2) 'расправиться, разделаться с кем-л.'; // 'резко раскритиковать, разругать' (– *Бывало, как получают в районе свежую газету, так и говорят: «Ну, кого же сегодня Ведерников распастро-нил?».* А. Гончаров) (СРЯ, III, с. 650); *раздраконить* – *прост.* 'сильно разругать' (– *Вы сглотили, товарищ Букреев, и вас надо здорово раздраконить.* Гладков) (СРЯ, III, с. 606); *разлимонить* (*прост.*, *фам.*) – 'привести в хмельное, пьяное состояние' (*В силу выпитой водки его совершенно, как говорится, разлимонило.* А. Тургенев. – Ушаков).

Наблюдения над языковым материалом показывают, что в подавляющем большинстве слов, подвергшихся опрощению и содержащих приставку *раз-* (*рас-*) только как историческую, реализуется отрицательная оценка. Отличительной особенностью подобных слов является дублирование значения разъединения (в ряде случаев – разрушения, а также расшатывания или колебания), выражаемого одновременно как приставочной, так и корневой морфемой.

В работах по семантической синтагматике указывается, что основным закон правильной сочетаемости слов предполагает наличие в них общих (повторяющихся) компонентов, или сем. Подобное правило соединения слов в синтагме получило название семантического согласования [6, сс. 279, 282, 284]. Это правило подтверждается и характером сочетаемости морфем в слове, то есть можно говорить об изоморфизме в соединении единиц языка разных уровней и даже, по видимому, об универсальном характере данного закона. Сравн., например, сочетаемость глагола *пороть* ('разрезать, разъединять по швам что-л. сшитое, швы на чем-л.', 'разделять, отделять чем-л. острым') с приставками: можно *вы-пороть*, *от-пороть*, *рас-пороть*, но нельзя **при-пороть*; аналогично *рас-ширить* при невозможности **при-ширить* или **в-ширить*, *раз-рушить* при невозможности **при-рушить*, *с-узить* при невозможности **раз-узить* и под. В некоторых случаях, благодаря именно сочетаемости морфем, на синхронном срезе может быть выявлена семантика связанного корня. Так, глаголы *расторгнуть*, *исторгнуть*, *отторгнуть* содержат связанный корень, который способен сочетаться только с приставками, обозначающими удаление, разделение. Действительно, обращение к историческому словарю подтверждает «разрушительную» семантику корня: др.-рус. *търгуоутиса* – 'разорваться, лопнуть' (Срезн., т. III, ч. 2, с. 1051).

К опрошенным словам, содержащим историческую приставку *раз-* (*рас-*) и имеющим в современном языке значение отрицательной оценки, которое сформировалось на основе переосмысления идеи разделения, разрушения и т. п., выраженной в прошлом одновременно корнем и приставкой, относятся следующие. *Развратить* – 1) 'приучить к разврату, сделать развратным' (*разврат* – 'половая распущенность, беспутная половая жизнь'); 2) 'довести до морального разложения'; 3) 'избаловать, приучить к излишествах' (СРЯ, III, с. 596); исторический корень – **vert-*: лат. *verto -ere* 'поворачивать, обращать, вертеть', др.-инд. *vartatē* 'поворачивается' и др. (Фасмер, I, с. 301). *Разбой* – 'нападение с целью грабежа, ограбления, сопровождаемое насилием' (СРЯ, III, с. 585); исконным значением праславянского (и индоевропейского) корня было значение разделения, раскалывания, разрушения, о чем свидетельствует семантика древних соответствий: др.-ирл. *benim* 'режу, бью', др.-в.-нем. *bīhal* 'топор', авест. *byente* '(они) одолевают, бьют', др.-инд. *bhinādmī* 'раскалывать, разрезать, разламывать', лат. *findere* 'раскалывать' (ЭССЯ, 2, с. 99–100). *Раздор* – 'разногласия между кем-л., ссора, вражда'; исторический корень – **dъr-*, исконная семантика которого восстанавливается как 'драть, раздирать на части, рвать, бить' (ЭССЯ, вып. 5, с. 218). *Раздражить* (несов. *раздражать*) – 1) 'воздействовать чем-л. на организм или на отдельный орган, вызывая какую-л. реакцию'; 3) 'привести в состояние недовольства, досады, злости' (СРЯ, III, с. 606). Праслав. **orzdražiti* является сложением приставки **orz-* и глагола *dražiti* (ЭССЯ, вып. 33, с. 52–54), а последний связывается авторами ЭССЯ с корнем **der-*, *dr-a-* 'драть' (ЭССЯ, 5, с. 104–105). *Разорить* – 1) 'ломая, уничтожая, разрушить, опустошить', 2) 'нанести ущерб материальному благополучию кого-л., довести до нищеты' (СРЯ, III, с. 627); исторический корень *орить* имеет значение разрушения, сравн. семантику соответствий в славянских и неславянских языках: болг. *оря* 'разоряю', сербохорв. *obōritи* 'сокрушать, ниспровергать, свергать', чеш. *obořiti* 'обрушиться, напасть', лит. *ardyti* 'разделять', лтш. *ārdīt* 'распарывать, разорять, ворошить, разбрасывать' и др. В примечании О.Н. Трубачева к анализу слова у М. Фасмера говорится о том, что в этимологической литературе корень сравнивается с хеттским *ḫarra-* 'ломать, разрушать, измельчать' (Фасмер, III, с. 152–153). В непроизводном и нечленимом с современной точки зрения русском *распря* 'ссора, раздор' наблюдается то же явление – дублирование семантики корня и выделяемой исторически приставки. Древнерусское *пъря* имело следующие значения: 'спор', 'возражение', 'ссора, распря', 'нарекание', 'гонение', 'одоление, победа', 'тяжба, судебное дело', 'неточность, неясность' (Срезн., т. II, ч. 2, с. 1774–1775). М. Фасмер приводит такие инославянские соответствия, как ст.-слав. *ПЪРЯ*, чеш. *pře* 'спор, тяжба', пол. *prza* (Фасмер, т. III, с. 392). Аналогичное явление имеет место в непроизводном в современном языке глаголе *распяť* 'пригвоздить к кресту', исторически образованном от *ПАТИ* 'растягивать, протягивать' (Срезн., т. II, ч. 2, 1795).

В ряде нечленимых на современном языковом срезе слов приставка исторически имела значение отрицания семантики корня, так или иначе связанной с идеей упорядоченности, вследствие чего формировалось общее значение отрицательной оценки. Подобное явление имело место, например, в таких словах, как *распутный* и *разгильдяй*. Так, существительное *разгильдяй* (разг.), имеющее в современном русском языке значение 'беспорядочный, небреж-

ный, нерадивый в делах человек' (СРЯ, III, с. 598) (сравн. также у В.И. Даля: 'мешок, неповоротливый; кто ходит вперевалку, качая руками и приседая; неряха, нечёса, растрёпа, рохля, растегай, оборванец; беззаботный разиня или шатун' – т. IV, с. 23) связано со словом *гильдия*, обозначавшим, среди прочего, 'один из ... сословно-податных разрядов, на которые делилось купечество в зависимости от имущественного положения'. Разумеется, установление разрядности предполагает классификацию и упорядоченность. Прилагательное *распутный* 'разгульный, развратный; исполненный разврата, разгула', хотя и выступает в современном языке как непроизводное и являющееся вершиной словообразовательного гнезда слово, еще не совсем утратило свою внутреннюю форму и может быть истолковано как 'сбившийся с пути, потерявший линию, направление движения', т. е. 'нарушивший логику, определенный порядок'.

Формирование значения отрицательной оценки может быть связано, как это наблюдается в глаголе *распечь*, одновременно со структурным словообразованием и явлением метафоризации: *распечь* – 'сделать строгий выговор, разбранить'. Известно, что исходная семантика огня, накаливания, жара и т.п. метафоризируется в обозначение разнообразных отрицательно оцениваемых действий и состояний (сравн. хотя бы широкоупотребительное *нагреть руки, нагреть карман* – 'нечестно нажиться, разбогатеть на каком-либо деле').

Таким образом, формирование переносных оценочных значений в словах с живой и исторической приставкой *раз-* (*рас-*) обусловлено этимологическим значением приставки, отражающим характер перемещения в пространстве – в частности удаление, разъединение. Представление о разъединении как о разрушении, являющееся более частотным, лежит в основе формирования значения отрицательной оценки; идея же разъединения как этапа, предшествующего упорядочению или способствующего освобождению от какого-либо ограничения, стеснения, выступает как основа формирования значения положительной оценки.

Принятые сокращения

- Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – М., 1981–1982.
 СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х тт. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1981–1984.
 Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986–1987.
 Срезн. – Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский. – Репринтное издание. – М. : Книга, 1989. – Т. I–III.
 Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117. – Дата доступа : 19.02. 2016.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под. ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1–30. – М. : Наука, 1974–2003; Вып. 33 / Под ред. А.Ф. Журавлева. – М. : Наука, 2007.

Литература

1. Топоров, В.Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) / В.Н. Топоров // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923–1996). – М. : Индрик, 2004. – С.12–106.
2. Тимошенко, Е.И. Структура оценочного слова как отражение пространственной модели (на материале русского языка) / Е.И. Тимошенко // Науковий видання «Мова і культура». – Київ : Київський національний ун-т ім. Т. Шевченка ; Видавничий дім Д. Бураго, 2012. – Випуск 15, Т. УІ. – С. 34–41.
3. Тихонов, А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А.Н. Тихонов. – М. : Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
4. Потиха, З.А. Современное русское словообразование. Пособие для учителя / З.А. Потиха. – М. : Просвещение, 1970. – 384 с.
5. Улуханов, И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И.С. Улуханов. – ВЯ. – 1992. – № 5. – С. 74–89.
6. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 272–297.

Научно-академический дискурс как институциональный тип дискурса

И.Е. ШПЕНЮК

Анализируются конститутивные характеристики научно-академического дискурса как институционального типа общения. Проводятся разграничения собственно научного, академического (педагогического) и научно-академического дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, научный дискурс, академический дискурс, педагогический дискурс, научно-академический дискурс, конститутивные признаки.

Constitutive characteristics of scientific-academic discourse as an institutional type of communication are analyzed. Differentiations between scientific, academic-educational (pedagogical) and scientific-academic discourses are given.

Keywords: discourse, institutional discourse, scientific discourse, academic-educational discourse, pedagogical discourse, scientific-academic discourse, constitutive characteristics.

Введение. Повышенный интерес лингвистов к изучению различных типов дискурса связан с рассмотрением функционирования языка в различных сферах социальной, материальной и духовной жизни человека и общества. Среди них особое место занимают работы, посвященные общению в институциональной сфере, которая накладывает определенные ограничения на речевое поведение коммуникантов, связанные с их статусами и социальными ролями. Сегодня широко исследуются научный [1], [2], [3], [4], педагогический [5], [6], политический [7], [8], религиозный [9] и другие типы институционального дискурса. К сфере институционального общения относится и научно-академический дискурс, важность исследования которого приобретает особое значение в связи с ростом роли науки и высшего образования в современном обществе, что и определяет **актуальность** данной статьи. **Цель работы** – определить конститутивные признаки научно-академического дискурса, а также установить его место в системе институционального дискурса.

Коммуникативно-прагматический подход как одно из самых распространенных направлений в современной лингвистике открывает перспективу исследования устного и письменного общения в высших учебных заведениях как особый тип дискурса – **научно-академический дискурс** (далее – НАД), который понимаем как процесс и результат коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования с целью передачи профессиональных знаний, формирования методологических основ осмысления фактов действительности и подготовки специалистов высшей квалификации, а также особый тип интерперсонального взаимодействия адресанта и адресата, в котором адресант целенаправленно влияет на когнитивную сферу адресата с целью формирования у последнего основ системы профессиональных знаний и профессионального мышления.

Выделение НАД в отдельный тип дискурса требует определения его конститутивных параметров, то есть тех свойств, которые предопределяют его сущность. НАД является примером институционального общения, ведь взаимодействие коммуникантов происходит в социально-фиксированных ситуациях в рамках общественного института высшего образования. Для того, чтобы описать конкретный тип институционального общения, следует рассмотреть его конститутивные признаки такие как участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [10, с. 209].

Участники институционального дискурса делятся на агентов (представителей определенного института) и клиентов [11, с. 11]. В устном НАД агентами выступают преподаватели, которые передают знания в процессе обучения и часто проводят собственные научные исследования, а клиентами – студенты, которые получают и усваивают новые знания по той или иной дисциплине. Характерной особенностью является статусная и ролевая асимметрия его

участников, поскольку статус преподавателя (лектора, руководителя семинара) как квалифицированного специалиста на когнитивном уровне, то есть по уровню знаний, который к тому же руководит коммуникацией, всегда доминирует над статусом студента. В письменном НАД адресат является одной из инвариантных составляющих, ведь это может быть как студент, так и преподаватель, коллега, поэтому асимметричность отношений реализуется в системе автор (ученый)–читатель (студент) и автор (ученый)–читатель (ученый). Во втором случае социальные статусы коммуникантов одинаковы, но ролевые отношения остаются ассиметричными, учитывая высшую коммуникативную роль автора учебника, который контролирует речевое взаимодействие на всех этапах ее развертывания (тематический, прагматичный, структурный параметры дискурса) и определенным образом влияет на адресата. Именно поэтому одним из конститутивных признаков НАД считаем статусное и ролевое неравенство его участников.

Хроотопом НАД является высшее учебное заведение, университет, а именно аудитории, лаборатории, кабинеты, конференц-залы для проведения лекций, семинаров, а также библиотеки для самостоятельной работы студентов и специально отведенное время для общения такого вида, согласно академического календаря и расписания.

Основная цель НАД заключается в передаче профессиональных знаний, формировании методологических основ мышления в профессиональной сфере и подготовке специалистов высшей квалификации.

Ценности дискурса определяются целями конкретного институционального общения и зависят от внешних условий. Ценностями НАД являются знания, которые передаются преподавателями и усваиваются студентами в высших учебных заведениях. Передача и усвоение знаний происходят в учебном процессе, поэтому обучение также можно отнести к ценностям НАД. Обучение следует рассматривать с позиций участников дискурса: обучение как деятельность преподавателей по передаче профессиональных знаний и обучение как деятельность студентов по овладению этими знаниями [12, с. 137].

Реализации основной цели НАД – передачи профессиональных знаний – подчинены *стратегии* и *тактики* его построения. В связи со спецификой сферы коммуникации выделяем две основные коммуникативные стратегии НАД: информативную и регулятивную. Стратегия информирования охватывает совокупность речевых действий коммуниканта, направленных на представление информации объективного характера и реализуется через тактику констатации, ориентированную на сообщение новой информации о том или ином объекте или явлении, тактику конкретизации фактов, которая заключается в переходе от абстрактного знания к более конкретному путем предоставления примеров, тактику обоснования, которая используется при объяснении терминов или толковании определенных явлений, тактику обобщения, направленную на подведение итогов после предоставления новой для адресата информации. Рассмотрим пример:

Adolescents who successfully weather an identity crisis emerge as their own persons, as people who have achieved a state of ego identity. Ego identity, however, continues to develop throughout life. Our occupational goals and our political, moral, and religious beliefs often change over time. Therefore, we may weather many identity crises in life (PCA).

В приведенном примере выбор тактики обобщения позволяет сделать вывод, а именно выявить общие черты определенных явлений. С помощью коннектора *therefore* адресант пытается максимально ясно и логично изложить новый материал.

Стратегия регулирования поведения предполагает определенное влияние на адресата с целью изменения его поведения. Сюда относим такие тактики: тактику установления контакта, тактику привлечения внимания, тактику контроля понимания, тактику поддержания контакта, тактику оценки, тактику выражения согласия, тактику отрицания, тактику благодарности, тактику прощания. Так, тактика привлечения внимания применяется с целью привлечь внимание адресата к важным фрагментам научного изложения и активизировать его мыслительную деятельность. Реализации намерения адресанта способствуют стереотипные конструкции типа *note (that), recall (that), notice (that), assume (that), it is interesting to ..., interestingly, importantly, it is important to note (that) ..., it is important to bear in mind (that) ..., notably, particularly, of particular interest ..., of particular importance ...* и др., например:

It is important to note that the random particle flux is inversely proportional to the square root of the particle mass (FPP).

В рассматриваемом примере адресант пытается сфокусировать внимание адресата на важной информации, которую необходимо принять к сведению.

НАД представлен устным и письменным разнообразиями, каждому из которых присуще определенное жанровое многообразие. Как социально обусловленные явления, жанры являются типизированными формами социальных актов с относительно регулярными (в частности языковыми) признаками, возникающими в определенных рекуррентных ситуациях общения [13, с. 133]. Жанры устного НАД соответствуют конкретным формам общения между преподавателем и студентами. Это аудиторные (classroom) и внеаудиторные занятия (non-class events). Аудиторные занятия проводятся в соответствии с учебной программой университета. К ним относят лекцию (lecture), занятия-опрос (discussion section, или recitation), лабораторное занятие (lab section), семинар (seminar) и студенческую презентацию (student presentation). К внеаудиторным занятиям принадлежат коллоквиум (colloquium), семинар исследовательских групп (study group) и консультация с преподавателем или руководителем (tutorial). Среди письменных жанров НАД выделяют учебник (электронный учебник) (textbook, electronic textbook), учебное пособие (электронное пособие) (tutorial, electronic tutorial), хрестоматия (reader), учебный справочник (reference book), методическая разработка (workbook), методические рекомендации (указания) (study guides) и др.

Тематика НАД охватывает широкий круг вопросов точных, естественных, общественных и гуманитарных наук. Особенность НАД заключается в том, что *материал дискурса* частично совпадает с прецедентными текстами. Однако прецедентные тексты не ограничиваются только учебниками и учебными пособиями. К ним следует отнести также и научные труды по различным дисциплинам и уставы высших учебных заведений.

Под *дискурсивными формулами* понимают языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического) характерные для определенного социального института [7, с. 18], ведь именно в таких формулах и отражается специфика той сферы, в которой происходит общение. Для НАД характерна специфическая лексика, присущая той или иной области знаний, то есть научная терминология. НАД, как правило, лишен эмоциональности и экспрессивности. Морфологические средства (видо-временные формы, значительное количество существительных) также подчеркивают эмоциональную нейтральность дискурса. К синтаксическим средствам относятся простые предложения, безличные предложения, вставные обороты, которые обеспечивают последовательность развертывания дискурса, конструкции введения чужой речи. Особое место среди дискурсивных формул принадлежит стереотипным этикетным средствам, которые отражают специфику общения в высшем учебном заведении, а потому являются существенным признаком НАД.

Отметим, что с одной стороны, НАД имеет общие черты с собственно научным и академическим (педагогическим) дискурсами, а с другой – принципиально отличается от обоих. Рассмотрим отличия НАД от научного дискурса. Тематика обоих дискурсов может совпадать, однако их цели несколько отличаются. В отличие от научного, цель которого заключается в продуцировании нового знания, сообщении результатов исследований, решении научной проблемы, систематизации объективных знаний о действительности [4], НАД нацелен на передачу уже имеющихся знаний в той или иной отрасли, создание основ профессионального мышления для подготовки специалистов высокой квалификации. Различна и когнитивная составляющая: в первом случае – это новое научное знание, во втором – ранее накопленное знание. Все это влияет на прагматические характеристики НАД, который характеризуется доступностью, четкостью, логичностью представления информации, ориентацией на адресата и уровень его знаний. Еще одним отличием являются интерперсональные отношения участников обоих типов дискурса. Согласно типам ролевых отношений, все ситуации общения делятся на симметричные (роли коммуникантов равные) и асимметричные (роль одного из коммуникантов выше роли другого) [14, с. 135–136]. Научное общение характеризуется статусным равенством и равноправием участников – ученых-коллег, которых объединяет общ-

ность знаний и способность к научному мышлению. Течение, характер и языковые особенности НАД, наоборот, определяются асимметричными отношениями между преподавателями и студентами, ведь роль первых выше роли последних ввиду их уровня знаний и социального статуса. К тому же, цели самих коммуникантов в НАД различны, поскольку преподаватели пытаются передать профессиональные знания, а студенты – овладеть ими для дальнейшего применения в профессиональной деятельности. Коммуникация в научной сфере может происходить между учеными-преподавателями как в научном учреждении, так и в учебном заведении, например, общение преподавателей во время научной конференции, тогда как в НАД – только между преподавателями и студентами в рамках высшего учебного заведения.

От академического (педагогического) дискурса НАД отличается направленностью не только на формирование личности, но и прежде всего – на формирование профессионального мировоззрения, освоение студентами концептуальных основ и методологии интерпретации действительности в определенной области науки или практической деятельности, привлечение студентов к основам научных исследований. Кроме того, преподаватели университетов не только обучают студентов, но и занимаются научными исследованиями, привлекая к ним студентов, что часто является необходимым условием работы в таком заведении. Особого внимания заслуживает и характер отношений между коммуникантами в педагогическом дискурсе, который реализуется в нескольких вариантах: 1) учитель/преподаватель – ученик/студент; 2) учитель/преподаватель – учитель/преподаватель 3) учитель/преподаватель – родители учеников. В первом случае, отношения асимметричны, а во втором и третьем – симметричны. В НАД существуют отношения только между преподавателем или автором учебника и студентом или читателем, асимметричные по характеру.

Иногда в том же значении, в котором мы понимаем «научно-академический» дискурс, предлагается термин «академический» [15], [16] и «научно-дидактический» [17]. При этом отмечается, что академический дискурс сочетает черты научного и педагогического дискурсов и относится к научно-образовательной сфере [15, с. 3] или охватывает всю совокупность коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогической сфер деятельности [16, с. 12]. Термин «академический» кажется слишком широким, поскольку охватывает весь образовательный (собственно образовательно-педагогический) дискурс, который ни в коем случае не является однородным. Термин «научно-дидактический», по нашему мнению, является несколько неточным, ведь лексема «дидактический» употребляется, прежде всего, в обучающем, наставническом смысле, а также в аспекте методики преподавания. Это подтверждает и анализ словарных дефиниций различных лексикографических источников:

АКАДЕМІЧНИЙ, а, е. 1. *Стос. до академії; здійснюваний нею.* 2. *Власт. академікові.* 3. *Навчальний.* Академічний рік. 4. перен. *Суто теоретичний, абстрактний.* 5. *Який додержується встановлених традицій у мистецтві.* Академічний живопис [18, с. 25].

АКАДЕМИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. 1. см. академия. 2. *Соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве).* Академическая живопись. 3. **Учебный (в применении к высшим учебным заведениям).** А. год. А. час. 4. перен. *Чисто теоретический, не имеющий практического значения (книжн.).* А. спор. 5. *В составе названий театров, оркестров, хоров, ансамблей: высшей квалификации, образцовый.* Государственный а. Большой театр [19].

ACADEMIC adj. 1. a. *Of or relating to institutionalized education and scholarship, especially at a college or university.* b. *Of or relating to studies that rely on reading and involve abstract thought rather than being primarily practical or technical.* c. *Relating to scholarly performance: a student's academic average.* 2. *Of or relating to the conservative style of art promoted by an official academy.* 3. *Having little practical use or value, as by being overly detailed, unengaging, or theoretical: dismissed the article as a dry, academic exercise.* 4. *Having no important consequence or relevancy* [20].

ДИДАКТИЧНИЙ, а, е. 1. *Прикм. до дидактика.* 2. книжн. **Повчальний, наставницький** [13, с. 274]

ДИДАКТИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. 1. см. дидактика. 2. **Наставительный, поучительный** (книжн.). Д. тон. Дидактическая повесть [19].

DIDACTIC adj 1. *Intended to instruct*. 2. *Morally instructive*. 3. *Inclined to teach or moralize excessively* [20].

Как видим, термин «академический» скорее обозначает то, что имеет отношение к образованию, которое получают в учебных заведениях (*schooling*), а термин «дидактический» скорее касается принципов обучения и воспитания (то, что носители английского языка понимают как образование в широком смысле – *education*). Предложенный нами термин «научно-академический» представляется наиболее точным, поскольку он четко фиксирует специфику определенного уровня образования (в частности, и уровня исследовательского университета), что предусматривает привлечение серьезных научных исследований. Именно исследовательский университет основывается на тесной интеграции образования и научных исследований в рамках университета, включая использование исследований в практике обучения студентов.

Заключение. В системе типов институционального дискурса объективно выделяется НАД как отдельный тип коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования, к конститутивным признакам которого относятся следующие: участники – преподаватель (лектор, руководитель семинара) или автор учебника и студент или читатель; хронотоп – высшее учебное заведение и заранее определенное время; цель – передача профессиональных знаний и подготовка специалистов высокой квалификации, реализации которой способствуют информативная и регулятивная стратегии; ценности, которые реализуются в двух основных концептах – знание и обучение; жанровый состав устного и письменного дискурса; прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Дальнейшие исследования можно сосредоточить на углубленном изучении коммуникативных стратегий и тактик в различных жанрах американского НАД [21].

Textbooks

- CT – Category Theory / Steve Awodey. – Oxford: Claredon Press, 2006. – 256 p.
 EI – Economics : an introduction to traditional and progressive views / Howard J. Sherman, E.K. Hunt, Reynold F. Nesiba, Phillip Anthony Ohara. – M.E. Sharpe, 2008. – 742 p.
 ES – Essentials of Sociology / David B. Brinkerhoff, Lynn K. White, Suzanne T. Ortega. – Cengage Learning, 2007. – 446 p.
 FB – Fundamentals of Biomechanics / D. Knudson. – New York : Springer, 2003. – 310 p.
 FG – Fundamental Genetics / J. Ringo. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 478 p.
 FGM – Fundamentals of Geomorphology / Richard J. Huggett. – New York : Taylor & Francis, 2007. – 458 p.
 FOC – Fundamentals of Organic Chemistry / J. McMurry. – Cengage Learning, 2010. – 598 p.
 FPP – Fundamentals of Plasma Physics / J.A. Bittencourt. – New York : Springer, 2004. – 678 p.
 FSD – Fundamentals of Structural Dynamics / Roy R. Craig, Andrew Kurdila. – Hoboken, New Jersey : John Wiley and Sons, 2006. – 728 p.
 FSG – Fundamentals of Structural Geology / David D. Pollard, Raymond C. Fletcher. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 503 p.
 HIFA – Humans: an Introduction to four-field Anthropology / Alice Beck Kehoe. – New York, 1998. – 256 p.
 IAC – Introduction to Atmospheric Chemistry / Peter V. Hobbs. – New York : Cambridge University Press, 2000. – 276 p.
 IMLNE – Iterative Methods for Linear and Nonlinear Equations / C.T. Kelley. – Philadelphia : Society for Industrial and Applied Mathematics, 1995. – 166 p.
 IP – Introduction to Probability / Charles M. Grinstead, J. Laurie Snell. – American Mathematical Society; 2 rev. edit., 1997. – 510 p.
 LILT – Linguistics: an Introduction to Linguistics Theory / Victoria A. Fromkin. – Wiley-Blackwell, 2001. – 768 p.
 MTP – Mathematical Tools for Physics / James Nearing. – Dover Publications, 2003. – 485 p.
 PCA – Psychology: Concepts and Applications / Jeffrey S. Nevid. – Cengage Learning, 2007. – 655 p.
 PM – Principles of Management / Ricky W. Griffin. – Cengage Learning, 2007. – 528 p.
 SI – Sociology: an Introduction / Richard J. Gelles, Ann Levine. – McGraw-Hill, 1995. – 672 p.

Литература

1. Багрий, О.І. Наукова дискусія : дискурсивні та прагматичні характеристики (на матеріалі англomовних статей середини XX – початку XXI сторіч) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.І. Багрий – К., 2010. – 20 с.

2. Гніздечко, О.М. Авторизація наукового дискурсу : комунікативно-прагматичний аспект (на матеріалі англomовних статей сучасних європейських та американських лінгвістів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.М. Гніздечко. – К., 2005. – 20 с.
3. Ільченко, О.М. Етикет англomовного наукового дискурсу : монографія / О.М. Ільченко. – К. : ІВЦ Політехніка, 2002. – 288 с.
4. Шевцова, Н.В. Научный дискурс и его лингвистическая прагматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.altspu.ru/Journal/vestnik/ARHIW/N4_2002/1_sekz/shevzova.pdf . – Дата доступа : 22.04.2016.
5. Габидуллина, А.Р. Учебно-педагогический дискурс : монография / А.Р. Габидуллина. – Горловка : ГГПИИЯ, 2009. – 292 с.
6. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 3–17.
7. Загнітко, А.П. Сучасний політичний газетний дискурс : риторика і синтаксис / А.П. Загнітко // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. – Донецьк : Східний видавничий дім, 2007. – Т. 16. – С. 5–19.
8. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 324 с.
9. Карасик, В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 5–19.
10. Карасик, В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
11. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
12. Зубкова, Я.В. Ценности академического дискурса / Я.В. Зубкова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж : ВГУ, 2009. – Вып. 7. – С. 135–141.
13. Яхонтова, Т.В. Лінгвістична генологія наукової комунікації / Т.В. Яхонтова. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2009. – 420 с.
14. Gramley, S.E. A Survey of Modern English / S.E. Gramley, K.M. Patzold. – L. : Routledge, 1992. – 498 p.
15. Рябих, Л.М. Лекція як жанр американського академічного дискурсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Л.М. Рябих. – Харків, 2014. – 20 с.
16. Бурмакина, Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации : дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Н.Г. Бурмакина. – Красноярск, 2014 – 217 с.
17. Сологуб, Л.В. Комунікативні стратегії фахової соціалізації адресата у науково-дидактичному дискурсі (на матеріалі сучасних англomовних підручників з екології) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Л.В. Сологуб. – Львів, 2015. – 20 с.
18. Словник української мови – К. : Вид-во «Наукова думка». – 1970. – Том I. – 916 с.
19. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.com/index.shtml>. – Дата доступа : 22.04.2016.
20. American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ahdictionary.com/>. – Дата доступа : 22.04.2016.
21. Bernstein B. The structuring of the pedagogic discourse : Class, codes and control / B. Bernstein. – L. : Routledge, 1990. – 235 p.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 2:008

Религия в системе культуры: к постановке проблемы

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Анализируется проблема места религии в системе культуры. Сама трактовка культуры как системы предполагает выявление ее целостности и внутренних связей. Культура рассматривается как способ и результат человеческой жизнедеятельности. Религия в системе культуры задает предельные основания жизнедеятельности. Но религия является не только совокупностью догматов, но и способом деятельности на основе веры в сверхъестественное.

Ключевые слова: система, культура, религия, деятельность, целостность, самоорганизация.

In article the problem of the place of religion in system of culture is analyzed. The interpretation of culture as a system assumes detection of its integrity and internal communications. Culture is considered as a way and result of human activity. Religion in the system of culture sets the limit bases of activity. But the religion is not only a set of dogmas, but also a way of activity on the basis of belief in supernatural.

Keywords: system, culture, religion, activity, integrity, self-organization.

Обозначенная нами тема слишком обширна, чтобы ее полностью изложить в рамках отдельной статьи. Мы постараемся лишь наметить основные принципы анализа.

Прежде всего, отметим, что сама постановка вопроса о месте религии в системе культуры затрагивает две основные проблемы: во-первых, возможность трактовки культуры как системы и, во-вторых, определение места в ней религии.

Анализ религии как элемента культуры предполагает точку зрения, которая является внешней по отношению к религиозному мировоззрению. В последнем культура и религия помещаются на разных онтологических уровнях. Говоря упрощенно, культура здесь – это продукт человеческой деятельности, религия же имеет трансцендентный характер и связана с взаимодействием человека со сверхъестественным.

Но в то же время применяемый нами подход не противоречит религиозному. Мы можем рассматривать религию как систему представлений и действий, которые основаны на вере в сверхъестественное, отвлекаясь от онтологического статуса последнего. И тогда религия вполне может рассматриваться как элемент той или иной культурной системы.

Трактовка системы в настоящее время не вызывает разногласий среди исследователей. «Система (от греч. *systema* – целое, составленное из частей) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [1, с. 552].

Исходя из понятия «система», можно построить методологию анализа различных областей реальности. В качестве примера приведем фрагмент из «Критики чистого разума» Канта: «Под системой же я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им *a priori* определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга... Единством цели, к которому относятся все части [целого] и в идее которого они соотносятся также друг с другом, объясняется то, что, приобретая знание, нельзя упустить из виду ни одной части, а также нельзя сделать никакого случайного добавления... Следовательно, целое расчленено (*articulatio*), а не нагромождено (*coacervatio*)» [2, с. 680].

Очевидно, что построение системы знаний всегда предполагает выделение того или иного определенного аспекта реальности. Признавая это, не следует говорить об упрощении или огрублении последней, но о выявлении одного из ее многообразных структур. Сама трактовка реальности как системы позволяет обнаружить ее принципиально новые характеристики.

Понятие «система» использовалось уже в античной философии. Но системный подход родился из естествознания на рубеже XIX–XX вв. Наибольшую известность получила программа построения «общей теории систем», предложенная в конце 40-х гг. австрийским биологом Людвигом фон Берталанфи (1901–1972). Именно с ее модификацией связано возникшее системное движение, которое постепенно охватило все области знания: от естествознания до гуманитарных дисциплин.

Оно сформировалось в результате критики ньютоновской физики и возникшей на ее основе механистической картины мира. В последней мир рассматривался как механизм, управляемый неизменными законами. Его элементы могли существовать независимо друг от друга, их соединение имело внешний характер, подобно тому, как детали часов соединял часовщик. Механизм мог быть разобран и вновь собран, это никак не влияло на его функционирование. Биологи же, в отличие от механиков, имеют дело не с механизмом, но с организмом, который обладает принципиально иным характером целостности. Его элементы не могут существовать самостоятельно, но только внутри системы взаимодействия с другими элементами. Причинно-следственным связям в организме присущ специфический характер. Они обусловлены его целостностью и взаимовлиянием элементов. В отличие от механизма организм обладает внутренней упорядоченностью, причем она поддерживается процессом функционирования. Также организм является саморазвивающейся системой, и его развитие определяется генетической программой, заложенной в самом организме. Для организма характерно четкое различие системы и среды, и он является открытой системой, поскольку обменивается со средой веществом, энергией и информацией. Таким образом, используя организм как модель системы, можно выделить в ней внутренний и внешний аспект. Существование и развитие органической системы определяется прежде всего ее внутренними связями.

«Интенсивное развитие методологических проблем системных исследований началось во второй половине 50-х годов, и...эта область современной методологии научно-технического знания добилась значительных... показателей» [3, с. 29].

Построение методологии науки на основе системного подхода и общей теории систем сопровождалось переходом от идей гипотетико-дедуктивного обоснования научного знания к историко-методологическим моделям структуры и развития науки.

Системный подход предполагал определенную методологическую установку рассмотрения реальности: «Под системой понимается относительно устойчивая в пространстве или во времени целостная и внутренне единая часть окружающего мира, выделяемая из него наблюдателем по пространственным или функциональным признакам» [4, с. 142]. Но методология не сводится только к установкам исследователя. Она должна соответствовать структуре самой реальности и способствовать выявлению ее характеристик. В середине XX в. было осознано, что человек имеет дело не с отдельными фрагментами реальности, но с их комплексами. Особенно актуальными применение системного подхода сделалось в области экологии, когда при взаимодействии с природным окружением стало необходимо учитывать его системный характер. Кроме того, усложнилась деятельность самого человека, и ее продукты в различных областях приобрели сложный и многомерный характер. Также в условиях усиливающейся глобализации на развитие того или иного общества определяющее влияние стала оказывать его включенность в различного рода системы: экономические, политические, культурные.

Системный подход актуален и сегодня. Исследователи отмечают: «Несмотря на то, что пик системного анализа пришелся на 50–60 гг. прошлого века, в настоящее время системный подход – на новой теоретической основе – вновь становится одним из самых плодотворных развивающихся направлений» [4, с. 141].

Объясняется это, во-первых, усложнением человеческой деятельности, ее комплексным характером, и, во-вторых, выявлением новых типов взаимосвязи и взаимозависимости между различными областями реальности.

Определяющей характеристикой системы является так называемый «системный эффект», который заключается в несводимости ее свойств к сумме свойств элементов. «В строгом смысле слова система – это целостное образование, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах» [5, с. 99].

В гуманитарном знании системный подход позволяет выявить новые характеристики человека и его деятельности. Он «обладает *реальной эвристической ценностью* не только в

естествознании, ...он *приносит новое знание* в ходе изучения социокультурных систем, духовной жизни человека, художественной реальности» [6, с. 357].

Это относится и к изучению культуры. Трактовка культуры как системы предполагает, во-первых, рассмотрение ее как целостности и, во-вторых, выявление ее отличий от других систем.

Культура как система является многомерным образованием, изучение которого требует выявления его различных измерений. Поэтому любое ее определение имеет частичный характер. Давая его, необходимо учитывать положение, высказанное известным немецким философом и социологом Георгом Зиммелем (1858–1918): «Каждый, кто говорит о культуре, должен ограничить для своих целей многозначность этого понятия» [7, с. 489].

Мы исходим из деятельностного определения культуры, сформированного еще в рамках советской философии, но актуального, на наш взгляд, и в условиях современной Беларуси: «Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, разведение, почитание), специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [8, с. 292].

В определении культуры неизбежен аксиологический компонент, выявляющий ее ценностное измерение: «культура, или «вторая природа» («искусственная природа») предстает как *целостное единство способов и продуктов человеческой деятельности, в которых реализуется его активность и которая служит его самосовершенствованию, удовлетворению и возвышению потребностей, гармонизации отношений между человеком и обществом, человеком и природой, обществом и природой*» [6, с. 138].

В приведенных выше определениях культуры фиксируется характер человеческой деятельности в его отличии от поведения животных

Мы исходим из того, что деятельность есть «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [9, с. 268].

Выделяются следующие характеристики деятельности:

1. Преобразовательный характер – человек не приспосабливается к своему окружению, природному либо социальному, но изменяет его в соответствии со своими потребностями и идеями. Таким образом, если мы говорим о культуре как «второй природе», то необходимо учитывать то, что она является результатом человеческой деятельности.

2. Целенаправленный характер. Деятельность определяется не природными задатками и желаниями человека, но прежде всего теми целями, к осуществлению которых он стремится. Одним из компонентов деятельности является свободный выбор человека. Когда человек действует исключительно по принуждению, то это воспринимается как ненормальная ситуация.

3. Способ деятельности определяется не биологическими задатками людей, а исторически выработанными социокультурными программами. Эти программы не только реализуются в деятельности, они в ней вырабатываются и изменяются.

4. Деятельность направлена к саморазвитию и самоусложнению. Поэтому развитие культуры как способа человеческой жизнедеятельности имеет в целом прогрессивный характер.

Также следует учитывать, что при анализе деятельности в качестве предполагаемого образца используется деятельность отдельного человека. Однако это – результат абстрагирования. Деятельность всегда имеет коллективный характер. Даже попав на необитаемый остров, человек использует те способы и средства деятельности, которые выработаны в его обществе. Таким образом, деятельность отдельного человека – это часть общественной системы. И эта система меняется: в античности – существовали одни способы и средства деятельности, в современном обществе – иные.

При рассмотрении культуры как способа человеческой деятельности необходимо выявить структуру последней. Она включает в себя следующие компоненты: цели, средства, результат и сам процесс деятельности, а также нормы деятельности: технические и мировоззренческие. Первые показывают, как деятельность должна осуществляться, вторые – для чего она осуществляется, в чем ее смысл.

Анализируя вопрос о том, что делает культуру системой, условно выделим два основных подхода – материалистический и идеалистический.

В первом культура рассматривается «снизу», как способ удовлетворения потребностей человека. Для материализма характерно, так сказать, геологическое представление об общественной жизни. В ней выделяются глубинные и поверхностные слои. В марксизме культура относится к области надстройки и определяется способом производства материальных благ в том или ином обществе.

Идеализм рассматривает культуру «сверху», с точки зрения идей, которые являются преобладающими в данном обществе и которыми руководствуются в своей деятельности его члены. Идеям в этом случае приписывается самостоятельный характер, они не выводятся из повседневной жизни, но определяют ее.

Мы считаем, что рассмотрение культуры как системы делает возможным оба эти подхода. Как материальные потребности, так и идеи – два компонента человеческой жизнедеятельности. В различных ситуациях человек может руководствоваться одним из них. Более того, социальные группы структурируются по-разному: на основе религиозных верований, материальных интересов, идеологий и т. д.

Культуру мы рассматриваем как сложную систему, построенную на принципах саморазвития и самоорганизации. Следует учитывать не только разнокачественность ее подсистем (экономики, искусства, морали, религии и т. д.), но и то, что каждая из них задает свой особенный ракурс трактовки культуры в целом.

Для пояснения этого положения мы воспользуемся рассуждениями немецкого социолога Никласа Лумана (1927–1998), относительно современной методологии изучения общества: «Классическая методология предписывает исследователю вести себя так, как если бы он являлся единственным “субъектом”. Это, как надеются, сделает возможным продолжение (логической и онтологической) традиции, которая исходила из различения мышления и бытия, а в мышлении пыталась достичь бытия. Такое соотнесение, безусловно, является похвальной целью, но мы имеем право спросить и о том, к каким потерям приводит ориентация исследования на эту цель. В конечном счете, современное общество, в котором ведь и должно осуществляться исследование, является поликонтекстуальной системой, допускающей множество описаний ее комплексности. Поэтому вряд ли можно было бы ожидать от исследования, что оно навяжет обществу какое-то моноконтекстуальное описание – во всяком случае, когда речь идет о теории общества» [10, с. 19].

Сама попытка объяснить культуру только с одной точки зрения неизбежно приводит к односторонности, а в политической области к тоталитаризму, который может рассматриваться как стремление превратить сложную систему в простую.

Также следует учитывать, что культура не является вневременным и внепространственным образованием, она привязана к конкретной эпохе и конкретной территории.

Европейская культура, к которой принадлежим и мы, имеет историю, отличную от истории культур других регионов. Выделяют два ее основных источника: это культура античности и христианство. Именно они во многом определили развитие культур европейских народов, в том числе и нашего. Например, Франциска Скорины, личность и деятельность которого имеет для нас знаковый характер, является христианским просветителем и представителем Возрождения.

История культуры Беларуси рассматривается в контексте ее промежуточного характера. Наши земли последовательно входили в различные государственные образования с различной цивилизационной ориентацией: Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитую, Российскую империю, Советский Союз. А с 1991 г. мы являемся независимым государством. Все это привело к разорванности нашей культурной традиции, в ней присутствуют разнородные культурные ценности, что оказывает воздействие на поиск путей дальнейшего развития.

В настоящее время положение Беларуси многими исследователями описывается как нахождение «между Европой и Россией». При этом зачастую при определении культурной специфики наших соседей на одно из первых мест ставится религиозный компонент: считается, что в основе русской культуры лежит православие, европейской – католичество и протестантство.

На основе выбранного нами подхода к культуре дадим определение религии. Религия – это тип мировоззрения и поведения, основанный на вере в сверхъестественное. Поскольку сверхъестественное наделяется священным характером и рассматривается как предельно высшее, то зачастую считается, что религия задает той или иной культуре основные ориентиры развития.

Однако религия сама является системой и включает в себя помимо ценностных еще и деятельностные компоненты. Принятие ее положений порождает специфический характер поведения. Обычно место религии в культуре определяется ее влиянием на мораль.

О нем писал еще Цицерон, которому принадлежит первое определение культуры и религии: «А если не будет благочестия, то вместе с тем неизбежно исчезнут и набожность и религия. Если же и эти исчезнут то последует великий переворот всей жизни и великое смятение, и, пожалуй, с исчезновением благочестия к богам не устранился ли также вера и человеческое сообщество, и самая совершенная из всех добродетелей – справедливость?» [11, с. 61].

Но влияние религии на человеческую деятельность имеет гораздо более широкий характер и затрагивает сферу экономики, политики, права, искусства и т.д. В основе любой религиозной системы лежит вера – открытость человека сверхъестественному, уверенность в его реальном существовании и возможности взаимодействия с ним. При этом следует подчеркнуть, что вера имеет не интеллектуальный, но экзистенциальный характер: сущность ее не в том, что верующий знает, что существует сверхъестественное, но в том, что сверхъестественное занимает определенное место в его жизни и влияет на его поведение. Таким образом, место религии в системе культуры определяется тем, что постулируется «иная» реальность, которая для жизнедеятельности верующего человека имеет определяющий характер.

Подводя итоги нашего анализа проблемы определения места религии в системе культуры, сформулируем основные выводы:

1. Культура является целостной системой, образованной взаимодействием ее компонентов, обладающей свойствами, не сводимыми к сумме свойств компонентов.

2. Ее целостность задается не «духом» (не идеальными конструкциями), но схемами деятельности. Идеи, представления, потребности человека – это часть процесса деятельности.

3. Культура гетерогенна. Это означает, что в различных ее сферах деятельность организована по-разному. По мере развития культуры усиливается ее внутреннее разнообразие, но также возникают новые способы обеспечения культурной целостности.

4. Религия обращена к реальности, которая трактуется как наделенная высшей ценностью. Этим обусловлено ее место в культуре. Однако религия не сводится только к представлениям и идеям, но принятие последних предполагает определенный способ деятельности. Таким образом, место религии в культуре определяется тем, в какой мере она влияет на поведение людей.

Литература

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет : В. С. Степин [и др.]. – М., 2010. – Т. III. – 692 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
3. Садовский, В.Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития / В.Н. Садовский // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1979 ; Ред. кол. : Д. М. Гвишиани (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – С. 29–54.
4. Клейнер, Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика / Г.Б. Клейнер // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 141–149.
5. Афанасьев, Г. О системном подходе в социальном познании / Г. Афанасьев // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 98–111.
6. Каган, М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи / М.С. Каган. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 384 с.
7. Зиммель, Г. Кризис культуры / Г. Зиммель // Избранное ; отв. ред. Л.Т. Мильская. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1. Философия культуры. – С. 489–493.
8. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. : Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности / Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 388 с.
10. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновский – М. : Логос, 2004. – 232 с.
11. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон ; отв. ред. Г.Г. Майоров. – М. : Наука, 1985. – 381 с.

Философско-культурологическая концепция классического евразийства: дилемма универсализма и плюрализма

С.Г. ПАВОЧКА

Рассматриваются философско-культурологические основания концепции классического евразийства. Показана неоднозначность следствий, вытекающих из предложенной евразийцами культурологической концепции. Дилемма культурного плюрализма и универсализма привела евразийцев к обоснованию необходимости выделения евразийско-русского культурно-исторического типа, ключевые спецификации которого оказались во многом альтернативными по отношению к западному культурному типу и генерируемой его европоцентристской логикой вестернизации.

Ключевые слова: евразийство, русская философия, культурология, социальная философия, идеология, европоцентризм.

Philosophical and culturological basis of classical Eurasian conception is analyzed. Controversy of proposed by Eurasian culturological conception is shown. Dilemma of cultural pluralism and universalism make possible for Eurasians substantiation of Eurasian-Russian cultural and historical type. Its basic specifications are alternative to western cultural type and generated eurocentric logic of westernization.

Keywords: eurasianism, Russian philosophy, culturology, social philosophy, ideology, eurocentrism.

Как идейное движение евразийство оформилось в русской эмиграции «первой волны» в 1921 г. Его отцами-основателями выступили филолог и культуролог Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, богослов и историк церкви Г.В. Флоровский, искусствовед П.П. Сувчинский. В разные периоды существования к евразийству присоединялись и другие значимые фигуры русской интеллигенции, среди которых особо выделяется фигура историка культуры и философа Л.П. Карсавина. Евразийцы заметно выделялись на общем фоне «пореволюционных» идейных движений предельной радикальностью постановки классических тем русской общественной и философской мысли. Предложенные ими концептуализации русской истории и культуры отмечены исключительной оригинальностью. Неординарным является и опыт философско-культурологической рефлексии евразийства, связанный с обоснованием евразийско-русского культурного мира как особой исторической спецификации культуры, обладающей относительно автономной логикой развития и рядом черт, делающих ее отличной от западного исторического пути, якобы воплощающего магистральную тенденцию мирового развития.

На место «монотонной картины линейно-образной всемирной истории» евразийцы поместили ценности своеобразия и уникальности культур. Эти культурные миры, как и у Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, К.Н. Леонтьева, самодостаточны и самоценны, развиваются исходя из внутренне присущей им целесообразности, взаимодействуя между собой. Любой отдельно взятой культуре присущи собственные начала жизни, естественное желание оградить себя от сил воздействия извне, творческий синтез привнесенных в нее инноваций с содержанием собственной традиции. Этим определяются оригинальность и устойчивость культуры, обеспечение преемственности и поступательности ее развития.

Любая культура, указывали евразийцы, всегда должна оставаться «национально ограниченной», но вместе с тем органической сущностью. Представляя собой качественно определенную системную целостность, культура характеризуется внутренней гармонией, определяющей своеобразие путей ее исторического развития. При этом культура всегда означает созидание новых ценностей. Указанный процесс невозможен без опоры на сформировавшиеся ранее ценности и детерминируемые ими поведенческие образцы. Последнее позволяет рассматривать в качестве нормы развития культуры систему сложившихся в ней традиций. Поскольку ценности всегда реализуются в исторически конкретных способах своего воплощения, это означает, что то, что выдвигается в качестве общечеловеческих ценностных начал

жизни, в сущности, представляет собой форму осуществления и последующей универсализации ценностей отдельно взятой культуры, в данном случае – западноевропейской. Рассматриваемый в глобальном масштабе, этот процесс однозначно свидетельствует о претензиях романо-германского мира подменить неевропейское европейским, о навязчивом стремлении представить единый мир как скроенный по западной шаблонной схеме.

Европейский космополитизм, оперируя терминами «цивилизация», «цивилизованное человечество», вкладывает в их содержание культуру и цивилизацию романо-германских народов и тех народов, которые приняли культуру Европы. Понятия «человечество», «общечеловеческая цивилизация» несут в себе вполне определенное этнографическое содержание, поэтому европейский космополитизм можно с достаточным основанием назвать общеромано-германским шовинизмом, в основе которого лежит антикультурный и антисоциальный, по существу, принцип эгоцентризма, препятствующий свободному «общечитию» народов. В онтологическом плане эгоцентризм может быть оправдан только силой, он всегда представляет собой идею победителя. Именно поэтому, заключает Н.С. Трубецкой, европейцы и не движутся дальше собственного романо-германского шовинизма. Духовная культура и мирозерцание романо-германцев вытекают из положения о том, что вся бессознательная душевная жизнь и проистекающие из нее предрассудки должны быть верифицированы разумом и логикой. Правосознание европейца изначально противоположно свободному общению людей, а его этика не отрицает решения вопросов грубой силой.

Европоцентрическое сознание рисует картину мирового прогресса, выделяя в нем определенные ступени и стадии. Тем самым оно обнаруживает и свою ненаучность, поскольку в действительности начала и концы эволюционной схемы прогресса не поддаются определению. В основе пирамиды прогресса европоцентристская логика помещает некультурные народы, далее следуют народы малокультурные и культурные (т. е. собственно романо-германцы). С очевидностью в этой схеме проступает момент оценки, делающей возможной классификацию по ступеням совершенства. Ненаучность данной схемы проявляется в ее субъективной направленности как следствии эгоцентрической психологии. Принцип, лежащий в ее основе, необъективен. Историческая практика демонстрирует противоположные выстраиваемой схеме факты: европейцы всегда побеждают дикарей, дикари не воспринимают европейских понятий. Здесь Н.С. Трубецкой развивает идеи, во многом совпадающие с положениями концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера. В частности, он говорит о врожденных и благоприобретенных чертах психики. Последние представляют собой такие черты, которые присущи и другой культуре, т. е. те черты, которые связаны с элементами культуры, общими как для представителя определенной культуры, так и для носителя иной культуры. Благоприобретенные черты, основанные на таких сторонах культуры, которые не находят эквивалента в культуре «другого», остаются непонятными, что с очевидностью обнаруживается при столкновении культур. Соотношение врожденных и благоприобретенных черт национального характера всегда представляется с перевесом в сторону первых черт, а сила перевеса прямо пропорциональна силе культуры данного народа. Чем больше культура народа отличается от нашей, тем элементарнее она нам будет казаться. Эта оптическая аберрация, кажущаяся на уровне обыденного сознания вполне естественной, небезобидна и опасна на практике. Элементаризм предвзятой логики европоцентризма не замечает, что большая или меньшая сложность культуры еще ничего не говорит о степени ее совершенства. Эволюционный процесс может быть направлен как в сторону усложнения, так и в сторону упрощения, поэтому степень сложности не является объективным критерием прогресса: «Вместо лестницы, – писал Н.С. Трубецкой, – мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие» [1, с. 80].

Ссылаясь на Г. Тарда, Н.С. Трубецкой указывает на следующие этапы формирования любой культурной ценности: открытие (*invention*), подражание (*imitation*), борьба за первен-

ство новой и старой ценности (duel), в результате которой одна из этих ценностей побеждает и вытесняет другую (logique). Возникающая ценность культуры, преодолевая последнее обстоятельство, распространяется через механизм подражания на весь социальный организм и таким образом данное культурное открытие (изобретение) трансформируется в факт общественной жизни, становится элементом культуры. На уровне индивидуального сознания столкновение двух или нескольких подражательных волн приводит не к вытеснению ценности, а к их синтезу. Общий запас культурных ценностей, составляющий инвентарь культуры, трансформируется посредством традиции, являющейся залогом культурной преемственности и органичного развития культуры. По убеждению Н.С. Трубецкого, Тард недооценил значение наследственности. Наследственный фактор дополняет традицию и позволяет осуществить межпоколенную трансляцию вкусов, предрасположенности и темпераментов создателей культурных ценностей в прошлом, чем, собственно, и детерминирована в конечном счете органичность культурного развития.

Европеизация преимущественно движется сверху вниз, первоначально охватывая социальные верхи – аристократию, городское население; затем она спускается вниз, распространяясь в массах, порождая общую картину «скачущей эволюции». Что принесла европеизация неромано-германским народам? Пороки, вредные для здоровья привычки, особые болезни, приносимые европейскими «культуртрегерами», милитаризм, лишенную эстетики промышленную жизнь. В реальности военная техника европейцев есть следствие милитаризма, а фабричное производство – следствие капитализма. Однако ни то ни другое не вечно. Возникнув исторически, милитаризм и капитализм ограничены во времени. В свое время Петр I заимствовал у немцев военную и мореплавательную технику, но, увлекшись, заимствовал вместе с ней и многое лишнее. «Окно в Европу» должно было быть временным. Взяв из Европы все необходимое, Россия должна была повернуться к ней спиной, развивать собственную культуру свободно, без «рвения на Запад». XVIII в. был для России столетием копирования Европы, подражания ей.

Представленные выше оценки европеизации требуют полного поворота и революции в сознании интеллигенции неромано-германских народов: «Надо, – подытоживал Н.С. Трубецкой, – твердо помнить, что противопоставление славян германцам или туранцев арийцам не дает истинного решения проблемы. И что истинное противопоставление есть лишь одно: романо-германцы – и все другие народы мира, Европа и человечество» [1, с. 100].

Евразийцы, таким образом, обнаруживают достаточно сдержанное отношение к «чужеродным» культурным вкраплениям, ведущим, по их мнению, к разрушению целостности и органичности культуры-реципиента. С этих позиций современная евразийцам Европа описывается как наиболее агрессивное культурное образование, осуществляющее ничем не ограниченную экспансию собственных духовных ценностей. Утверждающий себя в форме «культурного гегемона» романо-германский мир изначально противоположен и враждебен по отношению к самобытным культурам и цивилизациям, сложившимся за рамками европейского региона. Посредством европеизации традиционных обществ их культурные традиции постепенно утрачивают привязку к собственным корням. Тем самым сужается одновременно и сфера возможностей реализации самостоятельного развития. К тому же, как отмечал Н.С. Трубецкой, культурная работа «природного европейца» несоизмерима в своей продуктивности с результатами социального творчества «неевропейца», принимающего западные стандарты и ценности жизни. Это заранее ставит любой европеизируемый народ в неконкурентоспособное и подчиненное по отношению к Европе положение. Вынужденный тратить созидательные силы в различных направлениях деятельности, ориентированной, с одной стороны, на привнесенную извне, а с другой стороны, на созданную ранее собственными силами традицию, «неевропеец» обречен на воспроизводство разнородных традиций, не поддающихся приведению их к внутреннему единству. Трагедия европеизации связывается с внутренней расщепленностью «национального единства» как следствия невозможности органически ассимилировать заимствованное извне.

Внутренняя дифференциация любой культуры неизбежно включает в себя две обязательные части – «верхи» и «низы» культурного здания. Под «низями» Н.С. Трубецкой пони-

мал запас культурных ценностей, обеспечивающий удовлетворение потребностей наиболее широкой массы национального целого («народные массы»). Они сравнительно элементарны, создаются самими массами и не содержат выраженной печати индивидуального творчества. «Верхний» запас ценностей творится господствующими частями национального целого, он соответствует утонченным потребностям и требовательным вкусам. Как следствие этого «верхний» запас сложнее. Нормой культуры является известный обмен, взаимодействие «верхов» и «низов». «Верхний» запас будет являться господствующим в силу «престижа», иницирующего стремление к подражанию, почтению и повиновению. Непостоянство «верхов» может сказаться в эрозии «престижа», и тогда первенство переходит к другой социальной группе или к самим «низам». Формирование новой аристократии сопряжено с выносом на «верхи» культурного здания многих ценностей «нижнего» запаса. Кроме этого движения ценностей внутри национального организма ценности могут быть также заимствованы и извне. Будучи органически претворенными в плоть и кровь культуры-реципиента, они содействуют оптимальному поддержанию баланса «верхов» и «низов». Отсутствие этой равнодействующей силы обнажает зазор между ними, обуславливает внутренний разрыв культуры и нарушение единства нации. Культурные «верхи» в России, по убеждению евразийцев, всегда жили реципированными культурными традициями – византийской, романо-германской. Освоенные «верхами», они проникали и в массы. В особенности это присуще византийской традиции восточного православия, усвоение которой народом привело к преобразованию греческой традиции в Русское Православие. Движение западной культуры вниз было более медленным, а ее воздействие на сознание народа чрезвычайно слабым [1, с. 126–140].

Европеизация как главная причина разрыва между правящим слоем и народом приводит к углублению пропасти между «верхами» и «низами» общества. Этот процесс осуществляется «сверху», затрагивая сначала социальные «верхи», затем он выливается в открытое и быстро растущее противостояние европеизируемой элиты и масс. Вполне очевидно, что следствия европеизации взрывают единство нации изнутри, усиливают социальную и духовную дифференциацию, а сопутствующий ей рост классовой борьбы существенным образом сужает возможности достижения социального согласия. Удел такого общества – хроническое запаздывание, историческое отставание, сопровождающееся постепенным выталкиванием на обочину мирового прогресса. Таким образом складывается комплекс «национальной неполноценности». Его неотъемлемыми составными элементами являются формирующееся презрительное отношение к самобытно-национальному, исчезновение чувства патриотизма, национальной гордости. Приписывая данной тенденции характер «рокового закона», негативные последствия европеизации евразийцы фиксировали в разрезах экономической и политической зависимости, различных типах эксплуатации неевропейского ареала, превращающих его в «этнографический материал», питательную среду развития романо-германского мира. Отсюда следовал вывод, что «неевропейцы», сознательно или вынужденно избравшие европейский путь культурно-цивилизационного развития, Европой не станут, не изменив собственной самобытности, но даже в этом случае не будут приняты ею за «своих».

В России этот процесс шел на протяжении нескольких столетий. Начало ему положили реформы Петра I, осуществившего на практике радикальный поворот России к Европе. Логическое завершение европеизации русского народа евразийцы усматривали в революции 1917 г., приведшей к водворению в России большевизма. На протяжении всего этого времени шло «отпадение» правящего слоя от народа, следствием чего стали распад и внутреннее разложение самой симфонической личности народа. При этом процесс «отъединения» элиты от народа был настолько глубоким, что ассоциировался с разложением самой Русской Исторической Власти, в условиях которого монархическое движение становилось принадлежностью маргинальных слоев русского общества. Подлинная Русская Государственность стала уделом социальных «низов», далеких от государственного инстинкта «народного континента», несущего в себе «стихию государственности». Последняя способна смести внутренне распадающуюся правящую «верхушку» общества. Однако процесс оформления нового правящего слоя достаточно длителен. Вырождающийся правящий слой должен быть уничтожен на-

циональной государственной стихией, что закладывает возможности для созидания нового правящего слоя. Рассматриваемое «впадение» в революцию названо евразийцами опасной болезнью симфонической личности. Оно может привести как к созданию новой государственности, так и к смерти народа, когда он превращается в простой «этнографический материал». Будучи, однако, явлением неизбежным, революция как факт убедительно демонстрирует несостоятельность попыток реставрации прежнего общественного строя и восстановления прежнего правящего слоя. Революция преодолевается именно через создание нового правящего слоя с присущим ему инстинктом государственности. Революция как болезнь должна вести и к формированию устойчивого иммунитета против революционной болезни в будущем.

В конечном итоге европеизация ведет к утрате национального облика неромано-германского мира, вынужденного подчинять свои этнографические и культурные начала эгоцентрическому диктату внеположенных для него культуры и психологии. В основе пирамиды, среди некультурных народов, эгоцентризм обнаруживал и кочевников, что шло вразрез со взглядами евразийцев, отрицавших «лестницу ступеней совершенства» и пытавшихся реализовать инверсию в описании истории с Востока на Запад.

Противоположность «Востока» и «Запада» стала широко распространенной формулой со времен Геродота и раскрывается она как борьба свободы и деспотизма, прогресса и косности. Более взвешенное рассмотрение данного антагонизма показывает, что у «Запада» имеется свой «Восток», а у «Востока» – собственный «Запад». Между ними существуют не только непримиримые различия, но и общие начала. П.М. Бицилли констатирует наличие постоянного взаимодействия между Востоком и Западом в истории Старого Света. Именно с разрывом этих отношений он связывает негативные тенденции в восточной и западной культурах: Иран – духовно и материально поникает; Китай – застывает в своей религии социальной морали, вырождающейся в обрядность; Индия впадает в религиозно-философский пессимизм в соединении с политическим порабощением; Европа, оторвавшись от этих источников своей культуры, утрачивает связь с центрами возбуждения и обновления ее мысли. Она не просто топчется на месте, но и деградирует в плане высших привнесенных в нее Востоком идей. Тотальное духовное обнищание Европы есть следствие экономического развития. Идеино она хватается за неокатолицизм, теософию, ницшеанство в поисках собственного духовного возрождения, которое возможно через восстановление нарушенного культурного единства Старого Света. Доминантой современности становится культурный синтез, взаимное духовное оплодотворение Востока и Запада. И Россия в этом процессе взаимного культурного движения не столько отделяется, сколько связывается с Азией [2, с. 85–91].

Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидającego ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью – отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции, опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободных целей. Культуру евразийцы истолковывали не как случайную совокупность отдельных элементов, а как органическое и специфическое единство, как живой организм. С чисто формальной точки зрения нет самостоятельных культур в том плане, что все новые культуры рождались в существующей среде других культур. Но в сущности своей каждая из них самобытна, возникает и развивается как нечто абсолютно новое и специфическое, что фиксируется евразийцами в понятиях «идея» или «дух» культуры. Русское славянофильство XIX в. было «смутным» осознанием своеобразия русской культуры. Евразийство «углубило» понимание специфичности русской культуры, которая приводит мыслителей к решительному отрицанию сущности западничества именно как отрицания самобытности и существования русской культуры: «Нам стыдно, – писали евразийцы, – за русских людей, которым «приходится» узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера» [3, с. 41]. Очарованию западного духа в свое время подверглись и славянофилы, что выразилось в растворении последними русско-евразийской культуры в племенном родстве. С евразийской точки

зрения более важным в осмыслении русской культурной специфики признаются «туранские элементы», а механистический подход к культуре должен быть восполнен принципом органичности, единства и целостности культуры.

Культура всегда рождается и развивается как определенное органическое целое; «конвергентно» локализуется в политической, хозяйственно-экономической и бытовой формах, выявляется в этническом типе, географических особенностях территории.

В основание наименования евразийской культуры мыслители заложили определенную географическую целостность – единство Европы и Азии как материка – Евразии. Она представляет особый континент, собственно Евразию и два периферийных мира: азиатский (Китай, Индия, Иран) и европейский, граничащий с Евразией по рекам Неман – Западный Буг – Сан – устье Дуная. Эта граница является также и разделительной линией двух колониционных волн: одна из них идет на Восток, другая – на Запад, обе они соприкасаются на берегах Берингова моря. Пространственные границы Евразии совпадают с границами Российской империи, а их естественность подтверждается восстановлением границ в начале XX в., несмотря на масштабные и катастрофические потрясения революций и войн. В континентальном отношении Евразия представляет собой замкнутое типичное целое в климатическом и других географических аспектах. С севера она ограничивается полосой тундр, на юге – горными цепями, в незначительной степени она соприкасается с океаном и выходами к морям. География детерминирует экономические возможности Евразии, завязанные прежде всего на исключении в ее хозяйственной жизни свойственного Европе океанического обмена. Наличие естественных богатств и их распределение по территории Евразии указывают на ее экономическую самодостаточность, замыкая ее в специфический «континент-океан». Единство данного континента коррелирует с этническим типом евразийца, что отчетливо просматривается в истории Евразии. Все реки Евразии текут в меридиональном направлении, непрерывная полоса степей прорезает и объединяет ее с Запада на Восток: «Степная полоса – становой хребет ее истории» [3, с. 42]. Объединителем Евразии могло быть только степное государство, и доминирование этого степного (кочевого) начала в большей степени проявляется в историческом прошлом континента. Естественные условия равнинной Евразии, ставшие фактором распространения русской народности, определили социально-экономические процессы евразийской культуры и присущие ей колониционные движения с преобладанием кочевнической стихии.

Виднейший теоретик евразийства Л.П. Карсавин в аналогичном ключе развивал представления об истинной идеологии. Критерием истинности идеологии, определяемой через органическое единство идей, выступала базовая абсолютно ценная, несомненная идея, лежащая в ее основе и конкретизируемая историческим движением народов. Фиксируемая сознанием и вводимая в сферу его рефлексии, она открывает путь к достижению самости перед каждым коллективным единством посредством центрирования его сознания на своей идее, истинной системе идей – идеологии и проистекающей отсюда необходимости приведения жизни в соответствии с цементирующей ее идеей. Логический мыслительный круг Л.П. Карсавина – от идеи к жизни и от жизни к идее – преодолевался признанием за идеологией жизнеосмысляющей функции, но идеологии, порождаемой самой жизнью, ибо «семя идеи – сама жизнь», а «жизнь есть конкретность идеи» [3, с. 238]. Абсолютность, истинность, ценность как характеризующие основы идеологии понятия, взятые в полноте их онтологического статуса, в своей абсолютно-истинно-ценности обусловлены необусловленным пределом Мироздания. Вводимая Л.П. Карсавиным религиозная идея постулировала незавершенность творения эмпирической личности – ее несовершенство, неполноту, греховность, но в то же время фиксация предсодержащей в себе жизненные стихии конкретной деятельности идеи в свободно действующих субъектах-индивидуациях, раскрывающих многомодальность истинной идеологии, отсылала к необходимости конкретизации понятия «симфонии» – центральной категории евразийской «метафизики всеединства». Симфоничность личности и раскрываемой ею идеологии не отвлеченно универсальна, полнота симфонии достигается в ее предельной конкретности и индивидуализированности, конкретизация становилась смыслом ее развития [3, с. 237]. Гибель «Русской Европы» ведет к возрождению Евразии-России, рас-

крывающей себя как мировую культуру и новое мирозерцание. Новая эпоха проходит под знаком политики, сменяющей социологию. Политика строится на философском учении о личности – персонологии. Оно проясняет природу и строение субъекта культуры как соборной личности, а природа государственности предстает в нем как форма, определяющая личное бытие этого субъекта и органичность его культуры, смысл духовного и материального творчества культурно-субъекта и его отношение к себе. Культура творится свободным субъектом, представляет собой его свободное самопроявление. Частью оно является живым и становящимся, частью оно отрывается от субъекта и кристаллизуется как традиция, свободно приемлемая, одобряемая и видоизменяемая в соответствии с духом (целым) культуры.

Таким образом, определение культуры через политику, хотя и апеллировало к персонологии, выводившей строение культуры из соборности личности, оперировало понятием культуросозидающего субъекта, все же придавало толкованию культуры оттенок политизированности, прагматизма и утилитаризации не только православия, наделявшего статусом экumenичности для многоконфессиональной и многонародной России-Евразии, но и основанной на нем культуре, обозначив этим водораздел внутри евразийства, установивший сначала барьер между сферами политики и культуры, а затем разделивший их пропастью, провозглашением формулы «Мироделания, отменяющего Мирозерцание». Тем не менее предчувствие гибели «Русской Европы» и возрождения России-Евразии питалось мирозерцанием культуры, осознавалось через нее, объективировалось в ее терминах. Россия-Евразия виделась как обретающая себя культурно-этническая общность, оспаривающая правду романо-германского мира, открывающая не только ему, но и самой себе новую «общечеловеческую правду». Ценности культуры как смыслонаполняющие и смыслонесущие единицы индивидуального и коллективного существования и есть способ самопроявления свободного субъекта, самоутверждения его в истории, его индивидуализации в разнообразии культурно-исторического пространства.

Литература

1. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – 640 с.
2. Бицилли, П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света / П.М. Бицилли // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов: сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. Истории ; отв. ред. Л.В. Пономарева. – М.: ИРИ РАН, 1992. – С. 85–91.
3. Евразийство: опыт систематического изложения / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.

Гродненский государственный
аграрный университет

Поступила в редакцию 07.02.2016

Конвергентные технологии как инструмент формирования новой техносферы

В.К. СТЕПАНЮК

Обращается внимание на то, что влияние сформированной человеком техносферы на природу становится неуправляемым и несет угрозу существованию всего человечества. Глобальный кризис не может быть разрешен в рамках фундаментальных принципов цивилизации, основанной на активно-преобразовательном отношении человека к окружающей природе. Чтобы техносфера стала органической частью природы, следует перейти к принципиально новым конвергентным технологиям. Отличительной особенностью таких технологий является их максимальная близость к естественным природным процессам.

Ключевые слова: биосфера, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, нанотехнологии, ноосфера, техносфера.

The influence of man on the nature is considered. The impact of the technosphere (that is formed by man) on the nature becomes unmanageable and threatens the existence of all humanity. The global crisis cannot be resolved within the framework of the civilization fundamental principles; as the civilization is based on the active-converting attitude of man to the natural environment. In order to become an organic part of nature, technosphere should move to a fundamentally new convergent technology. A distinctive feature of these technologies is their maximum proximity to natural processes.

Keywords: biosphere, biotechnology, information technologies, cognitive technologies, nanotechnologies, noosphere, technosphere.

На современном этапе развития общества ценности техногенной цивилизации все более проблематизируются, что свидетельствует о начале перехода к новому типу цивилизационного развития. Поиск оптимальных путей решения проблем в современном мире становится все более актуальным в свете продолжающихся экологического, мирового финансово-экономического кризисов, а также социально-политических потрясений, прокатившихся в последнее время по ряду стран и регионов.

Все чаще высказывается мысль о том, что кризис не может быть разрешен в рамках фундаментальных принципов нашей цивилизации, основанной на активно-преобразовательном отношении человека к природе.

На протяжении веков человечество повышало с помощью научно-технического прогресса производительность труда и объем производимой продукции, не заботясь о том, какова цена этого роста. В результате сформировалась ресурсозатратная и разрушающая природу техносфера. Ее влияние становится неуправляемым, что несет угрозу существованию всего человечества.

Проблема влияния человеческой деятельности на природу волновала многих ученых-естествоиспытателей 19–20 вв. Значительный вклад в решение данной проблемы внес В.И. Вернадский, создавший учение о ноосфере. Через все научное и философское творчество В.И. Вернадского проходит мысль о том, что необходимо рассматривать природу и человека в ней как единое целое [1].

В эволюции биосферы Земли В.И. Вернадский выделил две принципиально различные фазы: первая – стихийное развитие, которое имело место до появления *Homo sapiens*, а вторая – после его появления, т. е. развитие с участием человека как органического элемента биосферы. Однако, несмотря на то, что ученый предвидел скорое наступление атомной и космической эры, он не мог представить масштабы изменений, которые они принесли. В настоящее время влияние человека на окружающую среду набрало критическую массу, и сегодня созданная человечеством техносфера стала, по сути, детонатором его же гибели, вступила в антагонистическое противоречие с окружающей природой.

Это противоречие, по мнению ряда ученых, не может быть разрешено путем трансформации тех или иных компонентов существующего технологического уклада. Построенная на отраслевом принципе техносфера объективно не может гармонично сосуществовать с биосферой. Необходима принципиальная перестройка всего технологического базиса в неразрывной связи его научной, производственной, социально-политической и культурной составляющих. Задача преодоления системного кризиса цивилизации, выживания человечества, становится задачей формирования новой ноосферы, где техносфера будет органичной составляющей биосферы [2].

Наука как историческая форма познавательной деятельности всегда была целостным системным образованием, в котором отдельные научные дисциплины теснейшим образом связаны между собой, взаимодействуют, оказывают друг на друга влияние. Например, в 20 в. возникли области знания, ставшие связующим звеном между науками о природе и науками об обществе, человеке: кибернетика, бионика, геновая инженерия и др. Сегодня ни одна из отраслей науки не может существовать без использования информационных технологий.

Вслед за информационными технологиями появились нанотехнологии, тоже имеющие надотраслевой характер и непосредственно нацеленные на конструирование новых материалов, ранее не существовавших в природе. Именно нанотехнологии создают фундамент принципиально нового технологического уклада и нового уровня организации науки и научных технологий.

По мнению В.С. Степина, постнеклассическое естествознание вступило в новый этап своего развития, когда появляется возможность на основе целенаправленного создания искусственных природоподобных конструкций принципиально изменить отношения между техносферой и биосферой, т. е. по существу реализовать пророческие идеи В.И. Вернадского о ноосфере [3, с. 331–374].

Для создания ноосферы, в которой техносфера станет органической частью природы, необходимо перейти к принципиально новым конвергентным технологиям. Главной отличительной чертой таких технологий должна быть их максимальная близость к естественным природным процессам. Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать природоподобные системы.

К этим технологиям относятся прежде всего нанотехнологии. Они придают науке и технике 21 в. новые черты – возвращают человека к восприятию мира как единого целого и, что особенно важно, дают возможность воспроизводить окружающий мир, пользуясь теми же «технологическими приемами», что и сама природа [4]. Нанотехнологии представляют собой надотраслевую область не только теоретически, но и предметно-практически интегрирующую специальные научные дисциплины и технологии. В настоящее время развивается взаимодополняющее сочетание нанотехнологических подходов с достижениями молекулярной биологии, биоинженерии, геновой инженерии и т. д. Такой междисциплинарный симбиоз становится базой для развития нового класса технологий – нанобиотехнологий. Вместе с тем, сегодня биология стала оперировать огромными объемами информации, что стало возможным только благодаря информационным технологиям.

Синтезируя природоподобные системы и процессы, человечество рано или поздно подойдет к созданию антропоморфных технических систем, высокоорганизованных «копий живого». Решение этих задач возможно на базе объединения методологии нано-, био-, информационных технологий с подходами и методами когнитивных наук и технологий, изучающих и моделирующих сознание человека, его познавательную деятельность. Таким образом, конвергентные нано-, био-, инфо-, когнитивные науки и технологии (НБИК-технологии) открывают возможность адекватного воспроизведения систем и процессов живой природы. Это делает их практическим инструментом формирования качественно новой техносферы, которая станет органической частью природы.

Для того чтобы разумно пользоваться всеми достижениями современной науки, создать ноосферу, о которой говорил В.И. Вернадский, необходимо учитывать и использовать закономерности трансформации сознания, психики человека. Человек как субъект практического и познавательного отношения к миру сам является объектом научно-технологического воздействия.

Технонаука и особенно НБИК-технологии становятся силой, способной коренным образом изменить природу человека и его жизнедеятельность. Сегодня в связи с конвергентными технологиями, которые являются огромной преобразующей силой, возник вопрос о том, до какого предела мы готовы пойти в этих преобразованиях, когда они касаются самого человека? Это вопрос, в котором затронуты не только сфера самосознания и саморазвития, но и самосохранения.

По мнению Д.И. Дубровского, «конвергентное развитие НБИК (нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий) создает чрезвычайно мощные небывалые средства для преобразования человека и социума, но вместе с тем и столь же масштабные риски и угрозы будущему человечества. Кумулятивный эффект, создаваемый конвергенцией этих технологий, определяется быстрым развитием соответствующих им областей знания. Мы являемся свидетелями небывало высокого темпа инноваций. Некоторые из них затрагивают фундаментальные основы жизни и чреваты непредсказуемыми последствиями» [5, с. 4].

В.С. Степин отмечает: «Сегодня новые технологии программирования массового сознания инициируют разнообразные практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе. Тем самым проблематизируется кардинальная идея прав человека» [6, с. 32].

В связи с этим возникают проблемы социогуманитарного плана: социального прогнозирования, системного управления и контроля, критериев оценки вероятных и уже достигнутых результатов, методов эффективной экспертизы, юридические и этические проблемы. Необходимо органическое включение в систему НБИК-технологий социогуманитарной составляющей, в том числе социальных технологий, которые призваны осуществлять оценочные и контролирующие функции.

Возможности НБИК-технологий должны быть соединены с достижениями социально-гуманитарных наук и технологий. На этом пути пространство конвергентных технологий приобретает еще одно измерение – социально-гуманитарное, а конвергентное единство нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий дополняется социально-гуманитарными технологиями, становясь НБИКС-технологиями [7].

Сегодня человечество находится в точке бифуркации. Мы подошли к осознанию того, что должны стать частью природы, жить за счет принципиально новых ресурсов и технологий, созданных по образцу живой природы. А это возможно только с использованием самых совершенных технологических достижений. Сохранение нашей цивилизации, ее будущее связано с появлением и развитием конвергентных НБИКС-технологий. Именно они позволят создать гармоничную ноосферу, в которой три ее составляющие – биосфера, техносфера и сложнейшая система общественных связей – будут не конфликтовать, а дополнять друг друга, теснейшим образом взаимодействовать, то есть будут конвергентны.

Бурный прогресс конвергентных технологий ставит по-новому многие старые философские проблемы и выдвигает на первый план целый ряд методологических, социальных, когнитивных и т. п. вопросов, решение которых требует философского уровня. Поэтому философы обязаны в тесной кооперации с учеными-специалистами осмысливать вновь возникающие философские проблемы в научно-технической сфере.

Новые перспективы открываются для философии, которая будет не только осмысливать процессы НБИКС-конвергенции, но и будет участвовать в этих процессах. В число социогуманитарных технологий могут войти и философские технологии. Спектр возможностей здесь очень широк – от логических технологий, применяемых для решения узкоспециализированных задач, до технологий мировоззренческих.

В связи с этим вполне обоснованной представляется точка зрения В.А. Лекторского относительно роли философии в 21 в. Он считает, что «перспективы человека во многом связаны с тем, какую роль сможет играть философия в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем. Наука и порожденный с ее помощью мир – это сегодня главное проблемное поле философских исследований» [8, с. 34].

Литература

1. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 522 с.
2. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М. : Экономика, 2010. – 256 с.
3. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы / В.С. Степин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
4. Ковальчук, М.В. Идеология нанотехнологий / М.В. Ковальчук. – М. : Академкнига, 2010. – 224 с.
5. Дубровский, Д.И. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–24.
6. Степин, В.С. Философия в эпоху перемен / В.С. Степин // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 18–34.
7. Ковальчук, М.В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М.В. Ковальчук, О.С. Нарайкин, Е.Б. Яцишина // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 3–12.
8. Лекторский, В.А. Философия, общество знания и перспективы человека / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 30–34.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.05.2016

Загадочность человеческого «Я»: проблема интерсубъективности в философии Поля Рикера и Жоржа Батая

Л.Л. Шкиль

На основе философских взглядов французских философов П. Рикера и Ж. Батая исследуется сложная и актуальная для современного общества проблема интерсубъективности, проблема понимания себя с помощью Другого. Также анализируется проблема потери идентичности вследствие заимствования от Другого несвойственных индивиду черт характера, аналогично рассматривается и потеря идентичности целого народа, в результате заимствования чужих традиций.

Ключевые слова: интерсубъективность, идентичность, самость, Другой, самоидентификация.

On the basis of philosophical researches of the French philosophers Paul Ricoeur and Georges Bataille the thorny and actual for modern society the problem of intersubjectivity and the problem of realizing itself by means of Other are examined. The problem of loss of identity is also examined as a result of borrowing from Other of an unusual to the individual character traits, the loss of identity of whole nation, as a result of adopting vicarious traditions, is also examined.

Keywords: intersubjectivity, identity, self, Other, self-authentication.

Проблема интерсубъективности для современного общества является особенно актуальной. Ведь в настоящее время мы наблюдаем смещение акцентов по исследованию и познанию человека как отдельного объекта изучения к познанию человека как части социальной структуры. Если философия экзистенциализма сосредоточила свое внимание на познании себя, на саморефлексии, то философия Постмодернизма сместила свои акценты с познания себя на познание Другого, подчеркивая этим, что «Другой» часто играет гораздо более важную роль для понимания себя, чем саморефлексивное погружение в свой внутренний мир. Поэтому для философии постмодернизма характерен и новый аспект исследования – познание себя через познание Другого.

Для современного мира проблема познания Другого, понимание Другого, толерантное отношение к Другому, особенно к культуре и мировоззрению Другого есть очень актуальна. Диалектика отношений «Я» и «Другого» является предметом исследования не только представителей философии постмодернизма, но и других мыслителей второй половины XX века. Эта проблема является ключевой в современной философии и рассматривается в целом ряде философских дисциплин: социологии, этике, феноменологии, философской антропологии, психологии, культурологии и др. Это подчеркивал и основатель немецкой классической философии Иммануил Кант, выделяя среди недоступных для человеческого познания так называемых «вещей в себе», мир психологических идей.

Обычно сложность постановки какой-либо проблемы начинается с определения, понимания и интерпретации самого термина. Мы также столкнулись с противоречивостью определения понятия интерсубъективности. Поэтому цель статьи – проанализировать генезис понимания термина интерсубъективность и раскрыть эвристический потенциал интерсубъективного подхода для философско-антропологической концептуализации в философии французского постмодернизма.

Понимание «Другого» является предметом исследования почти всех представителей философии французского постмодернизма, например, изучение маргинальных личностей в философии Мишеля Фуко, Жюльена Делеза и Феликса Гваттари, понимание себя с помощью Другого в философии Поля Рикера. Ж. Батай также считал, что вернуться в себя, познать себя можно только с помощью слияния субъекта и объекта. Действительно, в общении с разными людьми мы открываем и понимаем себя по-новому, мы ведем себя по-разному и по-разному проявляем свою сущность, в конце концов чувствуем себя комфортно или дискомфортно с определенным

человеком. По поводу этого украинский исследователь А.Н. Землянский отмечает: «Интерсубъективность как бытие взаимосогласованного опыта предполагает изначальную гармонию монад, образования интермонадичных сообществ. Благодаря коммуникативным актам сознания, в которых Я обращается к другому, а Другой осознает и понимает это обращение, возникает особая форма – Мы. Количество таких возможных форм Мы бесконечно» [1, с. 88].

Впервые проблема интерсубъективности четко ставится в немецкой классической философии. Впоследствии более основательно обосновывается в феноменологической редукции Э. Гуссерля, который интерсубъективность определил как свойство сознания, которое ориентируется на другого Я и обладает своим, но для нас недостижимым миром.

В феноменологии вопрос дальнейшего изучения понятия интерсубъективности является предметом исследований Р. Арона, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса, П. Рикера, Ж. Батая, Л. Ландгребе, Д. Карра, Б. Вальденфельса и др. Среди российских исследователей можно назвать такие фамилии: В. Бабушкин, Н. Мотрошилова, З. Какабадзе, П. Гайденоко, И. Михайлов, В. Молчанова, М. Рубене, М. Куле, Р. Кулис, Л. Новицкая, Р. Хестанов и др. Также не обошли своим вниманием этот вопрос и украинские исследователи: С. Кошарний, С. Пролеев, В. Табачковский, Е. Причепий, Н. Михальченко, С. Крымский, М. Попович, Е. Быстрицкий, И. Бойченко, А.Н. Землянский и др.

Прежде всего перед нами стоит проблема полифонического, неоднозначного подхода относительно трактовки и интерпретации самого понятия «интерсубъективность». Особенно это ярко отражается среди последних публикаций украинских ученых. Остановимся на последних исследованиях и определениях. Украинский мыслитель И.В. Бычко интерсубъективность определяет как «свойство индивидуального опыта субъекта согласовываться с опытом других субъектов, приобретая таким образом черты объективности своего содержания» [2, с. 690]. Таким образом, мы видим, что ученый хотел сказать о невозможности объективного восприятия действительности без Другого, то есть без социума.

Украинская исследовательница Л.А. Шашкова также дает свою интерпретацию этого сложного понятия: «Интерсубъективность – это структура субъекта, которая соответствует факту индивидуальной множественности субъектов и становится основой их общности и коммуникации: именно благодаря ей трансцендентальное Я убеждается в существовании Другого. Интерсубъективность распространяется не только на отношения между людьми, но и на все отношения вообще» [3, с. 31]. Таким образом, мы видим, что Людмила Александровна не просто подчеркивает значение для человека социума, а также указывает на невозможность существования индивида без Другого. Итак, интерсубъективность можно определить как социальный процесс, который формирует индивидуальность. Это подчеркивает еще одна украинская исследовательница Е.А. Донченко: «Понятие интресубъективности отражает тот факт, что человеческий индивид не является автономным существом, а имплицитно включает в себя социальность как таковую. Социальность является и условием, и результатом интерсубъективности. Социальность и интерсубъективность является фундаментом для возникновения человеческого субъекта как индивидуальности» [4, с. 100].

Кроме осознания важности Другого для жизни каждого индивида, следует также отличать понимание термина «Другой» в повседневном употреблении и с точки зрения глубокого философского содержания. В бытовом смысле «Другой» понимается тривиально просто, в том числе, например, как другое физическое тело. Но в философии Другой понимается и воспринимается как некая уникальная самость.

А.М. Землянский отмечает, что «в философской антропологии различия свое и Чужое – это проблема топоса человека в жизненном мире. Границы между «своим» и «чужим» изменчивы, они меняются как в пределах каждой эпохи, так и – в историческом процессе» [1, с. 89]. Благодаря интерсубъективности, в философии Другой (Чужой) очередной раз приобретает статус равноправного, и даже незаменимого для Я. Человек получил возможность не только выйти за пределы организованного им мира в открытый, неупорядоченный мир, но и войти в другие культурные миры, в чужую духовную жизнь. Конечно, такое обобщение является довольно относительно, ведь существует много племен, культур и народов, живущих обособ-

ленно и которые не хотят кого-то пускать в свой «культурный мир», и не хотят знакомиться и изучать культуру других народов. Также спорным является вопрос о сохранении собственной идентичности после так называемого «диалога культур». Ведь невольно возникает вопрос: а не появится ли у народов желание не просто знакомиться с чужой культурой, но и перенимать ее или же просто слепо копировать некоторые ее черты, забывая при этом свои традиции.

По этому поводу рассуждает в своих философских размышлениях и украинская исследовательница О. Марчук: «Действительно, в наше время построение границы между своим и чужим оказалось перед возможностью замены одного другим. Мы легко используем чужие мысли, смыслы, делая их своими, тогда как Свое удаляется от нас. Свое оказывается вне нас, а Чужое – внутри моего Я. Понятно, что именно Чужое способствует собственному восприятию, осознанию своей самобытности. Но при этом сопоставление своего и Чужого может способствовать как укреплению собственной идентичности, так и привести к ее изменению и разрушению. Итак, в Чужом для меня всегда присутствует опасность потери себя» [5, с. 68]. Итак, исследовательница предупреждает нас о самой главной опасности – потери собственной идентичности. Выражение «не сотвори себе кумира» ярко отражает данную проблему. Ведь часто человек, восхищаясь другим человеком, начинает перенимать его привычки, впоследствии пытается не просто подражать во всем ему, а даже слепо копировать.

К сожалению, часто можно наблюдать как не только отдельные люди, а иногда и целые культуры и народы перенимают далеко не лучшие черты. Возникает вопрос – почему? В чем их привлекательность? Возможно в том, что их легче перенять? То же самое мы можем наблюдать среди подростков, которые, насмотревшись, примитивных фильмов, либо о женщинах с легкомысленным поведением, которые впоследствии выходят замуж за миллионеров, или о мужчинах, которых показывают как сильных и богатых суперменов, которые ведут разгульный образ жизни, употребляют алкоголь и наркотики, но при этом работают на престижных руководящих должностях, зарабатывая обманом огромные деньги и т. п. Восхищаясь такими «кумирами», подростки начинают копировать их негативные аморальные черты.

По поводу этого французский философ П. Рикер писал: «Узнавание себя в ... – способствует узнаваемости относительно ... Идентификация с героическими фигурами четко указывает на эту воспринятую инаковость; но эта инаковость уже есть латентно имеющейся в самом акте идентификации к ценностям, которые приводят к тому, что мы ставим «причину» выше чем нашу жизнь; определенный элемент лояльности, который инкорпорируется таким образом в состав характера и побуждает его к верности, а следовательно и к самопридерживанию» [6, с. 118]. Таким образом, философ считает, что идентификация личности происходит по ее ценностному выбору идеалов, в том числе и героических. Именно по выбору можно судить о самой личности. Недаром в народе издавна бытует высказывание: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты». По поводу этого Л.А. Шашкова пишет: «Очевидно, понимание другого основано на моей самоинтерпретации, толковании самого себя. Я приписываю действиям другого, прежде всего, те значения и мотивы, которыми руководствовался бы я сам при осуществлении подобных действий. Если же я сам подобных действий не делаю, то стараюсь вспомнить некоторый тип лица, которому свойственны подобные действия, а затем приписываю наблюдаемому мной Другом такие мотивы, которые, насколько мне известно, характерны для данного типа лица. Другой и его действия объясняются таким образом как типичные образцы» [3, с. 87].

Это имеет огромное значение для создания и развития собственной истории, поскольку своя культура строится в сочетании двух возможностей – возможности ограничения себя от другой культуры (что и создает самобытность, как бы ограниченность каждой культуры) и возможности открыть себя другой культуре – возможности отделения и возможности взаимодействия; создаются сообщества открытости и замкнутости. Мир «своего», «своя» культура находят свою специфику только в процессе осознания чужой культуры и в диалоге с ней.

Проблема идентичности является одной из самых основных в философии французского философа-постмодерниста Поля Рикера. Он вводит понятие «человека, который может» («l'homme capable») в книге «Сам как другой». Данное понятие он считает основополагающим, таким, что символизирует принцип способности человека на что-либо. Конечно, П. Рикер не

был первым кто отводил в определении сущности человека ведущее значение его деятельности. Однако он пытался выделить четыре веские сферы человеческих возможностей: «Во-первых, способность говорить, вступать в общение с другими через язык. «Я могу говорить». Во-вторых, способность вмешиваться в ход событий через действия, усилия, если можно, так сказать, прокладывать свой путь в физическом мире. «Я могу действовать». В-третьих, способность рассказывать о своей жизни и, соответственно, формировать свою собственную идентичность через рассказ, основываясь на своих воспоминаниях. «Я могу рассказывать о себе»» [7, с. 15–16]. То есть, с помощью деятельности Я видит Другого, а без Другого индивид не увидит свою самость, свою неповторимость, свою индивидуальность. Другой часто выступает как зеркало себя.

П. Рикер разделяет понятия «idem» и «ipse»: ««Идентичность-самотождественность (idem), как мне казалось, отвечала объективным или объективизированным характеристикам субъекта, говорит и действует, тогда как идентичность-самость (ipse), по-моему, лучше характеризовала субъект, способный определить себя как автора слов и действий, субъект несубстанциональный и неподвижный, однако несущий ответственность за сказанное им и сделанное. Это означает, что индивид является тождественным самому себе» [8, с. 74]. Таким образом «idem» означает «идентичный» в смысле «аналогичный», «такой же», который включает в себя определенную форму неизменности во времени. А второе понятие «ipse» – это термин «идентичный», но связан с понятием «самости», «себя самого». Сам П. Рикер отмечал, что «нельзя осмыслить до конца idem без ipse, даже тогда, когда одно перекрывает другое» [6, с. 118].

Именно здесь выступает как противоположность понятие «Другого». Идентичности в смысле «самости» соответствуют изменения. Самость не является тождеством. То есть, мышление имеет дело с понятием «идентичности», в котором изменяются два значения: идентичности с самим собой (самости) и идентичности как того самого. О.В. Марчук по поводу этого отмечает: «Никто не конституирует собственную идентичность в одиночестве, собственный рассказ всегда уже переплетен с рассказами Других о себе, о мире, о чужих историях. Итак, идентичность Я неотделима от идентичности Другого, потому что они находятся в непрерывном интерпретативном отношении: собственный нарратив уже несет в себе фрагменты чужих нарративов и сам включается в них. Эта интерсубъективность является основой перехода от «Я» к «сам»» [5, с. 66]. Нарратив в философии П. Рикера выступает как то, что связывает индивида с самим собой, вписывает его в память и проектирует будущее.

Еще Аристотель говорил, что человек – это существо политическое. Под политическим он понимал социальность. Ведь человек не может существовать без Другого, также он не может и идентифицировать свою самость без Другого. Конечно, в течении жизни мы сталкиваемся с рядом проблем во время встречи с Другим. Одной из самых сложных является проблема экзистенциального восприятия Другого. В современном мире эта проблема раскололась на ряд мелких проблем. Например, восприятие людей с нетрадиционной половой ориентацией, восприятие пар «child free» (от англ. – свободный от детей), людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, людей, которые исповедуют «нетрадиционные» религии, людей, которые одеты «неформально» и относят себя к «неформальным» типам поведения и т.п.

Рядом с этой проблемой можно перечислить и ряд других. Например, самосохранение Я в общении с Другим, страх открыть свое истинное Я перед Другим, приспособление своего Я под требования общества и т.д. Верно отметила российская исследовательница Л.Ф. Новицкая: «Способность принять Другого зависит от способности Я к самораскрытию» [9, с. 11].

Проблема интерсубъективности, восприятия себя самого без Другого также интересовала и французского философа-постмодерниста Жоржа Батая. В своем творчестве он размышляет над иронией человеческого бытия. Философ считает, что человек стремится познать себя, выйдя за пределы своего бытия. Человек всегда осторожно относится к тому, что ему впустить из жизни «вовне» в свой внутренний мир. Ведь с очередным принятием нового человек что-то берет от Другого, и тем самым изменяет себя. Поэтому, по мнению ученого, человек часто стремится уединяться, рефлексировать, очищать себя от мира и от Другого и таким образом стремится выйти за пределы обыденного опыта, чтобы познать себя.

По поводу этого Ж. Батай пишет в работе «Внутренний опыт»: «Если, наконец, взглянуть на историю людей, на историю каждого человека – взглянуть на них как на историю побега: сначала от жизни, это грех, потом от греха, это длинная ночь, наполненная идиотским смехом, в самой глубине которой тоска» [10, с. 76]. Познание себя через бегство от мира, от Другого несколько напоминает практику исповеди во многих религиях. Человек, занимаясь погружением в себя, анализируя себя, свои действия, пытается найти свое «Я», которое дано ему от Бога, пытается освободиться от греха, который человек «получил» от внешнего мира, часто от опыта общения с Другим. Готовясь к исповеди человек должен погрузиться в мир аскетизма и поста, и таким образом отстраниться от мира, от Других, для того, чтобы понять и познать себя и свой грех. Но все, в том числе и грехи, творится в этом мире нами и Другими, нашими действиями, нашими поступками, именно человек наполняет мир, который его окружает смыслами. Изменяя себя, очищая себя от грехов человек меняет и не только мир, но и изменяет и диалог с Другим. Разными путями люди приходят к себе.

Очень интересно по этому поводу рассуждает Л.Ф. Новицкая: «На разных дорогах находят (если находят) себя, и по-разному находят (если находят) себя как Другого. Ни один из этих путей не лучше и не хуже, каждый, также как и судьба, есть уникальное решение уникального человека» [9, с. 111]. В философии постмодернизма среди многих антропологических тем одной из самых загадочных и непознанных есть также тема страсти и любви. Это один из самых сложных intersубъективных моментов человеческой жизни – встреча не просто с Другим, а с Другим, который часто становится предметом слепой любви и страсти. Тема любви поднимается у многих философов-постмодернистов, но наиболее ярко она отражена в работах Поля Рикера и Жоржа Батая.

В частности, в работе «Внутренний опыт» Ж. Батай пишет: «Пристание моего я, страстная в нем любовь ищет себе какой-то объект. Мое Я достигает свободы только за собой. Мне может быть известно, что я создал объект своей страсти, сам он не существует – и тем не менее он есть» [10, с. 139]. Таким образом, мы видим, что любовь и страсть только увеличивают желание субъекта выйти за пределы своей сущности, отойти от повседневного существования на другой, более высокодуховный, метаграницный уровень познания себя и своей свободы. Хотя, можно и оспорить этот момент истины, и выдвинуть противоположный контраргумент на счет познания себя через любовь к другому. Но, как верно отметила Л.Ф. Новицкая, что без сомнения остается только один факт: «ненахождение себя в самостоятельном свободном действии создает перманентную неуверенность своего значимого, хотя бы для себя, существования» [9, с. 114]. Таким образом, именно непознанность себя становится для человека самой большой проблемой и трагедией. Но Ж. Батай считает, что познать себя самостоятельно человеку, к сожалению, не дано, человек познает себя лишь через Другого: «самость, эта маленькая частица, это непредсказуемая и совершенно неожиданная удача, буквально обречена на желание быть Другим: целиком и с необходимостью» [10, с. 162].

Аналогичные размышления по поводу самоопределения идентичности через диалог с Другим встречаем и в философских исследованиях Поля Рикера. Он также считает, что человеческая субъективность по своей сути является антиномичной. Философ считает, что человек познает свою самость не просто через Другого, но и через знаки культуры, которыми наполнили этот мир Другие. Такую же трагическую антиномичность освещает в своей философии и Ж. Батай: «человек должен бороться с волей, которая им движет – быть одиноким, и в то же время – быть всем» [10, с. 173].

Итак, мы видим, что проблема intersубъективности в постмодернизме меняет свои мировоззренческие ориентиры. Если в феноменологии Э. Гуссерля и философии экзистенциализма эта проблема ориентировалась больше на познание личности как отдельного индивида, то философия постмодернизма, как в принципе и вся современная философия, ориентируется в целом на преодоление человеческого эгоизма, указывает на невозможность существования и познания человеческого Я без Другого. Французские философы Ж. Батай и П. Рикер считали, что с каждым новым принятием нового, человек что-то берет от Другого и тем самым изменяет себя. Но вместе с тем перед человеком стоит новая проблема – потеря собственной идентичности. Вместе

с проблемой интерсубъективности в современной мировой философии поднимается ряд смежных, чрезвычайно актуальных для нашего времени проблем: толерантности и интолерантности, одиночества и самости, любви и ненависти, зависти и сострадания и т. п. Все эти антагонизмы вписаны в центр проблемы интерсубъективности и диалога между Я и Другим.

Литература

1. Землянский, А.М. Философско-антропологическая концептуализация исторического мира: опыт феноменологии / А.М. Землянский // Мультиверсум. Философский альманах: сб. науч. работ. – 2008. – Вып. 70. – С. 87–95.
2. Бычко, И.В. Интерсубъективность / И.В. Бычко / История философии. Словарь / Под. ред. В.И. Ярошовца. – 2-е изд., перераб. – К. : Знание Украины, 2012. – 1087 с.
3. Шашкова, Л.А. Диалогичное измерение гуманитарного знания. Монография / Л.А. Шашкова, М.В. Злочевская. – К. : Издательский дом «Профессионал», 2011. – 176с.
4. Донченко, Е.А. Интерсубъективность как субличность взрослого человека / Е.А. Донченко // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 13. – С. 97–105.
5. Марчук, О.В. Интерсубъективное измерение процесса идентификации личности // О.В. Марчук // Мультиверсум. Философский альманах. – 2006. – № 57. – С. 61–69.
6. Рикер, П. Сам как другой / П. Рикер ; Пер. с фр. – К. : Дух и Буква, 2000. – 458 с.
7. Рикёр, П. История и истина / П. Рикёр ; Пер. с фр. – СПб. : Алетейя, 2002. – 400 с.
8. Рикер, П. Интеллектуальная автобиография. Любовь и справедливость / П. Рикер ; Пер. с фр. – К. : Дух и Буква, 2002. – 114 с.
9. Новицкая, Л.Ф. Проблема нравственного самообретения в пространстве интерсубъективности / Л.Ф. Новицкая. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 128 с.
10. Батай, Ж. Внутренний опыт // Ж. Батай ; Пер. с франц. ; послесловие и комментарии С.Л. Фокина. – СПб. : Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.

Национальный педагогический
университет им. М.П. Драгоманова

Поступила в редакцию 20.11.2015

Технический редактор: *И.В. Близнец*. Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 27.06.2016. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 100 экз. Заказ № 424.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330/450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.